

НОВАЯ ПОЛЬША 6/2016

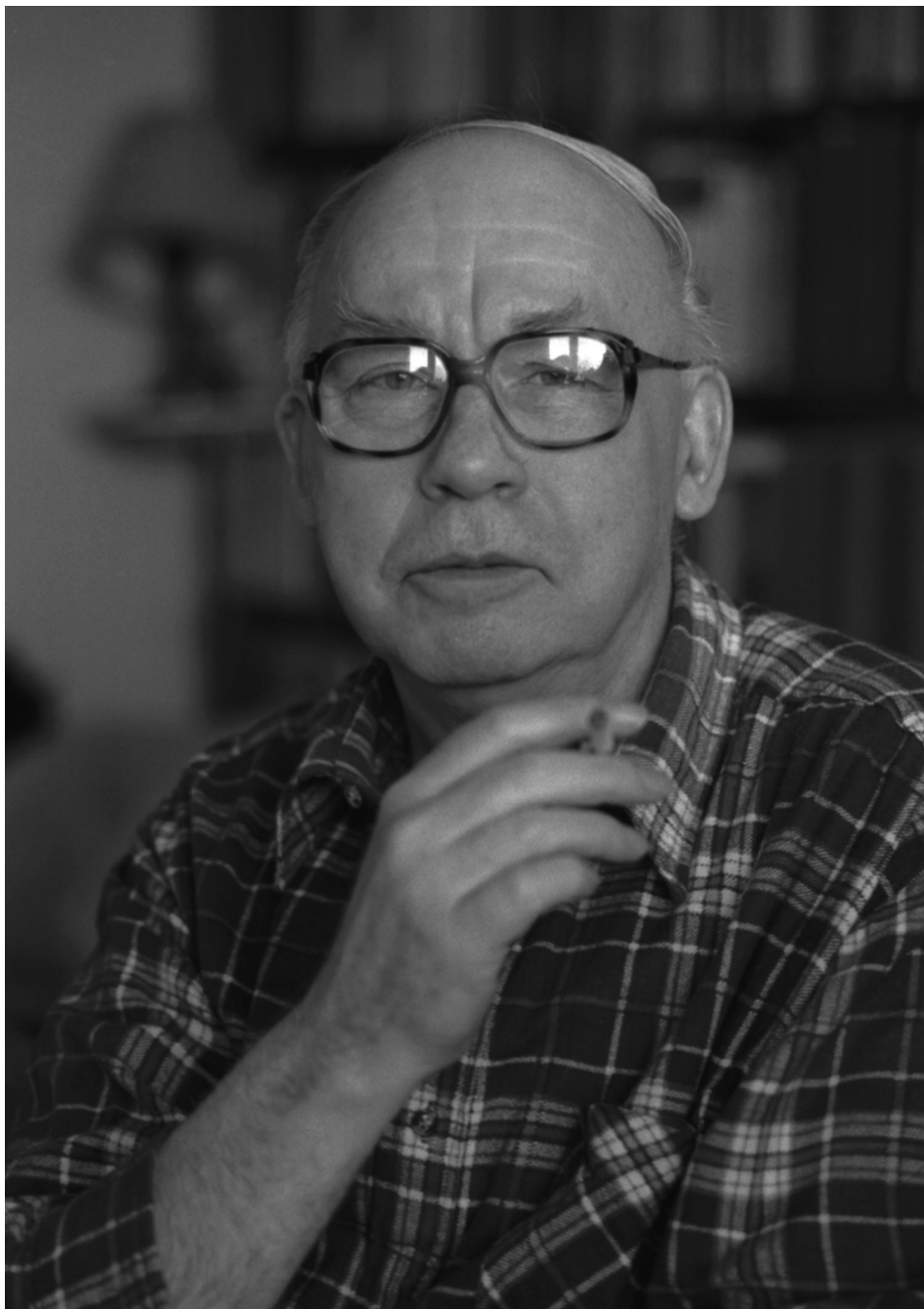
Выпуск изображений

Рышард Пшибыльский родился 1 июня 1928 года в Ровно на Подолье. В течение многих лет был профессором в Институте литературных исследований Польской Академии наук. «Он был виртуозом раскрепощенной мысли», — сказала о нем Мария Янион. Он принадлежал к узкому кругу лидеров нескольких поколений польских интеллектуалов. Оставил нам эссе, которые навсегда вошли в канон польской культуры. Фото: Э. Лемпп

Его интересы и эрудиция простирались от Нового Завета, учения христианских отцов-пустынников, творчества Шопена, польских классицистов и романтиков — до прозы Ярослава Ивашкевича и поэзии Осипа Мандельштама, которую он гениально переводил. Перечислять его многочисленные книги, даже те, которые принесли ему пять номинаций на литературную премию «Нике» («Зимняя сказка: эссе о старости», «Невзнузданный конь. Эссе о мышлении Юлиуша Словацкого», «Кременец», «Громада зла и кроха добра», «Смеющийся Демокрит. *Un presque rien*»), — значит говорить лишь о малой толике воздействия Пшибыльского на польскую культуру. Фото: Э. Лемпп

Рышард Пшибыльский – выдающийся эссеист, великий переводчик, историк литературы – умер 10 мая в Варшаве в возрасте 88 лет. (Полный текст Павла Гозлинского – внутри номера). Фото: Э. Лемпп

Содержание

1. Крещение как Евросоюз
2. Хроника (некоторых) текущих событий
3. В тени
4. Украинцы очень доброжелательны
5. Стихотворения
6. Выписки из культурной периодики
7. Смертельный хлеб
8. Элвис жив!
9. Культурная хроника
10. Умер Рышард Пшибыльский
11. Польский театр как образ жизни
12. Свобода – song
13. Владимир Маяковский. «Быть своим» и «быть чужим»
14. Нет догмата о непогрешимости президента

Крещение как Евросоюз

С профессором Генриком Самсоновичем
беседует Адам Шосткевич

Профессор Генрик Самсонович. Фото: Agencja Gazeta

Крещение Мешко I Дубравкой. Рис. Славомира Мрожека, 1958.

— *Профессор, что же, собственно, произошло в 966 году?*

— Очень трудно назвать это крещением всей Польши, тогда крестились только князь и его двор. И то не весь. По сути дела Польша тогда впервые вошла в Европу. X век был периодом, когда папский Рим переживал кризис, но в то же время в Церковь влилось семь новых государственных организмов, в т.ч. Дания, Швеция, Норвегия. Ранее христианство принимали некоторые чешские князья, о чем их подданные, вероятно, даже не знали, так же, как не знали о крещении Мешко жители тогдашней деревушки на берегу Вислы, которая сегодня является столицей нашей страны.

— *А где конкретно крестился князь Мешко? Ведь среди историков есть разные мнения на этот счет...*

— Если честно, мы не знаем. Гнезно было центром языческого культа, вероятно, именно поэтому там выстроили собор, в котором позже был похоронен святой Войцех^[1]. Оно стало известным лишь в связи с Гнезненским съездом^[2] в 1000 году. Юг Польши, вероятнее всего, был в руках чехов, которые уже тогда были знакомы с некоторыми христианскими обрядами и верованиями. Тогда как, не хочу быть невежливым, дикари с

берегов Вислы мало что об этом знали. Контакты с великими религиями — и христианством, и исламом — были очень важны для польского князя. В это же время начинается процесс вхождения двора Мешко в Европу, принятия латинского языка в государственных целях, происходит развитие торговых контактов. Здесь важен вопрос, было ли христианство известно на наших землях до Мешко. Так вот — было, хотя бы по причине оживленного передвижения, связанного с торговлей.

— *Что это была за торговля?*

— Представьте себе, прежде всего, людьми. Не хочу говорить неприятных вещей, но, к примеру, гаремам требовалась свежая кровь. Из наших земель происходили и отряды воинов, нанимавшихся на службу в мусульманском мире в качестве мамелюков. От этого получала большую выгоду княжеская казна и высшие социальные слои. Это помогало князю в приобретении оружия и военного снаряжения.

— *Кажется, при дворе Мешко были верблюды?*

— Да. Мы знаем, по меньшей мере, об одном, которого Мешко преподнес императору Оттону. Это, конечно, свидетельствовало о контактах с арабским миром. Также мы торговали янтарем, кожами, мехами.

— *Какую роль сыграла жена Мешко, Добрава? В церковной традиции именно ей приписывается заслуга обращения мужа в христианскую веру.*

— Нынешняя корректность не позволяет мне возразить. Мешко строил свое государство, сегодня называемое некоторыми историками вождистским. Иногда мы слышим, что он правил Силезией, но что это значит? Это значит, что он получал оттуда дань. А при случае иногда строил крепости для своих воинов. Для создания польского государства потребовалось много времени. Не говорите этого в Познани, но в Кракове, вероятно, христианство приняли раньше.

— *Так что с Добравой?*

— Трудно поверить, что она целый год уговаривала Мешко креститься. Его решение было чисто политическим. По его стопам позже пошли венгры и уже упомянутые скандинавы. Целью было вступление в мир, в котором считались с обязательствами и межгосударственными договорами. Написанными, прежде всего, по-латыни. По-другому было в Киевской Руси, которая приняла крещение от Византии, и — как следствие — кириллицу. Кстати говоря, наши восточные собратья стояли тогда на более высоком уровне развития, потому что быстро усвоили умение писать и читать.

— *Мешко был неграмотным?*

— Именно так.

— *А как насчет теории, будто Мешко принял крещение именно от Византии?*

— Я не сторонник этого тезиса, мне вспоминаются слова Абеяра, что всякая мудрость берется из вопросов. Поэтому не будем судить, как было, потому что мы просто не знаем. Не знаю, в курсе ли вы, что Мешко не вел дневник? (смех) Зато у меня нет никаких сомнений, что речь шла о политическом акте.

— *Я читал, что Мешко принял христианство, возможно, без папской «лицензии», без согласования с Римом?*

— Папский Рим знал тогда о наших землях очень немного, о чем свидетельствует фраза автора XI века, относящаяся к документу, по которому государство Мешко отдавалось под опеку Апостольской столицы: «не знаю, кем были эти люди, но полагаю, что это были сардинцы». Мы были глубокой периферией тогдашнего союза европейских народов. Но епископ Йордан, крестивший князя, был все же назначен папой римским. Миссионерская деятельность св. Войцеха тоже указывает на контакты с Римом. Но имел ли он полномочия из Рима, этого мы не знаем, и это маловероятно.

— *Проф. Ежи Лоек написал в своей книге «Исторический календарь», что крещение Мешко было величайшим культурно-политическим событием в истории Польши. Вы разделяете это мнение?*

— Не знаю, величайшим ли, но, конечно, великим и значительным. Польский двор был включен в культуру средневековья, хоть и не в числе первостепенных. Считаю, что столь же важным было создание союза Польши с Литвой. Речь Посполитая Обоих Народов была, можно сказать, предшественницей ЕС. Когда-то я подсчитал, что в этом государстве проживало около 20 разных народов. Поляков в польско-литовской унии было около 40%, потом, кажется, немцы, русины на востоке, литовцы, латыши, пруссы, армяне, молдаване и евреи. Не зря евреи называли эту территорию еврейским раем.

— *Проф. Генрик Ловмянский подчеркивал, что крещение всегда происходило после становления государства. То есть нельзя сразу ставить знак равенства между крещением и рождением польского государства?*

— Я предпочитаю пользоваться термином «властвование». О государстве можно говорить — в соответствии с этимологией — там, где власть осуществляет «государь». Давайте будем осторожнее со сведением исторического процесса к одной дате, одному событию. Христианизация и создание государства, несомненно, были длительным процессом. Величайший польский историк Ян Длугош писал, что польский народ — темный, суеверный, языческий. Перелом произошел с появлением в XIII веке нищенствующих орденов. Изменились взаимоотношения между духовенством и народом, стали

возникать учебные заведения, во главе с краковским, формировавшие коллективное сознание. Словом, процесс шел, как минимум, 300 лет.

— *И похоже, не обошлось без бунтов?*

— Вспыхивавших скорее на экономической или культурно-бытовой почве, нежели религиозной. Мало кому нравилось, что нужно платить дань на Церковь и государство. Однако в течение длительного времени показателем религиозности было соблюдение поста. Тот, кто соблюдал, был членом церковной общины, а кто нет — из общины исключался.

— *А помнили ли о «крещении Польши» в последующие века, ближе к нашему времени? Праздновали ли его годовщины?*

— Празднований не было — а зачем? — но о Мешко помнили как о том, кто принес на польские земли христианство.

— *Однако крещение Мешко приобретает особое значение в XIX веке, в условиях разделов оно становится одним из элементов польской исторической политики того времени. В 1881 г. появляется картина Яна Матейко, изображающая крещение Мешко. Тогда не было СМИ, поэтому собирались толпы, чтобы посмотреть на картину. Таким образом, формировалось коллективное воображение поляков. На картине представлен Мешко, попирающий ногой...*

— ...идола, фигуру поваленного языческого божка.

— *Это должно было служить символом не только триумфа над язычеством, но и подтверждать правильность решения Мешко ввести Польшу в христианскую Европу. Никаких иллюзий о возвращении нашей части Европы в некое праславянское сообщество народов.*

— В сущности, память о дохристианских верованиях становилась все слабее. Люди скорее считали себя местными жителями, нежели членами того или иного народа. Так продолжалось до самой Второй мировой войны. Конечно, во времена разделов католическая вера начала явно выделять поляков среди протестантов немцев или православных русских. Однако ответ на вопрос, кто мы, кто такие поляки, вовсе не так прост, как некоторым сегодня кажется. Суть дела ухватил в начале прошлого века Владислав Бэлза, автор стихотворения «Катехизис польского ребенка», начинающегося со слов: «Кто ты? Маленький поляк! / Орел белый — вот твой знак». Это стихотворение было, скорее, чем-то вроде назидания, а не констатацией факта.

— *На волне патриотического возрождения во времена разделов якобы предпринимались попытки празднования тысячелетней годовщины крещения еще в XIX веке. Как это возможно?*

— Было такое празднование, но, скорее, годовщины, а не тысячелетия крещения. Элиты и средний класс в условиях разделов вновь искали свою идентичность.

— **Перейдем к послевоенному времени. После 1945 г. мотив крещения появляется, в частности, в очень популярных тогда исторических романах Кароля Бунша^[3] и Антония Голубева^[4]. Бунш подчеркивал провидческое решение Мешко, которое должно было обезопасить Польшу от германской угрозы.**

— Фактически Мешко принимал крещение от латинского мира, но его составной частью был германский император, который играл свою роль в крещении.

— **Должно быть, для вас было увлекательно наблюдать соперничество из-за празднования тысячелетия крещения и тысячелетия государства между Церковью и властями ПНР. Раньше в нашей истории ничего подобного не происходило.**

— В основе этого соперничества лежала, конечно, политическая ситуация. Церковь под предводительством примаса Вышинского прекрасно использовала тысячелетие. Тогда большое значение имело также знаменитое письмо о единении, направленное польскими епископами немецким. Это был смелый акт, ведь мы говорим о 60-х годах XX века, когда память о войне была еще очень живой. Поэтому в то время многие поляки не одобряли действий Церкви.

— **Но не пугала или не забавляла ли вас эта конкуренция, эта борьба за годовщину крещения, в основе которой с обеих сторон лежали чисто политические соображения?**

— И добавим еще невежество. Ведь представление о польском обществе, коллективно принимающем в X веке крещение, — неверно. Оно не соответствует действительности. В то же время мы определенно стали тогда государством, принявшим принципы европейской культуры. Опуская вопрос, насколько глубокими были знания обо всех этих проблемах в обществе ПНР, трудно не заметить, что существенной составляющей празднования была еще и борьба с коммунизмом. Для части граждан это был повод подчеркнуть свое несогласие с государственной идеологией.

— **А для власти?**

— Для власти это был повод похвалиться своими достижениями, хотя бы школами-тысячелетками^[5]. Еще хвастались Грюнвальдской битвой, впрочем, сегодня мы тоже ею хвастаемся. Празднование крещения — даже в ПНР — позволяло подчеркнуть, что на фоне тогдашнего социалистического блока мы — особые и исключительные, благодаря вхождению в круг цивилизованных стран.

— **Тем временем, приближается совместное государственно-церковное празднование 1050-летия крещения в свободной Польше. Для меня это немного пахнет новой сценой единения алтаря с троном.**

— Для меня это пахнет возвращением к идеологии, провозглашенной Петром Скаргой^[6]. Все мы знаем, чем это

закончилось для Польши. Меня беспокоит, что сейчас мы наблюдаем срастание государственной идеологии с религией, а я считаю, что они должны быть разделены.

— *Значит, вы будете смотреть по телевидению это большое совместное празднование немного отстраненно?*

— Не знаю, я все меньше смотрю телевизор.

— *Согласны ли вы, что, с точки зрения политического и культурного значения, можно сопоставить крещение Мешко с вступлением Польши в Европейский союз?*

— Я полностью разделяю такой взгляд. Хотя по пути было еще несколько столь же значимых событий: закат династии Пястов, Речь Посполитая Обоих Народов. Но крещение дало нам место во всеобщей истории.

Проф. Генрик Самсонович (р. 1930) — медиевист, один из самых выдающихся польских историков, бывший ректор Варшавского университета, министр национального образования в правительстве Тадеуша Мазовецкого.

POLITYKA

-
1. Св. Войцех (Адальберт Пражский, 955–997) — католический святой, один из покровителей Польши.
 2. Гнезненским съездом называют встречу германского императора Оттона III с польским князем Болеславом в Гнезно в 1000 г. во время паломничества к могиле св. Войцеха.
 3. Кароль Бунш (1898–1987) — польский писатель, переводчик. Автор многотомного цикла исторических романов о пястовском периоде польской истории.
 4. Антоний Голубев (1907–1979) — польский историк, писатель, эссеист, известен серией исторических романов «Болеслав Храбрый».
 5. «Тысячелетками» называли школы, построенные в начале 60-х годов XX века в рамках программы «Тысяча школ на тысячелетие» Всего было построено 1417 таких школ.
 6. Петр Скарга (1536–1612) — католический богослов, писатель, проповедник, деятель контрреформации в Речи Посполитой. Сторонник ограничения власти Сейма и расширения властных полномочий короля.

Хроника (некоторых) текущих событий

• «Вне всякого сомнения, это было важнейшее публичное выступление председателя правящей партии после победы «Права и справедливости» (ПиС) на выборах. (...) Председатель ПиС заявил, что по истечении 20 лет, прошедших после принятия в 1997 г. Основного закона, будет начата работа над новой конституцией. (...) Важным элементом нашей безопасности Лех Качинский назвал членство Польши в Евросоюзе: “Мы состоим в ЕС на постоянной и прочной основе. (...) Сегодня быть в Европе значит состоять в Евросоюзе, и другого варианта просто нет. Поляки — это европейцы. (...) Мы хотим быть в Европе, и это желание разделяет подавляющее большинство поляков”». (Артур Ковальский, «Наш дзенник», 4 мая)

• «Польша, смирившаяся со своим колониальным статусом, Польша Туска, очень даже устраивала некоторых заправил этого мира. В том числе и потому, что отлично вписывалась в концепцию Европы, где над всеми, особенно в нашем регионе, доминирует Германия. Однако нам совершенно не выгодно, чтобы Германия здесь доминировала. (...) Мы должны защищать наши интересы и наш суверенитет. (...) В Польше действительно нет никаких проблем с демократией, зато в Германии такие проблемы есть, и довольно серьезные. Появилось уже немало основательных научных работ, убедительно доказывающих, что немецкая демократия ликвидирована как таковая. (...) Меня не пугают эти манифестации («Комитета защиты демократии» — В.К.), так как мне прекрасно известно, насколько ограничен их масштаб, и кто на эти манифестации выходит, я отлично вижу, как ведут себя эти люди. В этих маршах участвуют наследники коммунистической Польши, озлобленные происходящими переменами, напуганные тем, что страна будет жить по-другому. А рядом с ними маршируют представители артистических кругов и масс-медиа, получавшие в свое время огромные деньги, которые теперь могут им не достаться. (...) Примерно таким же образом обстоят дела и с давлением на Польшу со стороны европейских групп влияния», — Ярослав Качинский, фрагменты интервью. («вСети», 18-24 апр.)

• «В Польше проходят мероприятия в связи с шестой

годовщиной смоленской катастрофы. (...) Одним из ключевых событий в череде памятных акций стало выступление президента на Краковском предместье в Варшаве: “(...) Сегодня я обращаюсь ко всем вам с призывом. Простим. Простим это все друг другу, все эти никчемные и в первую очередь несправедливые слова”. Спустя несколько часов на том же самом месте слово взял Ярослав Качинский: “(...) Я знаю, что поляки неоднократно ошибались, слишком легко прощая своих врагов. Да, прощать нужно, но только после того, как виновные признают свою вину и понесут соответствующее наказание. Смоленская трагедия не была случайностью”». (Павел Решка, «Тыгодник повсехный», 17 апр.)

• «За более чем 25 лет своего существования независимая Польша не смогла предотвратить целую серию катастроф самолетов и военных вертолетов, в результате которых погибли и были ранены многие важные в государстве люди. И все из-за головотяпства, из-за неуважения к государственным процедурам. В первый же день после смоленской катастрофы об этом отважился заявить Чеслав Белецкий. Поляки как социум не в состоянии пока что создать такое государство, в котором бы не происходили подобные вещи. (...) И, говоря словами вице-премьера Хауснера, как-то изменить ситуацию, при которой всякий крупный инфраструктурный проект в Польше обречен на провал», — Анджей Ледер. («Газета wyborcza», 9-10 апр.)

• «Пожалуй, ни в одной стране мира нет ничего подобного. Как получилось, что первое лицо в стране не занимает формально никакой должности в правительстве и не несет ни юридической, ни конституционной ответственности за свои решения? Ко всему прочему, этот человек не приезжает ни в Брюссель, ни в Вашингтон, не общается с председателем Европейской комиссии Жаном-Клодом Юнкером, не встречается с канцлером Меркель или президентом Обамой. С кем европейские политики должны договариваться по важнейшим вопросам, касающимся будущего Европы или НАТО?», — Мэтью Каминский, главный редактор европейского издания портала «Политико». («Ньюсуик Польска», 2-8 мая)

• «Ярослав Качинский — председатель партии, пришедшей к власти. (...) Ярослав Качинский несет политическую ответственность за весь политический проект», — премьер-министр Беата Шидло. («вСети», 2-8 мая)

• Десятка людей, управляющих Польшей. «Формально глава государства — президент Анджей Дуда. (...) Однако его президентская власть рассчитана только на внешний эффект. (...) Аналогично обстоят дела с маршалами Сейма и Сената, а также с премьер-министром Беатой Шидло. (...) Ключевую же роль играет тот, кто реально может влиять на состояние

общества и в первую очередь на его взгляды. Влияние Ярослава Качинского здесь очевидно, это даже не обсуждается. (...)

Доходит до того, что поляки с противоположными политическими взглядами пытаются угадать, о чем думает и что собирается предпринять председатель ПиС. В такой ситуации правительство не может быть сильным. Поэтому пусть никто не обманывается, что в десятку влиятельнейших поляков входит немало министров — Антоний Мацеревич, Збигнев Зёбро, Матеуш Моравецкий, Ярослав Говин. Они занимают эти должности не в силу своей компетенции, а лишь потому, что их взгляды и поступки оказывают влияние на общество. Вот почему в этой группе оказались также три представителя СМИ: Адам Михник («Газета wyborcza»), о. Тадеуш Рыдзык («Радио Мария», ТВ «Трвам», «Наш дзенник») и Зигмунт Солож, в империю которого входит «Полсат» — крупный телеканал, самым непосредственным образом связанный с политикой». (Яцек Низинкевич, «Жечпосполита», 25 апр.)

• По данным опроса, проведенного 26 апреля Институтом рыночных и общественных исследований, работу премьер-министра Беаты Шидло положительно оценивают 37% опрошенных, отрицательно — 58%. В ответ на вопрос, кто из политиков, находящихся сегодня во власти, должен быть премьером, 32% респондентов поддержали Беату Шидло, 15% — вице-премьера Матеуша Моравецкого, 11% — председателя ПиС Ярослава Качинского, 10% — вице-премьера Ярослава Говина, 6% — министра юстиции Збигнева Зёбро, а менее 1% — вице-премьера Петра Глинского. («Жечпосполита», 26 апр.)

• «Европейский парламент подавляющим большинством в 513 голосов принял в среду резолюцию относительно ситуации в Польше (142 депутата голосовали против). “Европейский парламент выражает серьезную обеспокоенность в связи с действиями, фактически парализовавшими работу Конституционного суда и угрожающими демократии, правам человека и законности”, — говорится в документе». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 14 апр.)

• «63% поляков согласны с утверждением, что демократия в Польше находится под угрозой — таковы результаты опроса, проведенного Институтом рыночных и общественных исследований. (...) Противоположного мнения придерживаются 33% опрошенных. (...) В качестве средства для разрешения конфликта вокруг Конституционного суда поляки чаще всего указывают приведение президентом к присяге трех судей, избранных Сеймом предыдущего созыва (46% респондентов), выполнение партией «Право и справедливость» указаний Венецианской комиссии (42%), а также опубликование правительством последнего решения

Конституционного суда (41%)». («Жечпосполита», 13 апр.)

• «Лидер партии «Современная» Рышард Петру доставил вчера в канцелярию премьер-министра около 100 тыс. подписей, поставленных под петицией относительно опубликования решения Конституционного суда от 9 марта». («Газета wyborча», 27 апр.)

• «55% поляков считают, что премьер-министр Беата Шидло совершила ошибку (...), не опубликовав решение Конституционного суда (КС), признавшее неконституционными внесенные по инициативе Пис изменения в закон о суде. 22%, напротив, полагают, что это правильное решение. 23% не смогли определиться с ответом. 45% респондентов считают это решение КС действительным, хотя оно и не было опубликовано. 22% опрошенных считают, что это «всего лишь мнение, высказанное с нарушением закона о КС». 23% не могут оценить решение КС. (...) 45% участников опроса считают себя сторонниками КС и оппозиции (...), 29% — сторонниками Пис. 26% не определились с симпатиями». (Агнешка Кублик на основе данных опроса ЦИОМа от 31 марта — 7 апр., «Газета wyborча», 20 апр.)

• «Последовательное несогласие с решениями Конституционного суда приводит к расширению неправового поля. Одни государственные институты будут, как и положено, следовать этим решениям, другие нет. Я думаю, что суды будут подчиняться решениям КС, а органы государственной власти и управления, подотчетные правительству, не станут этого делать. (...) Управленческие структуры будут принимать свои решения, делая вид, что КС ничего не рассматривал, в результате чего физические и юридические лица станут обжаловать эти решения в административных судах, которые, в свою очередь, будут признавать их недействительными. (...) Все это приведет к страшному бардаку, за который государству придется расплачиваться большими деньгами. Своими действиями Пис уничтожает не только правовое государство, но и государство как таковое. (...) Закон на стороне Конституционного суда. Этой точки зрения придерживается подавляющее большинство польских юристов, судей, адвокатов, ученых, представителей международных организаций. (...) Выбор до драматизма прост. Либо Пис уничтожит правовую систему Польши, систему законности, либо этих людей заставят остановиться», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр, маршал Сейма, министр иностранных дел и министр юстиции. («Жечпосполита», 12 апр.)

• «Ежегодная Генеральная ассамблея судей Конституционного суда могла бы стать доказательством того, что спокойный обмен мнениями, несмотря на очевидное напряжение и даже

своего рода войну между КС, с одной стороны, и правительством и парламентом, с другой, все-таки возможен. Могла бы, да не стала. В предыдущие годы на ассамблее обязательно присутствовали глава государства, премьер-министр либо его представитель, а также генеральный прокурор. Вчера же, кроме президентского юриста Анны Сурувки-Пасек, на ассамблее не было ни одного представителя правящего лагеря. (...) Позицию КС поддерживают самые важные, ключевые институты и структуры польского правосудия. Первый председатель Верховного суда (ВС) Малгожата Герсдорф в своем письме, зачитанном главой гражданской палаты ВС Тадеушем Эрцейнским, призвала судей рассматривать дела в соответствии с решениями КС, даже если те не опубликованы. «Я хотела бы попросить всех польских судей быть храбрыми. Именно от них зависит, смогут ли наши сограждане оценить значение принципа разделения властей», — написала Малгожата Герсдорф». (Гжегож Осецкий, «Дзенник газета правна», 21 апр.)

- «Вчерашняя резолюция Генеральной ассамблеи судей Конституционного суда не оставила никаких сомнений: если Конституционный суд признал какую-либо норму права не соответствующей Основному закону страны, однако при этом решение суда не было опубликовано в «Законодательном вестнике», эта норма теряет презумпцию конституционности уже в момент своего объявления. Иными словами, судьи во всей стране обязаны учитывать все, в том числе неопубликованные, решения Конституционного суда».

(Малгожата Крышкевич, «Дзенник газета правна», 27 апр.)

- «В среду коллегия Высшего административного суда призвала судей уважать решения Конституционного суда. В специальной резолюции указано, что административные суды никогда не подвергали сомнению общеобязательность и окончательность решений КС. (...) Резолюции Генеральной ассамблеи судей Конституционного суда и Высшего административного суда являются важными рекомендациями для судей, которые применяют их не только под влиянием авторитета коллегии и суда, но и из опасений перед отменой того или иного судебного решения вышестоящей инстанцией». («Жечпосполита», 28 апр.)

- «Национальный совет правосудия обнародовал свою позицию, в соответствии с которой то, что решения Конституционного суда не опубликованы, «не лишает его общеобязательной силы и никого не освобождает от обязанности по исполнению данного решения». По всей Польше одна судебная инстанция за другой заявляет о своей готовности применять неопубликованные решения КС при отправлении правосудия. Соответствующие резолюции уже

приняты ассоциациями судей более чем десяти городов страны. (...) “Резолюции судебных инстанций в поддержку решения КС поступают к нам с декабря, то есть с первых дней разразившегося вокруг КС кризиса”, — говорит судья Вальдемар Журек, пресс-аташе Национального совета правосудия». (Мацей Печинский, «До жечи», 18–24 апр.)

- «Появятся новые формы наказания для судей — взыскания финансового характера. (...) Министерство юстиции будет урезать судейскую зарплату в объеме от 5 до 15%. Данное взыскание может быть наложено дисциплинарным судом на срок от шести месяцев до двух лет. У судьи районного суда может вычитаться из жалованья до 1,1 тыс. злотых ежемесячно, а у судьи апелляционной инстанции — до 2 тыс. злотых». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 28 апр.)

- Председатель Конституционного суда «проф. Анджей Жеплинский в четверг рассказал, что правительство обратилось к нему с письмом, в котором предложило не высказываться публично по поводу конфликта вокруг Конституционного суда до 13 мая, пока агентство “Moody’s” не представит свой рейтинг Польши. Письмо было подписано министром финансов Павлом Шаламахой». («Жечпосполита», 6 мая)

- «Принятое прокуратурой в среду решение о невозбуждении дела об отказе в публикации правительством решений Конституционного суда — вот результат их (министра юстиции Збигнева Зёбро и генерального прокурора Богдана Свенчковского) действий. (...) Тем самым политики приступили к демонтажу польского правосудия. Отныне суды, признающие решения КС, будут давать оценку следственным действиям прокуратуры, которая этих решений не признает. (...) Все центральные ведомства, контролируемые ПиС (а таких подавляющее большинство), не будут следовать этим решениям. Зато оппозиционно настроенные органы самоуправления уже заявляют, что намерены руководствоваться решениями КС, даже рискуя оказаться в конфликте с воеводами, представителями правительства на местах. Таким образом, политики делят государство на отдельные, враждующие между собой вертикали». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 28 апр.)

- «К концу марта 2016 г. из прокуратуры уволилось в общей сложности 170 следователей». «“Большинству из них просто не хочется быть безвольным орудием в руках политиков”, — утверждает один из окружных прокуроров». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 22 апр.)

- «Уполномоченный по правам граждан Адам Боднар направил в Конституционный суд заявление с просьбой о признании неконституционным закона о прокуратуре. “Закон

предоставляет политикам огромные полномочия.

Министерство юстиции может непосредственно вмешиваться в расследование конкретных дел, принимать решения о задержании, обыске и временном аресте”, — пишет уполномоченный». («Жечпосполита», 19 апр.)

• «Венецианская комиссия, совещательный орган Совета Европы, готовит свое заключение относительно закона о слежке, принятого в январе этого года. (...) Это уже второй за последние несколько месяцев визит комиссии в Польшу. В феврале Венецианская комиссия находилась в нашей стране по приглашению министра иностранных дел и занималась вопросами, связанными с поправками, внесенными в закон о Конституционном суде». (Себастьян Клаузинский, «Газета wyborcza», 29 апр.)

• «27 апреля премьер-министр Беата Шидло распустила Совет по вопросам противодействия расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. (...) Против ликвидации совета выступает уполномоченный по правам граждан Адам Боднар. (...) “Более полусотни неправительственных организаций, занимающихся правами человека, обратилось к премьер-министру Шидло с просьбами высказать свою позицию относительно нарастающей агрессии в сфере общественной жизни. Ответа мы так и не получили. Как я понимаю, этим ответом стала ликвидация совета”, — говорит Паула Савицкая из Ассоциации против антисемитизма и ксенофобии “Открытая Речь Посполитая”». (Мацей Орловский, «Газета wyborcza», 5 мая)

• «Городской совет Белостока голосами депутатов от Пис и местного право-консервативного “Комитета Трусколасского” ликвидировал Центр им. Людвика Заменхофа, единственное городское учреждение культуры, отстаивавшее идеи истинного мультикультурализма в городе, над которым нависла коричневая волна национализма». (Роман Павловский, «Газета wyborcza», 27 апр.)

• «Лучшее доказательство того, что возбуждение ненависти в отношении нашего европейского окружения приносит эффекты, содержится в отчете ЦИОМа об отношении поляков к другим национальностям. По сравнению с идентичным опросом, проведенным осенью 2015 года, неприязнь поляков по отношению к нескольким десяткам народов, фигурировавшим в опросе, возросла — к кому-то в большей степени, к кому-то в меньшей, но рост в любом случае очевиден. Таковы результаты четырех месяцев неустанной пропаганды, возбуждающей неприязнь к людям других национальностей», — проф. Радослав Марковский. («Газета wyborcza», 16-17 апр.)

• «Празднование 82-й годовщины создания “Национально-радикального лагеря” состоялось в субботу в Белостоке. В город

съехались несколько сотен националистов. В кафедральном соборе о. Яцек Мендляр произнес проповедь, полную ксенофобских призывов. (...) Затем националисты четырьмя колоннами вышли на улицы, скандируя: “Хватит биться за Израиль!”, “Долой Евросоюз!”, “Великая католическая Польша!”. (...) Марш проходил под охраной полиции. (...) В пятницу студентам-иностранцам Политехнического института было разослано специальное сообщение, рекомендовавшее им не выходить из общежития в связи с приездом в город националистов. “Во избежание неприятных инцидентов просим не выходить в город, а также не передвигаться по территории кампуса. Просим оставаться в зданиях общежития”». (Анджей Клопотовский, Мартина Бельская, Агнешка Домановская, «Газета wyborcza», 19 апр.)

- «Субботний марш по Варшаве, прошедший под лозунгом “Мужайся, Польша!”, был организован “Национальным движением”, “Националистами РП”, “Крестовым походом розария за Родину” и “Движением по контролю за выборами”.

(...) В марше принимало участие не более 2,5 тыс. человек (“Газета Польска цодзенне” сообщала о 4,5 тыс. участников — В.К.). Процессия началась у кафедрального собора св. Флориана в районе Прага, где за час до этого была отслужена месса за Отчизну. В своей проповеди о. Анджей Душа попытался остудить эмоции собравшихся: “Не должен один народ презирать другие народы”. (...) Проповедь вызвала у слушателей явное недоумение». (Томаш Ужиковский, «Газета wyborcza», 9 мая)

- «Министерство национальной обороны планирует разрешить лицам, состоящим в военизированных общественных организациях, вступать в ряды создаваемых вооруженных сил территориальной обороны страны. “Национально-радикальный лагерь” хочет быть причисленным к структурам, действующим в интересах безопасности страны. (...) Депутаты от Пис из парламентской комиссии по делам обороны не видят ничего плохого в том, чтобы “Национально-радикальный лагерь” был частью системы национальной обороны. (...) В настоящее время члены “Национально-радикального лагеря” из разных частей страны настаивают на своем участии в учениях сил территориальной обороны». (Бартломей Курась, «Газета wyborcza», 22 апр.)

- «Как утверждал Вальтер Беньямин, фашизм создается в первую очередь на человеческом материале. (...) Когда на последних выборах националисты вроде Винницкого прошли в парламент по списку Кукиза, никто особенно не возмутился. Может, нам просто не верится, что все это происходит на самом деле?», — Иоанна Токарская-Бакир. («Газета wyborcza», 16-17 апр.)

• «Ярослав Качинский заявляет: “Мы не станем принимать никаких законов относительно «языка ненависти»”. В дни, когда “Национально-радикальный лагерь” вопит о сионистах, висящих на деревьях, словно листья (“На деревьях вместо листьев пусть повиснут сионисты”, — скандировали участники националистических манифестаций — В.К.), слова председателя правящей партии, на первый взгляд сказанные в защиту свободы слова, звучат весьма угрожающе. Столь же опасным представляется и решение премьер-министра Беаты Шидло о ликвидации Совета по вопросам противодействия расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. Не думаю, что в ПиС этого не понимают. Хуже того — ПиС будет расчетливо молчать и относиться к националистическим эксцессам терпимо, чтобы не потерять избирателей-ксенофобов. Так же будет вести себя и Церковь (хотя здесь еще встречаются достойные исключения), боясь потерять самых преданных верующих. Ибо верующие уже продемонстрировали, что (...) могут спокойно послушаться своих епископов. (...) Под напором необузданной агрессии мы говорим на все более чело́веконенавистническом языке, даже не понимая, что язык этот способен оскорблять и подстрекать к насилию», — Ярослав Миколаевский. («Газета wyborcza», 7-8 мая)

• «Качинский ввел язык ненависти в общественную дискуссию. (...) Я имею в виду его манеру называть инакомыслящих “животными элементами”, “людьми второго сорта”, “сотрудниками гестапо”, “коммунистами и ворами”. (...) Лидеры других партий не прибегают к такой риторике. Качинский же использует ее сознательно, именно для того, чтобы вдолбить людям в голову упомянутую мной парадигму: мы должны быть врагами. (...) Я предупреждаю: нужно уметь вовремя прикусить язык, когда нас заносит. Оскорбительные слова в адрес других людей возвращаются к нам бумерангом. Мне иногда хочется поиздеваться, поднять на смех некоторых представителей правого крыла, которые, как я считаю, наносят Польше вред. Но я не делаю этого, хотя слова так и вертятся на языке», — Гжегож Гауден. («Газета wyborcza», 28 апр.)

• «В 2014 г. по стране в целом полиция проводила предварительное расследование в связи с 689 правонарушениями, совершенными на почве ненависти. В 2015 г. количество таких правонарушений выросло до 956. (...) Наибольший рост характерен для преступлений, связанных с пропагандой фашизма и разжиганием ненависти. Количество возбужденных по таким правонарушениям дел выросло с 311 до 510». (Лукаш Вожницкий, «Газета wyborcza», 21 апр.)

• «В прошлом году полиция возбудила 256 уголовных дел, выявив впоследствии совершение 299 преступлений, (...)

непосредственными мотивами которых были национальность, происхождение, раса, религия или атеизм. (...) Это рекордная цифра как минимум с 1999 года. Для сравнения: в 2014 г. было зафиксировано 229 преступлений этой разновидности, в 2013 г. — 146, а в 2012 — 104». (Томаш Жоляк, «Дзенник газета правна», 11 апр.)

• «Каждый четвертый взрослый поляк (около 7–8 млн человек) не знает о географическом положении своей страны и ее границах, только меньшая часть граждан Польши имеет какое-то понятие о государственном бюджете и его исполнении, и лишь половина жителей этой европейской страны в состоянии правильно ответить на вопрос о количестве палат в польском парламенте. (...) Те, кто не располагает информацией о собственной стране, не знают также ни ее политиков, ни общественно-политических механизмов. (...) Самыми информированными людьми оказались избиратели партии «Современная». Кроме того, высокий уровень знаний продемонстрировали избиратели Коалиции левых сил, партии «Вместе», а также партии КОРВиН («Коалиция обновления Республики — вольность и надежда»). Самый же низкий — избиратели ПиС и Кукиз'15. (...) 52% тех, кто не ходит на выборы, и 45% избирателей ПиС и крестьянской партии ПСЛ не прочитали за прошлый год ни одной книги, в отличие от избирателей партий «Вместе», КОРВиН и «Современная», среди которых этот показатель колеблется между 15 и 20%. (...) Ресурсы политического невежества в Польше огромны, хоть и распределены неравномерно». Данные получены благодаря исследовательским проектам «Знания о политике в Польше» и «Общая аналитика избирательного процесса», реализованным сотрудниками Высшей школы общественной психологии. (Миколай Чесник, Агнешка Квятковская, Радослав Марковский, «Политика», 27 апр. — 3 мая)

• «Еще в 2000 г. количество выпускников вузов, не читающих книги, составляло только 2%. Сегодня этот показатель превысил 30%. (...) Большинство политиков, которых я знаю, на самом деле много читают, но их пиарщики в течение довольно долгого времени не советовали им показываться на публике с книгами, считая, что это может быть воспринято как снобизм и не будет ассоциироваться с нормальной польской семьей, где, по мнению пиарщиков, книг не читают», — Томаш Маковский, директор Национальной библиотеки. («Дзенник газета правна», 29 апр. — 3 мая)

• «Когда я только начинал работать в Институте книги, его годовой бюджет составлял около 13 млн злотых. В 2014 г. мы освоили свыше 95 млн злотых. (...) Нам удалось создать целую сеть литературных фестивалей. (...) Однако более всего я горжусь нашей программой по строительству библиотек. Было

построено 245 суперсовременных библиотек в небольших городах и местностях по всей Польше», — Гжегож Гауден. («Тыгодник повшехный», 17 апр.)

- «Открытое письмо с выражением поддержки и признательности в отношении уволенного директора Института книги Гжегожа Гаудена подписали 48 переводчиков польской литературы на иностранные языки, представляющих в общей сложности 17 языковых зон». (По материалам «Газеты wyborчей», 2–3 мая)

- «ПиС укомплектовывает своими людьми всевозможные организации и предприятия. (...) И тем самым правящая партия формирует целые отряды верных ей людей, которые своей карьерой обязаны исключительно партии Ярослава Качинского». «Д-р Анна Матерская-Сосновская из Института политических наук Варшавского университета (...) отслеживает фамилии тех, кто открыто поддерживал ПиС и теперь назначаются на высокие должности. Речь уже идет о 1,2 тыс. человек, хотя ПиС руководит страной всего 150 дней». (Дорота Калиновская, «Дзенник газета правна», 15–17 апр.)

- «Письмо, которое совет Международной ассоциации исследовательских институтов истории искусства направил министру культуры Петру Глинскому, подписали десятки ученых и научных организаций со всего мира. Они призывают министра не отказывать в назначении Малгожаты Омиляновской, выигравшей конкурс на должность директора Королевского замка в Варшаве». (Ежи С. Маевский, «Газета wyborча», 5 мая)

- «На начало 2017 г. в Гданьске было запланировано открытие музея Второй мировой войны — быть может, самого смелого и новаторского музея подобного рода. Однако правительство решило, что данный проект не выражает «польской точки зрения». (...) Уловка заключалась в том, чтобы сначала заменить почти готовый универсальный музей локальным и никому не известным (и пока что вовсе не существующим), а потом заявить, что ничего не изменилось. (...) Ликвидация музея — это неожиданный удар, нанесенный всему мировому культурному наследию», — Тимоти Снайдер, полный текст был опубликован 3 мая в «The New York Review of Books». «В четверг министерство культуры пообещало, что музей Второй мировой войны не исчезнет». («Газета wyborча», 7–8 мая)

- «Открытое письмо министру культуры Петру Глинскому с протестом против планов правительства отказаться от открытия музея Второй мировой войны в Гданьске подписали 198 ученых из университетов и научных институтов 22 стран Европы и Северной Америки». (По материалам «Газеты wyborчей» от 5 мая)

- «Вчера Сейм принял закон об Институте национальной

памяти (ИНП), делающий эту организацию полностью зависимой от правящей партии. (...) Кандидатуры в Совет ИНП ранее предлагали вузы и институты истории Польской Академии наук, а также юридические организации, политики же назначали Совет, выбирая его членов из предложенных кандидатур. Председателя ИНП назначал и освобождал от должности Сейм по согласованию с Сенатом, причем по предложению все того же Совета. (...) Внесенные в закон об ИНП изменения предусматривают, что вместо нынешнего Совета в ИНП появится Коллегия из десяти человек, назначаемых Сеймом, Сенатом и президентом. Руководителя ИНП, чья кандидатура станет предлагаться Коллегией, будет выбирать Сейм по согласованию с Сенатом. (...) ПиС отклонил поправки оппозиции, настаивавшей, чтобы кандидат в члены Коллегии имел хотя бы высшее образование». (Доминика Веловейская, «Газета wyborcza», 29 апр.)

- «Экологические организации направили в Европейскую комиссию жалобу на министра охраны окружающей среды Яна Шишко в связи с увеличением вырубки деревьев в Беловежской пуще. (...) Экологи выступают с критикой планов по увеличению дереводобычи с 63 тыс. кубометров до 188 тыс. кубометров в 2012–2021 годах. (...) Сотрудничающие с экологическими организациями юристы указали на нарушение директивы ЕС о заказниках, охраняющей ценнейшие природные территории Евросоюза, к которым причислена также Беловежская пуща». (Кшиштоф Лош, «Наш дзенник», 20 апр.)

- «Под жалобой подписались «Client Earth», «Первозданная Польша», «Greenmind», «Greenpeace Польша», польское отделение Всемирного фонда дикой природы, Всепольская ассоциация по охране птиц и «Лаборатория на благо всех существ». По мнению экологов, они уже исчерпали все возможности достичь взаимопонимания внутри страны и поэтому решили обратиться к международным организациям. Они также призывают граждан поставить под жалобой свои подписи». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска цодзенне», 21 апр.)

- «Всемирный рейтинг свободы прессы составляется и публикуется международной неправительственной организацией «Репортеры без границ» (РБГ). (...) В качестве примера страны, где ситуация со свободой прессы ухудшилась, РБГ называет Польшу, в которой «был усилен правительственный контроль над общественными СМИ». В последнем рейтинге Польша оказалась на 47-ой позиции среди 180 стран. РБГ снизила наш индекс на 27 позиций. Год назад Польша занимала 18-е место. «В Польше свобода прессы и плюрализм находятся под угрозой», — заключила РБГ». (Лукаш

Возницкий, «Газета wyborcza», 21 апр.)

- «Даже в странах с развитой и зрелой демократией власть держит масс-медиа на крючке, имея возможность цензурировать материалы и скрывать информацию на протяжении нескольких дней. (...) В Польше ситуация сложная. (...) Если говорить о частных СМИ, то на местном медийном рынке преобладает немецкий капитал, другие влиятельные масс-медиа контролируются капиталом, образовавшимся в посткоммунистическую эпоху, а также леволиберальным капиталом. В других европейских демократиях эти тенденции не характеризуются таким размахом, как у нас», — вице-премьер и министр культуры и национального наследия Петр Глинский. («Газета Polska coudzenne», 2–3 мая)

- «За последние дни в европейской и американской прессе появились десятки статей, посвященных Польше, причем не только конфликту вокруг Конституционного суда. Пишут, в частности, о Беловежской пуще, о том, что Польша уничтожает самый прекрасный лес на континенте. Это производит огромное впечатление на европейцев, которые необыкновенно чувствительны к таким вещам. (...) Там на нас смотрят без особых эмоций: дескать, ладно, мы дали им шанс, они им не воспользовались, мы всегда говорили, что эти люди не готовы к вступлению в ЕС, о чем тут переживать. Евросоюз может работать гораздо успешнее в более узком составе. (...) Мы гораздо быстрее, чем нам кажется, можем стать лидером европейских маргиналов, периферийной страной, погрязшей в скандалах», — д-р Марек Греля, бывший заместитель министра внутренних дел, в 2002–2012 гг. посол Республики Польша при ЕС, впоследствии директор по вопросам трансатлантических отношений при верховном представителе по внешней политике ЕС Хавьере Солана. («Пшеглэнд», 18–24 апр.)

- «Польша движется в сторону авторитаризма и изоляции от остального мира, говорится в открытом письме бывших президентов, министров иностранных дел и деятелей оппозиции». «Бывшие президенты Лех Валенса, Александр Квасневский и Бронислав Коморовский, бывшие министры иностранных дел Влодзимеж Цимошевич, Анджей Олеховский и Радослав Сикорский, а также бывшие оппозиционеры Рышард Бугай, Владислав Фрасынюк, Богдан Лис и Ежи Стемпень в открытом письме выразили свою признательность “достойной позиции судей Конституционного суда” и “Комитета защиты демократии, который стал координационным центром движения общественного сопротивления”». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 26 апр.)

- «Создан Гражданский фонд, целью которого является поддержка “деятельности по охране гражданских прав и

свобод, конституционных ценностей, сохранение общественного спокойствия, а также создание пространства для свободных дискуссий относительно важных общественных вопросов в духе заботы об общем благе» (из декларации). В совете фонда состоят люди, пользующиеся авторитетом и доверием: проф. Эва Лентовская, первый уполномоченный по гражданским правам и бывший судья Конституционного суда, бывший первый председатель Верховного суда проф. Адам Стшембош и проф. Анджей Цолль, бывший председатель Конституционного суда». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 26 апр.)

- «Комитет защиты демократии (КЗД) поддерживают 40% поляков, а 28% — не поддерживают. Каждый четвертый участник опроса утверждает, что никогда о таком комитете не слышал. КЗД удалось занять свое место в сознании 75% поляков. (...) В ходе того же самого опроса респондентов спрашивали об их партийных предпочтениях. Первое место заняла ПиС (32%), опередив «Современную» (17%), «Гражданскую платформу» (15%) и Кукиз'15 (12%). Только эти партии и оказались в парламенте». Опрос агентства TNZ, 12–13 апр. («Газета wyborcza», 15 апр.)

- «В субботу по варшавским улицам прошли участники совместного марша Комитета защиты демократии и оппозиционных партий. (...) Столичная мэрия сообщила, что от площади На роздрожу до площади Пилсудского прошли 240 тыс. человек. Полиция сначала сообщала о 30 тыс. участников, затем увеличила эту цифру до 45 тысяч». («Дзенник газета правна», 9 мая)

- «Когда первые участники шествия дошли до площади Пилсудского, конец колонны только покидал площадь На роздрожу. Между этими площадями — три километра. Ширина Уяздовского проспекта составляет 14 метров. Если помножить имеющиеся у нас данные, то при наличии двух человек на один квадратный метр общее число участников составит 84 тыс., а при наличии четырех — 168 тысяч». (Гжегож Осецкий, «Дзенник газета правна», 9 мая)

- «Никто не предвидел, что Комитет защиты демократии обретет такую силу. И этой волны уже не остановить. Польша расколота, и раскол в ней только усиливается! Скоро у нас вспыхнет политическая гражданская война. Роли уже распределены. Такого конфликта мы еще не видели. Все средства пойдут в дело. (...) Сама Польша никого не интересуется. Речь идет только о власти». (Яцек Низинкевич, «Уважаю же», май 2016)

- «“Правительство расширяет уголовно-исправительные учреждения в Жешуве и Грудзёндзе. (...) Если добавить к этому новый павильон следственного изолятора в Хайнувке, (...) мы

получим в общей сложности 949 дополнительных мест”, — вычисляет подполковник Ярослав Гура, пресс-секретарь Тюремной службы. (...) В тюрьмах и следственных изоляторах Евросоюза находятся почти 6 тыс. наших соотечественников (в польских уголовно-исправительных учреждениях содержится всего лишь 217 граждан ЕС)». (Петр Шиманяк, «Дзенник газета правна», 11 апр.)

- «За первые три месяца 2016 г. с просьбами о предоставлении политического убежища обратились 355 граждан Таджикистана. Это почти в шесть раз больше, чем за аналогичный период прошлого года. (...) В первом квартале 2016 г. таджикских беженцев оказалось больше, чем украинских (326). Вот уже много лет по количеству беженцев всех опережают чеченцы». (Анджей Почобут, «Газета wyborcza», 20 апр.)

- «“Все больше иностранцев пытается въехать в Польшу по фальшивым либо чужим документам. (...) В 2015 г. фальшивые, то есть подделанные документы — паспорта, удостоверения личности, визы, печати — были выявлены у более чем 2,7 тыс. человек”, — говорит Агнешка Гольяс, пресс-секретарь Главного управления Пограничной службы». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 27 апр.)

- «“Мы не согласимся ни на одну из форм распределения беженцев между странами ЕС. Такие правила только увеличивают наплыв иммигрантов”, — заявил вчера в Люксембурге глава МВД Мариуш Блащак после совещания министров внутренних дел стран ЕС». (Из Люксембурга Томаш Белецкий, «Газета wyborcza», 22 апр.)

- «На протяжении нескольких лет в этом списке находятся две с половиной тысячи польских семей, проживающих в Казахстане, которым просто некуда приехать, хотя все репатриационные документы у них в порядке. Ни один состав польского правительства этого вопроса решить не смог, а ведь эти люди давно уже могли бы быть в Польше. Вместо этого они стали выгодным аргументом для политиков на время избирательной компании. Немцы одним махом перевезли своих соотечественников из Казахстана, Поволжья и Крыма», — Янина Охойская, основатель Польской гуманитарной акции. («Польска», 25 апр.)

- «В прошлом году поляки, работающие за границей, в общей сложности перечислили в Польшу 16,3 млрд злотых. (...) В том же году работающие в нашей стране украинцы заработали 8,4 млрд злотых до отчисления налогов. Это люди, которые работают здесь меньше года либо приезжают на работу из приграничных районов Украины». (Патриция Мацеевич, «Газета wyborcza», 19 апр.)

- «Численность уроженцев Северной Кореи в нашей стране

составляет примерно около восьмисот человек. Для Пхеньяна это один из способов получения ценной валюты. (...) Рабочие из КНДР большую часть своего легального заработка отдают режиму». (Рафал Томанский, «Газета wyborcza», 12 апр.)

• «В нашей стране сегодня работают 2,7 тыс. украинских компаний, которые ежегодно перечисляют на счета Управления социального страхования 400 млн злотых». («Дзенник газета правна», 27 апр.)

• «Лешек Бальцерович, бывший министр финансов, стал представителем президента Петра Порошенко в украинском правительстве. Он также включен в состав (как один из двух сопредседателей — В.К.) международной группы советников, занимающихся проведением реформ на Украине». (Войцех Муха, «Газета Польска цодзенне», 23–24 апр.)

• «Две недели назад Войцех Бальчун, бывший руководитель Польской государственной железнодорожной компании «Карго», был избран главой Украинских железных дорог, компании, в которой трудится около 300 тыс. человек». («Жечпосполита», 25 апр.)

• «Министры стран ЕС на своем совещании в Люксембурге одобрили кандидатуру Януша Войцеховского для назначения его членом Европейского расчетного трибунала». («Наш дзенник», 22 апр.)

• «Кандидатура евродепутата от Пис Януша Войцеховского ранее получила отрицательную оценку Европарламента, однако Совет ЕС не принял это во внимание. “В таких ситуациях Совет обычно не учитывает мнение Европарламента, считая, что это не входит в его компетенцию. Своего представителя в Европейском расчетном трибунале назначают государства — члены ЕС, и мнение Европарламента ни к чему их не обязывает”, — сообщил наш неофициальный источник в Совете ЕС». (Из Брюсселя Анна Словеская, «Жечпосполита», 22 апр.)

• «Проф. Нина Пулторак, видный знаток права ЕС в Польше, ранее занимавшая должность начальника отдела европейского права Высшего административного суда, включена в состав Суда Европейского союза. Эта судебная инстанция призвана разгрузить Европейский суд. Решения Суда Европейского союза обжалуются в Европейском суде, но только по юридическим основаниям. Проф. Пулторак присоединится к Ирине Вишневской-Бялецкой, которая отправляет правосудие в ЕС с 2004 года». («Жечпосполита», 13 апр.)

• «Европейская комиссия представила свой прогноз относительно экономики и государственных финансов, подтвердивший хорошие перспективы, ожидающие нашу страну. В этом году ВВП вырастет на 3,7%, а в будущем на 3,6%. (...) Ожидается, что в этом году мы сможем без труда

соответствовать Маастрихтским критериям, по крайней мере, в контексте дефицита государственных финансов, который должен составить 2,6% ВВП, зато в следующем году мы можем его ненамного превысить. По мнению экспертов комиссии, он составит 3,1% ВВП. Среди причин более высокого дефицита государственных финансов Европейская комиссия называет расходы на программу «500+», по которой государство перечисляет по 500 злотых ежемесячно на второго и каждого последующего ребенка. (...) Из-за этого государственные расходы увеличатся на 6 млрд злотых. В то же время Европейская комиссия прогнозирует, что в соответствии с законом об НДС ставки этого налога в будущем году уменьшатся на 1%, что означает уменьшение поступлений в бюджет примерно на 6 млрд злотых. Однако правительство уже приняло решение не понижать НДС». (Гжегож Осецкий, «Дзенник газета правна», 4 мая)

- «Долг, скрытый в форме пенсионных обязательств, уже приближается к 150% ВВП. (...) В будущем Управлению социального страхования придется выплатить в общей сложности 2,53 биллионов злотых. Если прибавить к этому официальный государственный долг, который к концу года должен превысить 1 биллион злотых, общая сумма нашей задолженности превышает 3,5 биллионов злотых, то есть 190% ВВП». («Жечпосполита», 28 апр.)

- «В прошлом году три российских вертолета нарушили воздушное пространство Польши. Они пролетели над границей между Калининградской областью и Варминско-Мазурским воеводством и вторглись на несколько километров вглубь нашей страны». (Сабина Треффлер, «Газета Польска цодзенне», 18 апр.)

- «Вооруженные силы, которые Россия сосредоточила в Калининградской области, а также в других районах, расположенных вдоль ее западных границ — это наступательная группировка, во много раз превышающая возможности НАТО в этом регионе», — министр национальной обороны Антоний Мацеревич. («Жечпосполита», 19 апр.)

- «Мой отец (проф. Яцек Возняковский, умер 29.11.2012 г. — В.К.) в последние годы жизни был очень встревожен. Я много путешествовала и всякий раз привозила какие-нибудь хорошие новости. (...) А он говорил: “Мир катится в пропасть, грядут страшные времена”. Я радовалась: “У Польши всё получается, (...) к нам прислушиваются в Европе. Когда говорит Польша, зал затихает. Мы становимся все более авторитетными, занимаем высокие посты, наш человек руководит бюджетом ЕС, у нас есть деньги на наше развитие. Польша расцветает”. А папа возражал: “Наступают страшные времена, вы просто не понимаете, что история циклична”. (...)

Это было четыре года назад», — Ружа Тун, депутат
Европейского парламента. («Газета выборча», 9-10 апр.)

В тени

Оплодотворение *in vitro* — дословно «в стекле» — вывело на сцену общественной жизни нового актера. Эмбрион. Создаваемый в чашке Петри, помещаемый затем в инкубатор, в условия, имитирующие среду яичников и матки, получающий питание, аналогичное жидкостям тела женщины. Далее следует или пересадить его в женский организм, или заморозить, чтобы не погиб. Эмбрион, в сущности, моментально сделался самостоятельной фигурой, заняв центральное место в дискуссиях на тему репродуктивной медицины. Настолько самостоятельной, что кое-кто даже предлагает наделить его правами гражданина. Гражданки же, создательницы и владелицы эмбрионов — это или мужественные матери-воительницы, победившие болезнь, или эгоистичные карьеристки, желающие уподобить путь к материнству походу в супермаркет. Примерно так выглядит неоднозначный портрет женщины, прибегающей к услугам репродуктивной медицины, каким его рисует дискуссия в польском обществе. Портрет женщины в тени эмбриона.

Магда

Я прошла через три неудачные попытки *in vitro* и три криопереноса, то есть подсадки ранее замороженного эмбриона. Был момент, когда лекарства в холодильнике занимали две полки. Мы с мужем садились за стол, открывали наш арсенал и принимались за работу. Дозы разные, мы наполняли шприцы, подсчитывали, проверяли, все это занимало сорок минут. Первый этап гормональной стимуляции заключается в подавлении продукции собственных гормонов, стимулирующих работу яичников, то есть имитации своего рода короткой менопаузы. В первый раз у меня были ужасные мигрени и тошнота. Во второй все остановилось на два месяца — что-то не сработало. Затем — прием лекарств, вызывающих овуляцию. От них я распухала, живот болел, брюки застегнуть невозможно — так распирало. Отекали ноги, туфли на каблуках было не надеть. От этого лечения перестаешь чувствовать себя женщиной. Продолжение рода ассоциируется с сексом, а процедура *in vitro* — ни капельки. Теоретически сексом заниматься можно, но ты или ужасно себя чувствуешь, или нужно вот-вот делать посев, или ждешь пункции. В этих

постоянных запретах хорошего мало. К тому же еще приступы плаксивости и раздражительность, вызванные гормональными перепадами.

После первой процедуры *in vitro* я забеременела, но вскоре случился выкидыш. После второй — то же самое. Я решила пройти иммунологическое обследование. Врач сказал, что у меня нет никаких шансов забеременеть, а уж тем более выносить ребенка. Но раз есть замороженные эмбрионы, нужно их подсадить, и единственное, что может помочь, — капельницы иммуноглобулина плюс иммунизация лимфоцитами мужа. Я готовилась с января до июля. Каждый месяц — инъекции лимфоцитов и противовоспалительная терапия, поскольку были выявлены скрытые воспалительные процессы, плюс бесконечные биопсии матки, да еще антибиотики. Подсадку сделали во время вливания, капельница продолжалась два часа, стоила пять тысяч семьсот złotych. Моего врача в этот момент не было на месте. Вернувшись, он спросил, почему взяли самые слабые эмбрионы. Самые слабые! А ведь собирались взять самые сильные! У меня была истерика.

Но я попробовала снова, поскольку оставался еще один эмбрион. Вскоре после пересадки сделала тест, он показал положительный результат. Я поехала к иммунологу, тот прописал очередную капельницу. Муж приехал заплатить карточкой, хотя был против. Показатель бета-ХЧГ оказался низкий, а через два дня упал совсем.

Тут мне уже понадобился психиатр. Мало того, что опять не вышло, меня мучили жуткие угрызения совести, что я сделала эту капельницу. Врач прописал таблетки, но я обошлась без них, сама взяла себя в руки.

Много месяцев я принимала Энкортон, стероид, который снижает иммунитет, чтобы организм не отторгал эмбрион. Я от этого препарата очень поправилась, отекала, лицо стало похоже на полную луну. К тому же возникли проблемы со здоровьем. Я подвернула ногу и целый месяц с ней маялась. Врач сказал, что, возможно, это побочные от Энкортона. Кроме того началась гипертония, так что я — со своими костылями — бегала по кардиологам. Чтобы уж совсем было весело — устарели результаты анализов, так что пришлось делать новые; мне казалось, что я просто не вылезаю из клиники. Это стало отражаться на работе, я не могла сосредоточиться на сто процентов, даже половины не делала того, что нужно. Я начальник, что-то могу поручить другим сотрудникам, но все равно должна отслеживать процесс в целом. В результате в конце года выплаты мне сократили вдвое. Я, впрочем, не удивляюсь, сама поступила бы так же.

После этого третьего неудачного криопереноса начались

месячные, и мне в голову пришла шальная мысль — поехать в Белосток, в клинику. Мы поехали. Врач посмотрел результаты обследования, осмотрел меня и говорит: «А я бы сегодня сделал. Да, в некотором смысле это безумие, теоретически нужно время, чтобы настроиться, и потом — придется здесь торчать во время праздников, но я чувствую, что сейчас подходящий момент». И тут мой муж, который не любит действовать спонтанно и необдуманно, отвечает: «Ок, мы готовы». Я просто дар речи потеряла, на календаре — 15 декабря, но согласилась. Доктор предупредил, что получится дороже, потому что он пользуется другими лекарствами, в частности, гормоном роста, имеющим несколько скандальную репутацию, но в США его применяют. А я подумала: терять нечего, там три укола надо было сделать, если это может помочь, я готова на все. Рождественские каникулы мы провели, катаясь из Варшавы в Белосток и обратно. В первый день Рождества сделали пункцию, у меня взяли четырнадцать яйцеклеток, из них получилось семь эмбрионов, выжили два, один заморозили. Подсадка была на Новый год. На следующий день после Крещения я вся отекала, плохо себя чувствовала, тошнота. В больнице диагностировали синдром гиперстимуляции яичников, то есть тяжелое осложнение после гормональной стимуляции, но отпустили домой. Назавтра я потеряла сознание в ванной, родители отвезли меня в больницу на Белянах, где сказали, что состояние тяжелое. Делали декомпрессию, вживую, шприцом откачивали из живота жидкость, и в плевре тоже оказалась жидкость, мне давали кислород. У мужа и мамы были красные глаза, я не понимала, почему. Меня интересовало одно: растет ли показатель бета-ХЧГ. Я совершенно не осознавала, как все это опасно.

Но — получилось. Срок у меня — через две недели. Сама удивляюсь, как я не спятила. Это страшно сложный путь, нужна шкура носорога, чтобы все выдержать. У некоторых получается с первого раза, но для большинства женщин это означает: лапароскопии, гистероскопии, кисты, неудачные криопереносы, выкидыши.

После того, через что я прошла, мне не хочется пробовать снова. Но у нас остался эмбрион. Когда человек так хочет ребенка, каждый эмбрион — надежда, трудно потом взять и просто отказаться от него. Религия тут, в общем, ни при чем. Я, впрочем, рассказала на исповеди, что делала *in vitro*.

Священник сказал, что не видит проблемы: раз я больна, значит, должна лечиться, исповедоваться в этом незачем. — А как же вероучение? — спросила я. Он ответил: «Я помню времена, когда смертным грехом считалась пересадка органов, но теперь все по-другому». И я успокоилась. Я глубоко верю, что

когда-нибудь Церковь изменит свое отношение к этому вопросу.

Кася

In vitro не означает автоматически — ребенок. Если бы мне сказали, что на пятнадцатый раз наступит беременность и родится здоровый малыш, я бы ждала и терпеливо повторяла попытки. А так — живешь надеждой: может, в следующий раз, может, теперь? Некоторые девушки пробуют in vitro в шестой раз, в восьмой. Должны быть какие-то границы. Это сказывается на здоровье. Я, например, боюсь, потому что сейчас все в порядке, но кто знает, не появятся ли через несколько лет какие-нибудь осложнения — после этих гормонов, пункций яичников.

Когда растут фолликулы, испытываешь огромный дискомфорт, словно распухаешь изнутри, под конец даже пописать нормально не получается. Болят яичники, низ живота, дикая раздражительность, гормоны доводят до исступления. Трудно сосредоточиться на работе. Я живу в четырехстах километрах от клиники, так что, хочешь не хочешь, с девятого дня цикла и до подсадки эмбриона приходится брать больничный или отпуск. Да еще следить за приемом всех этих таблеток, за инъекциями. Я принимала столько добавок и витаминов, что начались проблемы с желудком.

Иногда мне приходит в голову, что мы проводим в клиниках лучшие годы брака. Мне тридцать три года, мы с мужем повторяем попытки уже шесть лет, из них три — с помощью врачей. Результаты обследований отличные, а ребенка все нет. Один раз я забеременела, но случился выкидыш. Я сейчас расплачусь...

Как-то я выставила мужа за дверь, он три дня прожил у мамы, потом я пошла к врачу, оказалось, что результаты хорошие, и я уговорила его вернуться — на следующий день можно было делать инсеминацию. Такие вот перепады настроения. Когда я первый раз проверяла уровень бета-ХЧГ, чуть с ума не сошла. В день, когда должны были стать известны результаты, то плакала, то кричала. Не сумела войти в систему — руки так тряслись, что я даже пароль не могла ввести, пришлось звать мужа. После выкидыша орала, что успокаивающие таблетки не действуют. Вернувшись вечером из Белостока после криопереноса, разложила все купленные лекарства и легла спать, потому что жутко устала. Муж вернулся после третьей смены, увидел все это и стал меня будить — решил, что я чего-то наглоталась. Только тогда я поняла, как ему тяжело. Передо мной он старался казаться сильным, но на самом деле был в ужасе.

Я превратилась в тень той классной и веселой девчонки, какой

была раньше. Не было выходных, чтобы мы куда-нибудь не пошли или не поехали. После всех этих попыток я замкнулась в себе. Стала скучной, грустной. Утратила радость жизни. Порой я впадаю в панику — в буквальном смысле в панику, начинаю плакать, волосы на себе рвать — а вдруг вообще не получится? Я не представляю себе жизни без ребенка. Вроде бы эти шесть лет я как-то без него живу, как-то функционирую, на работу хожу. Но страшно боюсь того момента, когда придется сказать себе: «Всё, хватит».

Марта

Я прошла целиком три процедуры ИМСИИ^[1], то есть инъекции в яйцеклетку сперматозоида, исследованного под огромным увеличением. После первой у нас получилось пять эмбрионов, я забеременела, но на седьмой неделе была замершая беременность. После второй процедуры — три эмбриона, в результате родилась наша дочка. За оставшимся замороженным эмбрионом мы вернулись через два года, опять беременность, но, к сожалению, короткая, до восьмой недели. В результате третьей процедуры вот-вот родится Зося.

Остались четыре замороженных бластоцисты, что оказалось для нас сюрпризом — неожиданный результат, учитывая нашу личную статистику.

Я вполне готова иметь третьего ребенка, думаю, что Якуб тоже. Может, я попробую сделать криоперенос раз, другой, третий, родится еще один ребенок, и с этой проблемой будет покончено. А может, получится забеременеть с первой попытки, и у нас останутся три эмбриона. Тогда принять решение будет сложнее.

У меня на это такой взгляд... «средний». С одной стороны, я воспринимаю эти эмбрионы как своих потенциальных детей, то есть потенциальных братьев и сестер Юлии и Зоси, и не представляю себе, чтобы я могла от них отказаться. Я абсолютно ничего не имею против донорства, полностью одобряю, но сама пока на это не готова. Отдать их на усыновление и не думать потом, что где-то по свету ходит мой генетический ребенок, брат или сестра моих детей? Но уничтожить — это мне тоже не очень нравится. Я бы предпочла что-нибудь среднее, если тут вообще можно говорить о более или менее предпочтительных вариантах. Но в Польше такая возможность практически отсутствует. Я имею в виду передачу эмбрионов для научных целей. Не знаю, может, дело в той цели, которой, в моем представлении, они бы тогда служили, всерьез я еще не задумывалась, слишком рано. Мне кажется, это более разумно, чем уничтожать их. Может, благодаря этому кто-нибудь станет мамой, папой?

Но зато у меня есть ощущение, что можно не торопиться. Может, я захочу забеременеть в третий раз и даже в четвертый? Мне не придется бояться позднего материнства, потому что эти эмбрионы — из генетического материала тридцатипятилетней женщины.

Когда эмбрион становится ребенком? Для меня он сперва становится беременностью. Может, это ужасно, но я это так ощущаю. Сначала огромная надежда, потом беременность, и лишь потом, когда немного отступает чудовищный страх, эмбрион постепенно становится ребенком. Страх — защитный механизм женщины, пережившей два выкидыша.

Вопросы религии нас не беспокоят. Наш ребенок крещен, у нас церковный брак, но с Церковью мы разошлись. Я помню, как епископ Перонек назвал детей *in vitro* реализацией идеи Франкенштейна, меня это потрясло, потому что я считала его умным человеком. Когда я прихожу в храм — на чьи-нибудь крестины или венчание — то думаю, что нахожусь там, где меня считают плохим человеком. То есть вошла туда, куда мне входить не следует, раз там на меня плюют и говорят обо мне всякие глупости, оскорбляют моего ребенка. А я, вместо того, чтобы протестовать, вежливо молчу. Я дозрела до того, что если священник во время службы скажет что-нибудь возмутительное о *in vitro*, я хлопну дверью и уйду. Знаю, что близка к психозу, но я довольно жестко разделяю Бога и Церковь. К тому же я сама до конца не понимаю, что теперь думаю об этом Боге, но у меня еще есть время, все впереди. Родные — практикующие католики — очень за нас переживали. Юлия знает, что появиться на свет ей помог доктор, который взял семечко папы и яичко мамы и соединил их. Ей пять лет, и я не хочу, чтобы она ходила на занятия по религии в детском саду. Я боюсь, что ее там обидят, мне кажется, она еще слишком маленькая, чтобы защищаться.

*

Польша, лето 2014 года, законодательно процедуры репродуктивной медицины по-прежнему не регулируются.

— Если бы я лечилась в вашей клинике и по какой-либо причине не захотела бы продолжать — например, потому что уже родила троих детей и на большее не способна физически и психически, но не готова отдать оставшиеся эмбрионы на усыновление, я могу попросить их уничтожить? — спрашиваю я специалистов в польских клиниках.

— Нет, — отвечает профессор Кучинский, директор и владелец Криобанка.

— Нет, — отвечает профессор Лукашук, директор и владелец клиники «Инвикта».

— Нет, — отвечает Малгожата Вуйт, эмбриолог из медицинского центра «Сальве Медика».

В этих трех клиниках, как и во многих других, пациентка подписывает договор, согласно которому обязуется оплачивать хранение замороженных эмбрионов, а в случае если она перестанет это делать, клиника имеет право отдать эмбрионы на пренатальное усыновление. Пациентки, особенно те, кто лечился до появления подобных договоров, очень часто выбирали третий вариант: перестать платить и «исчезаю». Или четвертый: мол, собираюсь передать эмбрионы в другую клинику, а что на самом деле я с ними сделаю — никого не касается. Или пятый: «Недавно у меня была пациентка, которая попросила подсадить ей эмбрионы во время безовуляционного цикла и без необходимого в таком случае использования прогестерона. Она знала, что у эмбрионов нет шансов, но не могла сама ни отказаться от них, ни уничтожить», — рассказывает Малгожата Вуйт.

— В настоящее время все склоняются к тому, чтобы ограничить количество создаваемых эмбрионов. Министерская программа, с 2013 года финансирующая лечение бесплодия, над которой я работал семь лет, вводит ограничение количества оплодотворяемых яйцеклеток до шести для молодых пациенток с полностью сохраненными репродуктивными функциями. У пациенток старшего возраста, а также при третьей попытке лечения можно оплодотворить больше клеток и получить больше эмбрионов, которые затем замораживаются, — рассказывает профессор Кучинский, член правления Секции репродукции и бесплодия Польского гинекологического общества и заместитель председателя Польского общества репродуктивной медицины.

— Как Вы полагаете, господин профессор, не должен ли в светском государстве человек иметь право уничтожить свои эмбрионы? В новом проекте закона есть пункт о наказуемости такого уничтожения.

— Я считаю, что нет, не должен. Мы ведь создаем новую жизнь. Как мне кажется, в Польше никто сознательно не уничтожает эмбрионы, потому что за это грозит уголовная ответственность. Когда-то в интервью одной газете я рассказал, что пациентка, которая использует чужой усыновляемый эмбрион, платит лишь за процедуру его пересадки, точно так же, как пациентка, которой подсаживают ее собственный замороженный эмбрион. Мы не берем денег за человеческие эмбрионы, переданные на усыновление. Я хотел публично заявить о прозрачности этой процедуры, а меня обвинили в торговле людьми. Да-да, какое-то общество охраны жизни обвило меня именно в торговле людьми. И это обвинение, несмотря на всю свою абсурдность, влечет за собой

определенные последствия. Полиция должна провести расследование, меня вызывают на допросы, что весьма неприятно. Я привел этот пример, чтобы показать, насколько тонкий вопрос вы затронули. Имея многолетний опыт работы в клинике лечения бесплодия, я считаю, что в польских условиях следует сохранить запрет на уничтожение эмбрионов или, во всяком случае, обеспечить им максимальную защиту.

С вопросом о праве на уничтожение собственных эмбрионов я иду к юристу, профессору Элеоноре Зелинской.

— Могу ли я, согласно польским законам, уничтожить свои эмбрионы?

— На данный момент юридически эта ситуация не урегулирована, так что практически такая возможность существует. Уголовный кодекс говорит об эмбрионе, находящемся в организме женщины, в этом случае существует запрет на его уничтожение путем прерывания беременности. Однако нет закона, который бы трактовал как убийство уничтожение эмбриона, находящегося вне организма женщины.

Профессор Элеонора Зелинская — одна из немногих, кто открыто говорит о том, что количество финансируемых государством процедур *in vitro* должно быть ограничено, поскольку они подрывают женское здоровье. К репродуктивной медицине профессор относится критически: нередко получается так, что та просто вынуждает женщину к размножению. Свое мнение Зелинская аргументирует тем, что является феминисткой.

А что думают о репродуктивной медицине феминистки?

*

Одной из первых феминисток, высказавшихся на эту тему, была Шуламит Файрстоун. В развитии эмбриологии она видела надежду на освобождение женщин от репродукции, в которой усматривала причину социального и экономического неравенства. В книге, изданной в 1970 году, то есть за восемь лет до рождения первого ребенка *in vitro*, Файрстоун выдвинула предположение, что инструментом, который освободит женщин и произведет революцию, станет искусственная матка. Этот прогноз не оправдался совершенно. Со временем оказалось, что репродуктивная медицина может действовать в противоположном направлении. Давая новые возможности иметь ребенка, она поддерживает и укрепляет роль женщины как матери, готовой на любые жертвы, чтобы реализовать свое предназначение. То есть буквально то, с чем феминистки тогда боролись. Они добивались права на отказ от репродукции, права

на контрацепцию, аборты, реализацию профессиональных планов.

Взгляд на материнство, в том числе осуществляемое благодаря репродуктивной медицине, изменился в эпоху феминизма третьей волны, который делает акцент на дифференциацию опыта и жизненных целей разных женщин. Включая тех, кто хочет иметь ребенка и быть матерью.

Некоторые феминистки полагают, что суррогатное материнство и донорство яйцеклеток представляет для женщины угрозу. Во многих государствах Западной Европы считается, что человеческая жизнь не должна подвергаться коммерциализации, а следовательно донорство гамет и суррогатное материнство возможны только в рамках бескорыстной помощи с компенсацией затрат. В результате жители таких государств, как Великобритания или Швеция, ездят в Восточную Европу, где коммерческое донорство гамет разрешено, то есть в страны, не достигшие подобного уровня нравственного сознания.

Нельзя не заметить, что коммерциализация донорства и суррогатного материнства обрекает на эксплуатацию женщин, находящихся в тяжелом финансовом положении. Либеральные феминистки возразят, что женщина сама делает выбор и имеет на это полное право. Подобным образом обстоит дело с дискуссией о проституции. Нельзя исключать добровольное желание женщины и нельзя априори трактовать ее как пассивную жертву, даже если она принимает решение работать в той сфере, где возможны торговля людьми и сексуальное насилие. Параллель с проституцией тем более уместна, что иные феминистки сравнивали суррогатных матерей с проститутками, утверждая, что они точно так же торгуют своим телом.

В 2002 году антрополог Майкл Нахман провела исследования в бухарестской клинике, которая получает яйцеклетки от доноров для израильских пациенток. Женщины, которых она опрашивала, мотивировали свои действия, в основном, финансовыми проблемами. Оплата, которую они получали за донорство — двести долларов — многократно превосходила их заработки и позволяла отдать долги, отремонтировать квартиру, оплатить образование, купить необходимые вещи. Некоторые женщины после первой процедуры обещали себе, что больше не станут этим заниматься. Но возвращались, потому что снова нуждались в деньгах.

Нахман далека от того, чтобы называть их пассивными жертвами эксплуатации, хотя ситуация, при которой женское тело за деньги подвергают стимуляции и берут из него генетический материал, представляется исследовательнице

этически некорректной. Вопрос, следует ли обществу запретить такие действия, остается открытым и — как полагает Нахман — должен рассматриваться в контексте социально-экономической системы, которая привела к создавшемуся положению, а не в контексте индивидуальных решений, которые могут повышать у женщины самооценку и давать чувство удовлетворения собственной предприимчивостью.

Антрополог Сара Франклин, специализирующаяся в области репродуктивной медицины, обращает внимание на то, через что проходит женщина в процессе лечения бесплодия. Бесконечные визиты к врачу, обследования, подготовка, перепады настроения — в результате процедуры *in vitro* подчиняют себе все существование и становятся образом жизни. Помимо физической и психической нагрузки на организм появляется иллюзия, что ты действуешь, что ты способна влиять на свою жизнь, появляется внутренний императив: повторять попытки снова и снова. Несмотря на неудачи, являющиеся неотъемлемой частью *in vitro*, женщины не останавливаются, чтобы потом иметь возможность сказать себе: я сделала все, что могла. Это, в свою очередь, превращается в ловушку, ведь никогда не известно — а вдруг в следующий раз бы наконец получилось? Отсюда ощущение, что существование репродуктивной медицины в определенном смысле оборачивается для женщины проклятием.

А что говорят феминистки в Польше? Польские феминистки молчат. Антрополог Магдалена Радковская-Валькович высказывает очень здравое суждение: причина такого положения дел — опасение, что любая критика *in vitro* автоматически льет воду на мельницу правых. Хотя отдельные голоса все же раздаются. Эльжбета Корольчук, которую цитирует Радковская-Валькович, спрашивает: «Если [...] бесплодие — это болезнь, разве лечение не является долгом каждого больного? Не станет ли финансирование *in vitro* — особенно если не ввести ограничение на количество циклов — орудием давления на женщину, которой вменяют в обязанность пытаться забеременеть до победного конца?» Это поле грандиозных идеологических битв скрывает частное поле битв женских. Женщины — вместе со своими партнерами, партнершами или в одиночестве — принимают решения. Ищут ответы на возникающие вопросы: в какой момент зарождается человеческая жизнь, этично ли пользоваться преимплантационной диагностикой, что делать с замороженными эмбрионами, как относиться к усыновлению эмбрионов, следует ли отдать яйцеклетки другой женщине. Они — пионерки в области этики, хотят они того или не хотят.

Из книги «Nie przeproszę, że urodziłam. Historie rodzin z in vitro». Czarne. Wołowiec 2015. Шорт-лист премии им. Рышарда Капустинского.

1. нтрацитоплазматическая инъекция сперматозоида.

Украинцы очень доброжелательны

**С профессором Лешеком Бальцеровичем,
представителем президента Петра
Порошенко в украинском правительстве,
беседовал Витольд Гадомский**

— Какой будет ваша роль в правительстве Украины?

— В последние месяцы я без лишней огласки несколько раз беседовал с Петром Порошенко и побывал на Украине. С самого начала я считал, что премьер-министром Украины обязательно должен быть гражданин этой страны. И порекомендовал создать группу стратегических советников для властей — не только для правительства и президента. На последнем этапе переговоров я предложил Ивану Миклошу^[1], бывшему вице-премьеру Словакии, чтобы тот стал сопредседателем указанной группы. Я очень высоко ценю его за реформы, которые он провел в своей стране. Миклош на протяжении двух лет дает советы украинскому министерству финансов. В последнюю пятницу своего пребывания в Киеве я окончательно договорился с президентом Порошенко о роли и позиции этого коллектива стратегических советников. Я заинтересован в том, чтобы он с самого начала участвовал в процессе принятия решений, а не только высказывал свое мнение о готовых законодательных проектах. Когда я работал в нескольких польских правительствах, мне очень везло с сотрудниками. И у меня есть уверенность, что в Киеве команда советников тоже будет превосходной. Моей правой рукой станет Ежи Миллер^[2], которого я знаю много лет. Это выдающийся государственный чиновник высшего уровня, человек с огромным опытом. В эту группу согласился войти также Мирослав Чех^[3], который являет собой живое связующее звено между Польшей и Украиной. Разговаривал я и с другими. Несколько советников предложил Иван Миклош. В составе названной группы окажутся также люди с Украины. В этой стране тоже есть очень хорошие специалисты.

— Но вы ведь будете не только советником, но еще и представителем президента в правительстве.

— Представителем, но не членом правительства. Меня

попросил об этом Порошенко. Я согласился при условии, что моим заместителем станет Ежи Миллер. У меня нет намерения переезжать на Украину, так как и в Польше есть много такого, что нужно сделать. Хочу бывать в Киеве по меньшей мере раз в две недели, а общаться при помощи интернета я ведь могу и из Варшавы.

— Вы не опасаетесь поражения? Министр экономики Айварас Абромавичус, родом из Литвы, отказался работать на украинское правительство.

— Все важные задачи сопряжены с риском. Если кто-то боится рисковать, он за них не возьмется. Но это не соответствует моей жизненной философии. Я согласился по очевидным причинам. Успех демократической Украины весьма важен для сохранения того порядка в нашем регионе, который возник после распада Советского Союза. Президент России Владимир Путин ни о чем так не мечтает, как о катастрофическом поражении Киева. Из всех лидеров Украины, с которыми я имел возможность познакомиться — а я езжу туда с 1992 г., — Порошенко производит на меня безусловно наиболее благоприятное впечатление.

— Убеждены ли украинские политики в необходимости реформ?

— Многие — да. Важно, чтобы в парламенте имелось поддерживающее реформы стабильное большинство. Это задача президента и премьер-министра. Я могу только советовать, что надлежит сделать. Помимо этого, во время моих визитов на Украину я встречался с лидерами всех партий. У них о польских реформах безусловно куда лучшее мнение, чем, например, у нынешнего министра юстиции Польши Збигнева Зёбро. Важны также встречи со средствами массовой информации. Украинские СМИ в противоположность российским весьма плюралистичны, а также настроены критически по отношению к политикам и действиям правительства. Журналисты, разговаривая со мной, обычно ждут, что я подвергну тотальной критике то, что происходит в их стране.

— Заслуживают ли украинские политики суровой критики?

— Украина после создания независимого государства запоздала с проведением радикальных рыночных реформ. Поэтому возникшая там экономика является — в отличие от польской — смешанной, частично рыночной, но с большим вмешательством государства и влиянием олигархов.

— Широко распространено мнение, что их влияние отнюдь не ослабло и что эти люди тормозят реформы, которые нанесли бы удар по их интересам.

— Не следует каждого крупного предпринимателя называть олигархом. Олигарх — это тот, кто нажил свое богатство благодаря политическим связям. Я был очень разочарован тем,

что происходило на Украине после оранжевой революции. Считаю, что основная вина ложится на плечи Виктора Ющенко, который, получив пост президента, главным образом был занят борьбой с Юлией Тимошенко. Его преемник Виктор Янукович в первые месяцы старался проводить какие-то реформы, повысил, к примеру, пенсионный возраст, который был необычайно низким, но потом его больше интересовало наращивание своего имущества, а в последний момент он вдруг резко отвернулся от Европы.

— **Как сегодня себя чувствует экономика и народное хозяйство Украины?**

— Ситуация, которую унаследовали новые власти, была настолько трудной, что не существовало никакой возможности избежать глубокого экономического спада; к этому добавилась агрессия России, военная и экономическая (если бы Германия воздержалась от импорта товаров из Польши, мы тоже получили бы глубокий спад). Правительство в течение последних двух лет не смогло провести все нужные реформы, но вместе с тем у него имелись и большие успехи. Например, удалось спасти страну от бюджетной катастрофы. В 2014 г. бюджетный дефицит превышал 10% ВВП, в 2015 г. этот показатель упал до 2–3%. Причем в то же самое время правительство решительным образом увеличило расходы на оборону; а армия создавалась там в принципе чуть ли не с нуля. Украинские власти избежали также краха банковской системы, и в этом большая заслуга нового руководства центрального банка. Не удалось, правда, избежать инфляции вследствие ослабления курса гривны, но Украина успешно перешла к свободному курсу валюты. Если бы этот курс был жестким, то наступил бы крах. Еще несколько лет назад страна ежегодно импортировала из России 44 млрд кубометров газа, в 2016 г. этот импорт будет нулевым. Если говорить об обретении энергетической независимости от России, то перед нами рекорд Европы.

— **А как выглядит борьба с коррупцией?**

— И здесь происходит много хорошего. У наиболее коррумпированной акционерной компании «Нафтогаз Украины» появилось новое руководство. В больших городах буквально с нуля возникает новая полиция, и это рассматривается как большой успех. Я буду знать больше, когда познакомлюсь с данными, которые попросил предоставить. Хочу выяснить, где пока еще функционируют монополии, какие инспекции в наибольшей степени не дают покоя предпринимателям. Петр Порошенко, которого я считаю лучшим украинским политиком с 1991 г. — не просто патриот, он еще и отдает себе отчет в том, что его успех будет зависеть от успеха Украины.

— Каким образом украинцы реагируют на иностранных граждан, которые занимают высокие государственные должности или становятся советниками?

— Я не проводил исследований на эту тему. Могу лишь сказать, что не заметил в обществе каких-либо проявлений враждебности. Напротив, я встречаюсь там с невероятной доброжелательностью. Мне также ничего не известно об украинских политиках, критикующих присутствие зарубежных советников и питающих надежду таким способом добиться поддержки народа. С точки зрения открытости по отношению к иностранцам Украина, пожалуй, опережает Польшу.

— Насколько я понимаю, ваша задача будет заключаться, кроме всего прочего, еще и в том, чтобы убеждать западных политиков, что у Украины есть шансы выйти из коллапса.

— Да, но эта деятельность должна будет основываться на фактах, а не на пропаганде. Такие факты необходимо показывать, поскольку западные СМИ зачастую — то ли из лени, то ли в результате российских манипуляций — представляют ситуацию у наших соседей в слишком мрачных тонах.

— Есть ли шанс на ассоциацию Украины с Европейским союзом, несмотря на отклонение такой возможности на референдуме, состоявшемся в Голландии?

— Для Европы было бы драмой, если бы решение голландцев, принятое под воздействием сильных эмоций, заблокировало большой и важной стране дорогу в ЕС. До меня доходят сигналы, что, невзирая на итоги голландского референдума, ассоциация Украины с Евросоюзом вполне может состояться. Обещана также — и это важно — отмена виз для украинцев.

-
1. Иван Миклош (р. 1960) — словацкий политик украинского происхождения, вице-премьер и министр экономики в 1998–2002 гг., вице-премьер и министр финансов в 2002–2006 и 2010–2012 гг.
 2. Ежи Миллер (р. 1952) был в 1998–2003 гг. одним из ближайших сотрудников Л. Бальцеровича, когда тот возглавлял министерство финансов Польши, а затем Национальный банк страны.
 3. Мирослав Чех (р. 1962) — польский политик и журналист

украинского происхождения.

Адам Земянин

Стихотворения

Перевод Андрея Базилевского

Молитва о смехе

Мне нужен смех
В это странное время —
Здоровый как
В роднике вода
Пусть он меня крутит
Колотит в темя
Пусть уносит
Меня туда
Где кроме хохота
Нет ничего
Мне нужен смех —
Больше всего
Пусть стены дрожат
И бьются стаканы —
Быть бы вечно
От смеха пьяным
Не то чтоб я был
Веселее всех
Позарез нужен смех —
Человеческий смех

Сезонный паяц

клоуна дергали за веревку
он лавировал прытко и ловко
тянули клоуна за язык
меж тем и этим он лихо скользил
весь — от мала и до велика —
клоунский клан ему рукоплескал
но стихли вдруг ликованья крики
улёгся восторгов шквал
напрасно на голове стоял он
огонь из пяток пускал
было замечено — скучен жалок
набитый дурак и бахвал

то ли во времени он потерялся
то ли в пространстве замер
с новым приказом не посчитался —
«ходить по земле ногами»

* * *

он принял меня с небрежной
улыбкой в дежурной манере —
во всём деловой конечно
однако немного нервный
жаркие были денёчки
лезли на лоб глаза
а он был вроде не против
хоть и не то чтоб за
был заключён неписанный
договор между ним и мной
срок действия договора
он тут же закрыл рукой
вот я и спешу вслепую
наугад закорючки ставлю —
как бы любая буква
последней не оказалась

Урок на пленере

— война в природе человека
просто она дремлет —
заявил инженер и магистр
в одном лице
в свидетели он призвал
бесспорные авторитеты
александра македонского
наполеона
гитлера помянуть не успел
у кого-то сдали нервы
и он одним ударом
выбил магистру фюрера из головы
— вот видите — изрёк инженер
харкая кровью
всё же война и впрямь
в природе человека

Горят письма

Кочерга листала последние письма
Длинным носом ковырялась в пепле
Обгоревшие строчки порхали — в их трепете
Не знаю был ли ещё хоть какой-то смысл
«...только — пожалуйста — приди на вокзал...»
А вокзал был уже обуглен до крайней платформы
Час прибытия поезда догорал
Ключья писем взмывали в небо как ангелы чёрные
А наутро так и не прочитанные слова
Ещё кружились хлопьями чёрного снега
Кочерга пыталась из них что-то вычитать но едва
Различая буквы лишь таращилась слепо
«...только — пожалуйста — приди на вокзал...»
А зачем — было уже никому не известно
Расписание стало золой поезд как факел пылал
Одна кочерга держалась прямо и честно

Две стороны медали

мне жаль
обратной стороны медали
она хоть и ближе
к груди владельца
но при этом всегда в тени
можно сказать в подполье
вечно играет в жмурки
с толпой
лицевая
чистым золотом щерится
все торжества наблюдает
своими глазами
обратную же лишь владелец
золой или мелом
чистит
парадная лицевая
почести принимает
ласкают ее взоры дам
речи льстецов
нет-нет да и хозяин погладит
она ведь ему так верна
а вот про другую — реверс —
никто и не вспоминает
может поэтому я сперва
разглядываю любую медаль
с обратной стороны

Петух на крыше

у меня на крыше
сидит петька пьяный
залил zenки кровью
и поёт пеаны
дескать видел-слышал
мол вообще-то стоит
надо бы а как же
ну конечно строят
ох и травит душу
за крыло хватает
а в глаза-то смотрит
гребень раздувает
но к счастью пока что
я ему хозяин
долго не протянет
коль вконец достанет

Наш горький счёт

кто увел нас в эти скитанья
кто нам хрупкие весла выдал
кто пустил нас по мутным волнам
кто так странно курс проложил
с кем нам вместе в пути держаться
кто тут кормчий а кто наш брат
в каком порту бросить якорь
чтоб найти крупицу ответа
кому верить кого бояться
где искать себя где находить
лютый холод, палуба — льдина
слепая палатка набита
вопросами без ответов

Что-то висит в воздухе

Что-то висит в воздухе
Говорили по радио
Что-то висит в воздухе
И с этим никак не сладить
Что-то висит в воздухе
Сосед бросил строить дом
Что-то висит в воздухе
Но лучше молчи о том

Может уже устал
Наш двадцать первый век
А может быть просто так —
Этот отчаянный смех
Что-то висит в воздухе
Кто-то чует это нутром
Что-то висит в воздухе
Скоро и мы поймем
Что-то висит в воздухе
Соседка бледна как горе
Что-то висит в воздухе
А дверь уже на запоре
Может просто устал
Наш двадцать первый век
А может это уже знак —
Лебединой песни свет

На пороге осень

Не подливай
масла в огонь
огню ведь только
и надо этого
Не подливай
масла в огонь
на пороге осень
кончается лето
Небо вспыхнет
и вся земля
осенним огнём
запылает тоже
Ты станешь
облаком белым
а я
камнем придорожным

Адам Земянин (род. 1948), поэт, автор слов к песням, прозаик.

Выписки из культурной периодики

На обложке субботнего выпуска «Жечпосполитой» (№ 112/2016) красуется анонс номера: «Приходят молодые, радикальные, консервативные». Тема конкретизируется в пространным интервью с социологом профессором Генриком Доманским, однако в заголовке — «Молодые, правые, прагматичные» — исчез консерватизм, да и в тексте о нем ни слова. Возможно, следует полагать, что консерватизм — это неременная характеристика правых? Что-то я в этом не уверен, но, в любом случае, с интересом прочел бы, о каком консерватизме здесь говорится. Потому что, безусловно, не обладают консервативным характером тенденции, о которых идет речь в интервью: «Если по отношению к бунту молодежи 1968 года можно указать на приливную волну левизны, вырвавшейся из противостояния потребительскому обществу, то в 2016 году произошел поворот в другую сторону. Молодежь не приемлет поступков, которые отклоняются от моральных ценностей, свидетельством чему является негативная оценка абортв. Одновременно молодые люди более толерантны по отношению к геям и лесбиянкам. К примеру, среди представителей наиболее молодых возрастных групп максимальную степень поддержки публичной демонстрации гомосексуальности декларируют 44%, тогда как в обществе в целом — лишь 30%. Парадокс в том, что бунт 1968 года был левым ответом на рост уровня жизни, сегодняшняя же ситуация — следствие кризиса. Демократия приспособляется к переменам рыночной экономики. <...> Молодые люди хотят сейчас государства, которое будет средством защиты от проблем, связанных с гибкими формами занятости <...> и другими препятствиями развития. То, что ни одной западной демократии не удалось преодолеть кризис, — это для молодежи свидетельство ущербности подобной модели управления. <...> Факты таковы, что у молодых людей установки в отношении к капиталистической системе более индивидуалистские, чем в старших возрастных группах, и они меньше верят в эффективность институтов государства». И в завершение интервью: «При молодой демократии возможности общественной ангажированности, даже краткосрочной, лишь начинают возникать. В 90-е годы не было таких шансов, потому что еще не появились институты, которые давали бы

возможность участвовать в общественных делах, не было также таких инструментов оценки действительности, которые обеспечивает интернет. Еще одним способствующим фактором стал рост образованности, что повышает потребность в знании и учит рациональности. Молодые люди пользуются более эффективными инструментами для познания действительности и оценки процессов и явлений, благодаря чему лучше подготовлены к жизни при демократии, а стало быть, и более требовательны. Их нынче на мякине не проведешь. Они более результативны в стремлении получить ответы на критически поставленные вопросы. Склонность к критицизму, пожалуй, всегда будет отличать более молодых от других возрастных групп».

И что же здесь от консерватизма? Я задаю вопрос, потому что это понятие вновь возвращается в Польше в общественную дискуссию. Многие публицисты заявляют, что именно такой, консервативный характер присущ правящей сегодня партии, руководимой Ярославом Качинским. Комментируя подобные оценки в интервью для «Газеты выборчей» (№ 112/2016), озаглавленном «Якобинцы и их перемены к худшему», Александр Халль замечает: «Левые либералы часто называют эту группировку консервативной, но это или от интеллектуальной лени, или для того, чтобы слово «консерватизм» порождало плохие ассоциации. Это удобно, потому что вы, — обращается А. Халль к журналисту, — не найдете углубленного анализа того феномена, которым является партия Качинского. По моему мнению, «Право и справедливость» — это партия правых социальных популистов. И способ правления у них скорее якобинский, революционный, нежели консервативный». Далее, комментируя свою только что вышедшую книгу «Перемены к худшему», посвященную политике нынешнего правительства, Александр Халль подчеркивает: «Книга „Перемены к худшему“ — это очень критический анализ того, что ныне происходит в Польше, хотя я стараюсь не впадать в ненужные преувеличения. Главный тезис состоит в том, что, по моему убеждению, основная часть польского общества — это люди правоцентристских взглядов. Эти взгляды выражаются не в экономических концепциях или философских воззрениях, а в приверженности традиции, польскости, в бытовом консерватизме. Это основная группа избирателей». Однако А. Халль не объясняет, что подразумевает под понятием «польскость». Если же вдуматься, то польскость — это не столько абстрактно осмысленная ценность, сколько исторически изменчивое чувство общей, но индивидуально переживаемой каждым человеком культурной идентичности.

Такая польскость формировалась как в Первой, так и во Второй Речи Посполитой в интенсивных контактах, о чем многие забывают, с другими — немцами, литовцами, армянами, русинами и евреями, — то есть со значительным числом национальных меньшинств, причем эти отношения, пусть иногда напряженные и даже не лишенные драматических конфликтов, все же — если рассматривать исторический процесс как некое целое — были важными компонентами «польскости». Поэтому дальнейшие выводы А. Халля особенно удивляют: «Поляки правы в своей боязни мультикультурных обществ. Для меня очевидно, что мультикультурные общества Европы возникли без должного размышления над тем, что цивилизация — это важно. Не знаю, как вы в Лондоне, а я в Париже не чувствую себя в безопасности, входя в метро».

Следует признать, что Польша после Второй мировой войны стала страной, в принципе, национально однородной, тем более, что имевшиеся в ограниченном числе меньшинства, такие как немецкое, белорусское, украинское или литовское, были как-то «спрятаны», маргинализированы и зачастую лишены своих прав, о которых иногда осторожно напоминали такие люди, как белорусский писатель Сократ Янович. В школе ученикам прививалось убеждение, что мы, наконец-то, живем в национальном государстве, свободные от проблем, которые причиняли довоенной Польше разнообразные меньшинства. Антисемитские гонения 1968 года, в результате которых из страны выехали немногочисленные уцелевшие после войны евреи, завершили картину. Вдобавок именно коммунистическая пропаганда сформировала ментальность «настоящего поляка». Этим наследием отягощена посткоммунистическая Польша, что находит сегодня выражение в истерических реакциях на попытки Европейского Союза разместить в Польше иммигрантов с Ближнего Востока и из Африки. В еженедельнике «вСети» (№ 19/2016) Петр Заремба в заметке «Алиби для инвазии» без обиняков пишет: «Относительная национальная однородность — это в польских национальных интересах. Здесь и вопрос идентичности, и вопрос безопасности. Мы ведь не тотально закрыты, о чем свидетельствует не вызвавший болезненной реакции прием сотен тысяч украинцев. Но совсем иное — создать себе проблему, в отношении которой нет хорошего решения. Если вы не желаете для себя инцидентов на национальной почве или роста национализма, то должны руками и ногами отбиваться от массовой иммиграции из исламского мира». Можно лишь удивляться, как в контексте этих слов понимать стремление к сохранению национальной идентичности, неотъемлемой составляющей которой, согласно ее защитникам, является

приверженность христианской этике, предусматривающей, между прочим, милосердие и помощь ближнему. Одно не подлежит сомнению: дискуссия продолжается, вынуждая участников и защитников «национальной однородности» прибегать к изоощренной моральной эквилибристике, и трудно сказать, в каком состоянии окажется то, что определяется как «польская идентичность». Вдобавок каждый мало-мальски думающий человек понимает, что нынешний наплыв иммигрантов в Европу — это лишь самое начало нового переселения народов, сдержать которое невозможно.

А в еженедельнике «До Жечи» (№ 20/2016) доминирует блок материалов в поддержку Национально-радикального лагеря (НРЛ), наследующего имя и традиции политической группировки межвоенных лет. Здесь уже вполне можно говорить о «молодых и радикальных», хотя, пожалуй, и к ним трудно приладить ярлык консерваторов — разве что в смысле консерваторов-реставраторов этнографического заповедника. В статье Рафала А. Земкевича «НРЛ, или Великий страх Салона» мы найдем, прежде всего, попытку героизации исторического политического движения и стремление обнаружить в нем политические традиции, привлекательные сегодня для части молодежи. Текст, впрочем, завершается довольно осторожно, с некой отстраненностью по отношению к решению принять такое наследие. Говоря об использовании символики НРЛ националистами и отмечая, что их появление в общественном пространстве пробуждает в либеральной среде (то есть в заглавном «Салоне») испуг перед крайними формами национализма, автор подчеркивает: «Поиск истоков, размышления над тем, откуда столь разительно действующие на противников символы взялись и что они означают, начались значительно позже. Трудно сказать, что принесут эти размышления, — лично я считаю НРЛ и выводящиеся из него организации тупиком национал-демократической традиции, продуктом эпохи, минувшей, как можно все-таки надеяться, безвозвратно. Однако современные молодые радикалы, коль скоро к этой традиции обратились, находят в ней что-то для себя особенно притягательное». Только вот понять, какое именно сокровище упрятано в этой традиции, у автора статьи не получилось. А жаль.

В том же номере еженедельника публикуется статья Войцеха Выбрановского «Не так страшен черт», рисующая пасторальную картинку вокруг этой организации: «Сторонники НРЛ — это, главным образом, молодые люди. Среди них немало учащихся лицеев, но больше всего студентов. Есть, однако, и работники физического труда, и футбольные

фанаты. Недавно в организации высчитали средний возраст активного члена НРЛ. Получилось 24,7 года. <...> Насколько часто скандалы вокруг НРЛ фигурируют в масс-медиа, настолько же часто замалчиваются позитивные акции организации. А их много. В Лодзи местные члены НРЛ включились в помощь женщинам в Доме одинокой матери, в Варминско-Мазурском регионе вместе с харцерами организовали «День ребенка» для малышей из детского дома в Ольштыне, в Поморье отремонтировали Дом одинокой матери в Матемблове, а в Подлясье собрали несколько машин подарков для домов одинокой матери в Супрасле и Нелавице. В великопольском Калише члены НРЛ подготовили патриотический конкурс под патронатом президента города для детей начальных школ». Они повсюду. И повсюду отслеживают «леваков» (что бы ни значил этот термин в их устах), дабы с ними бороться. Вот как говорит в интервью, заключающем эту подборку текстов, пресс-секретарь НРЛ Томаш Калиновский: «Мы мечтаем о том, чтобы люди освободились от индивидуального эгоизма, чаще думали о народе, умели посвятить себя общему делу, действовать в интересах народа. Вот наша цель. Стоит ли здесь чего-то бояться? Тем, кто действует во вред Польше, по указаниям, приходящим из Берлина и Брюсселя, — тем, конечно, стоит».

Признаюсь, что такие поиски радикальной молодежи силами журналистского корпуса, нарекающего себя «правым», сопряженные с попытками представить этих молодых людей как своего рода благородных, руководствующихся высшими ценностями защитников польскости, которую удушают миазмы поработавшей Польшу мафии брюссельских еврократов, кажутся мне одновременно и смехотворными, и пугающими. Это укрепляет, вместе с поддержкой пропаганды, называемой «исторической политикой», образ польскости не столько консервативной, сколько провинциальной, захолустной, культивирующей одновременно комплекс неполноценности по отношению к Западу и чувство превосходства по отношению к Востоку. Это не только глупо, но и несколько аморально.

Смертельный хлеб

Перевод Анастасии Векшиной

Небольшой скромный дом стоял особняком, фасад заслоняли заросли, которые в прежние, более спокойные годы наверняка были частью заботливо и умело возделываемого сада, ухоженного и, как говорили, выглядевшего совершенно иначе, нежели в то время, о котором я повествую, — ведь сложно выращивать розы, лилии и тюльпаны, когда мир вокруг рушится, угроза надвигается со всех сторон, а ее рокотом не получится пренебречь, спрятавшись в изящном, декоративном мире садовых иллюзий. Он стоял на краю владения, принадлежавшего сестрам, а за ним простиралось другое пространство: дикое, так и тянет добавить — извечно и от природы, которое никогда не возделывалось и не приводилось в порядок, обреченное на самое себя, ничье. В тех краях не было выделяющихся холмов и возвышенностей, однако можно сказать, что равнина довольно круто спускалась к реке. В том месте никогда не было дороги, она не была проложена, никто не видел в этом необходимости, раз к реке вела вполне приличная тропинка, превращавшаяся в топкую борозду или даже в бурлящий поток только тогда, когда приходило время проливных дождей; бывало это редко, раз в несколько, может быть, даже раз в десять-двадцать лет. Впрочем, в такую погоду мало кто ею пользовался, потому что любителей купания в реке и загорания на ее берегах обычно не находилось. К постройкам или полям она не вела, там их не было.

Он пристроился с краю, с восточной стороны. В зарослях его легко было не заметить, хотя он стоял между двумя основными зданиями Приюта. Раньше он наверняка был красиво побелен и так же, как растения перед фасадом, ухожен. Входили через небольшое деревянное крыльцо; дом состоял из нескольких, может быть, трех или четырех, комнат, маленьких, как и все в нем. У него, по крайней мере, когда-то, была строго определенная роль; о том, какая, говорит его название. Его принято было называть Изолятором. В него предполагалось помещать детей, заболевших одной из заразных болезней, чтобы обеспечить им лечение, и чтобы они не заразили других. В случае остальных серьезных заболеваний пациентов отвозили в больницу в какой-нибудь из близлежащих городков. В давние мирные времена это не составляло особого труда, ходила узкоколейка, между деревнями и городками

ездили крестьянские подводы. Конечно, телеги — далеко не роскошный вид транспорта, а больному они, без сомнения, доставляли еще больше неудобств, тряска по полям или мощенным булыжником трактам усугубляла мучения, но свою основную роль они все-таки выполняли. Гораздо хуже обстояли дела во времена, о которых я рассказываю — как тогда, когда война еще шла и наконец-то приближалась к концу, так и тогда, когда она, в принципе, закончилась, но в этих краях эпоха спокойствия все еще не наступила, и потому всякому путешественнику по-прежнему грозила опасность, иногда даже смерть. В этих условиях домику-изолятору пришлось сменить свою функцию и служить больницей, хотя такое определение, в сущности, неверно, я использовал его только за неимением других, что характерно для времени, радикально отличающегося от нормы, которая закрепилась в традиции и в языке. Конечно, нельзя говорить о больнице, если ею не заведовал врач, а ближайший в то время доктор находился на расстоянии не менее двадцати труднодоступных километров. Конечно, нет нужды напоминать, что не хватало всякого рода лекарств, в том числе, первой необходимости. Если бы я хотел дать название изолятору в той форме, в какой я его помню с тех пор, я бы изобрел неологизм «болельня». Языковые новообразования дают пишущему то преимущество, что их можно наделять необходимым в данном контексте значением и сравнительно свободно ими оперировать.

В болельню в какой-то момент отправили и меня. Не помню, что стало поводом к тому, чтобы сестры меня туда определили, скорее всего, это были чирьи, глубокие гнойные раны, которыми было усыпано мое тело. Но я не хочу здесь рассказывать о себе, а тем более себя жалеть, особенно потому, что отдаю себе отчет, что в то военное и послевоенное время каждого воспитанника Приюта можно было счесть больным и отправить на лечение, которое в тех условиях и обстоятельствах лечением не было, да и быть не могло. Я оказался в одной комнате с еще несколькими мальчиками, однако не о них я собираюсь рассказать, тем более, что они не запечатлелись в моей памяти.

Однажды сестра, занимавшаяся болельней и ее обитателями, принесла к нам ребенка, который был гораздо младше нас, мальчика трех лет, — может быть, ему было немного меньше, может, немного больше, по прошествии нескольких десятилетий я не могу точно указать его возраст, впрочем, это не так уж важно. Тогда в приюте не было таких малышей, так что мы не знали, откуда он взялся, но можно было догадаться, что он не пришел сам, — это было бы невероятно в его возрасте и при его удручающем состоянии здоровья; одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что дела плохи. Ребенок

все время проводил в приставленной, с трудом втиснутой кровати, кажется, он не умел ходить. Старших мальчиков заинтересовало появление новенького, и они строили разные догадки, чаще всего склоняясь к мнению, что наш неожиданный сосед — подкидыш, ребенок, которого мать не хотела, или от которого оба родителя решили избавиться — правда, с серьезным опозданием, потому что младенцем он уже не был (среди детей, нашедших приют у сестер, были и подкидыши). Из этого, однако, насколько мы могли судить по тем или иным слухам, определенно следовало, что догадки старших неверны. Ребенок был из одной из близлежащих деревень, после боев и резни все еще почти безлюдной, его родители — очень молодые люди — были соседям известны, но никто не знал, где они, и даже живы ли они. Кто-то заботился о мальчике, то ли из дальних родственников, то ли из соседей или знакомых. Через некоторое время в деревню пришла страшная весть — мать погибла, вероятно, от шальной пули, потому что, кажется, не во время непосредственных столкновений двух ненавидящих друг друга общин. Ребенок же болел разными болезнями, от которых никто в деревне не знал средства. Решено было, что единственное место в округе, где ему могут помочь, это Приют, который держат монахини. Мальчик был болен, болен очень серьезно, в этом не было сомнений даже у нас, маленьких наблюдателей, с которыми он оказался в одном до предела переполненном помещении. Это была наглядная болезнь: чтобы ее увидеть, не нужны были ни приборы, ни какие бы то ни было познания, достаточно было невооруженных глаз, ну и носа, потому что следствием этой болезни была вонь, проникающая во все углы. Я не знаю, как это заболевание называется в медицине, но оно состояло в том, что несколько раз в день наружу вылезала кишка. Не имею понятия, какая врачебная процедура предписана в подобных случаях, во всяком случае, кишка сама не возвращалась на место, надо было ее запихивать. Эту неприятную обязанность выполняла сестра Леонтина, которая занималась болельней, а перед тем, как уйти в монастырь, кажется, окончила подготовительные курсы для будущих медсестер. У нее была огромная масса работы, кишка у ребенка высовывалась все чаще и чаще, сестра была не в состоянии реагировать сразу, поэтому она показала двум старшим мальчикам, как ему помогать, и возложила на них эту необычную обязанность. Они справлялись с ней вполне успешно. Несколько дней спустя мы привыкли к тому, что происходит, даже запах, устойчивый несмотря на открытые в то прекрасное время года окна, перестал нам мешать, кажется, мы его больше не чувствовали. Болезнь этого ребенка стала частью нашей повседневной жизни, неожиданно пробудив в ребятах инстинкт заботы.

Добавлю, что долгие годы я не слышал об этом заболевании, досадном также для окружающих, и потому наивно думал, что это был единичный случай, а если и не единичный, то встречающийся раз на миллион человеческих существ. Мне пришлось изменить свое мнение, когда спустя несколько десятилетий я прочел один из текстов, написанных Янушем Корчаком в Варшавском гетто. Мне ничего не остается, как процитировать слова Старого Доктора:

Как сообщают скромные рядовые опеки, почти у всех детей понос — от этого у многих выпадает прямая кишка. В страшном интернате под Киевом во время гражданской войны у меня было только два таких пациента — здесь, говорят, их пара десятков — один, говорят, умер от обезвоживания и гангрены толстого кишечника.

Мне сложно сказать, была ли у сестер надежда, что они вылечат и спасут мальчика, или они не обманывали себя и единственное, что было возможно в таких условиях, а может быть, и вообще при таком заболевании, это попытки облегчить страдания. Для ребенка готовили какое-то специальное диетическое питание, что тоже было непросто; наверняка из зияющей пустоты кладовки вытаскивались остатки хоть сколько-нибудь подходящей каши, сберегаемой на черный день. И он наступил, раз ничего другого мальчик есть не мог. Его состояние не позволяло делать оптимистичных прогнозов, с каждым днем, а может быть, даже с каждым часом оно ухудшалось. То, что с ним и вокруг него происходило в те несколько дней, когда он был с нами, становилось частью обычной рутины, мы привыкли к нему и вели себя так, словно запихивание выпадающей толстой кишки было действием обыкновенным и очевидным, не требующим комментариев, а может быть, и размышлений. Кое-что необычное и совершенно неожиданное произошло одним воскресным утром, теплым, летним, солнечным. Совершенно внезапно явился отец ребенка. Все зашевелилось, потому что в то время почти никто чужой в Приют не приходил, а уж тем более в нашу болельню, мы были отрезаны от мира, и все, что доходило до нас из мест хотя бы минимально отдаленных, возбуждало огромное любопытство, полное сильных эмоций. Отца привела в нашу комнату сестра Леонтина. Не было нужды указывать ему, где сын, он узнал его сразу, хотя, кажется, не видел его давно. Но никто другой в этом помещении его потомком быть не мог — мужчина был удивительно молод, можно было заключить, что ему нет еще двадцати. Такое впечатление он производил, хотя был усталым и изможденным дорогой. Мальчик отца не узнал, не понимал, что происходит и чего от него хотят. Он почти

совсем не говорил, а в ситуации, которая должна бы способствовать радости, был испуган, потому что ничего не осознавал, и от этого лопотал еще бессвязнее, чем обычно. Я уверен, что значения слова «отец» и его уменьшительных производных он не понимал, оно находилось за границами его ментальной картины мира. Сразу было видно, что суматоха, которая вокруг него поднялась, вызвала в нем сильнейший страх, а то, что какой-то, по его представлению, незнакомец хотел взять его на руки, показалось ему движением недружелюбным или даже враждебным. Внезапный плач вряд ли удивил кого-нибудь из присутствующих, так как был естественным для маленького ребенка.

Мы стали невольными свидетелями разговора неожиданного гостя с сестрой Леонтиной. Из него следовало, что тот искал сына какое-то время и узнал о его местонахождении, вернувшись в родную деревню. Он собрался поселиться в ней и заняться ребенком. О его судьбе мы, в сущности, ничего не узнали, он не рассказывал, что с ним происходило, да никто его и не спрашивал, надо было догадываться, что он сражался в одном из партизанских отрядов, которых в великолепных лесах округи было предостаточно. Он пришел к нам пешком за десять-двадцать километров и собирался двинуться в обратный путь в тот же день, решив забрать с собой ребенка, хотя неясно, как он себе это представлял. Впрочем, может быть, он думал оставить ребенка еще на какое-то время у сестер, но события развернулись так, что его решение в этом деле уже не имело никакого значения. Случилось страшное: ребенок умер на руках у отца. Мы не были свидетелями этого несчастья, оно произошло, когда мужчина с сыном вышел на улицу, туда, где был когда-то прекрасный сад. Известие быстро достигло больницы и произвело на нас огромное впечатление, несмотря на то, что, наверное, все мы к смерти вполне привыкли, сталкивались с ней в разных ситуациях и постоянно о ней слышали. Сестер смерть мальчика удивила и очень тронула, может быть, они предполагали, что его все-таки удастся как-нибудь спасти. Без сомнения, все мы заметили, что из рваной холщевой сумки молодого мужчины выглядывала большая, может быть, двухкилограммовая, а может, и еще больше — буханка хлеба. Это вовсе не говорит о нашей приметливости, просто все, что годилось в пищу, притягивало внимание и пробуждало желание завладеть им. Иначе не могло быть и с хлебом, особенно потому, что он выглядел свежим, словно только что из печи, может быть, еще теплым. До нас донеслись слова мужчины: он достал хлеба — что, конечно, было непросто, — чтобы кормить им своего найденного сына. Сестра Леонтина предостерегала его, что этого делать нельзя, объясняла, что это может только навредить ребенку. Пришлец,

казалось, слушал внимательно, обещал, что сделает так, как она сказала, но понял ли он указания, которые дала сестра? Уверенности не было; он вел себя так, будто слова, произнесенные монахиней, рушили его картину мира, ставили под вопрос основные понятия, которые ему до этого сопутствовали. Мы молимся Богу, чтобы он не жалел нам нашего хлеба насущного, значит, хлеб не может навредить! Особенно ребенку, которому мы хотим дать лучшее, что у нас есть. Выйдя из больницы, мужчина, видимо, некоторое время воздерживался от того, чего так желал и что казалось ему проявлением здравого смысла, но потом все-таки, как мы узнали, начал кормить сына размельченным хлебом. Никто, кроме него, не был свидетелем того, что произошло. Из сообщений, которые до нас дошли, следовало, что мальчик умер почти сразу же.

Думали ли мы о хрупкости человеческой жизни, которую могут оборвать десять-двадцать нечаянно данных кусочков хлеба? Я уверен, что такие мысли не возникали у нас в головах, в том числе и в моей, хотя я знал, что такое умирание; я же видел трупы людей разного возраста, также и моих ровесников, лежащие на улицах гетто, и отдавал себе отчет в том, что лишиться жизни можно в любой момент из-за одного случайного жеста или малозначительного с виду происшествия. Мне было тогда около десяти лет.

После того, что случилось, мужчине нечего больше было у нас делать. Он отправился в обратный путь. Он сказал, что похоронит сына в родной деревне. Исполнил ли он это, не знаю.

Из книги «Carska filiżanka». Wielka Litera. Warszawa 2016.

ЭЛВИС ЖИВ!

Перевод Андрея Базилевского

Элвис Пресли живет во Вроцлаве,
изменился до неузнаваемости,
похудел, облысел, но держится
неплохо, последние годы у него была
авторемонтная мастерская не то на Кшиках,
не то в Бискупине, теперь он
на пенсии; Джим Моррисон
поселился в Познани, преподаёт
англо-американский язык в одном
из частных вузов, пенсии
нет, приходится подрабатывать;
Джимми Хендрикс переехал
из Кракова в Жешув, не выдержал
в Кракове, оно и понятно,
Краков — неподходящий город для
стариков, не желающих мириться
со старостью, служит в магазинчике
старых грампластинок;
зато в Краков перебралась
Дженис Джоплин, раньше она жила в Щецине,
но приехала в Краков на экскурсию,
влюбилась, вышла замуж,
устроилась кассиршей на Вавеле;
Боба Марли видели в Пенинах,
он состриг дреды, одни говорят — выращивает
петрушку и укроп, другие — что вкалывает
плотогоном на Дунайце,
наверняка правы и те, и другие;
вопреки тому, что говорят и пишут, жив-таки
Иэн Кёртис — играл на трубе по джаз-клубам
на Побережье, осел
во Вжеще, снял однокомнатную квартиру
с видом на залив, водит
иностраннных туристов; на Балтике
встречали и Курта Кобейна,
но он пропал, а потом объявился
в Силезии, кончил курсы переплётчиков,
по специальности работать не стал,
оказалось, он крутой

программист, гонит халтуры для
компьютерной фирмы, болеет за «Рух», Хожув,
постоянный посетитель стадиона на улице Тихой,
Эми Уайнхаус взяла себя в руки,
покончила с токсическим образом жизни,
теперь она психотерапевт в Лодзи,
ведет занятия с трудными подростками
и матерями-одиночками, сдала
на права, купила мотоцикл, когда не
может заснуть, носится по бесплатной автостраде
до Варшавы и обратно.

А Януш Джевуцкий, невзирая на слухи,
не стал рыбаком в Назарете, впрочем,
он уже был им в предыдущем воплощении,
дважды в одну реку не входят,
не работает ни в лиссабонском банке,
ни в книжной лавке в Порту, чего
очень хотел, ни в библиотеке
в Коимбре, много лет кряду его можно было застать
на Вейской в Варшаве, он часто
заходил выпить кофе в «Читательник»,
не так давно промелькнул в Бердичеве,
увы, у него нет аккаунта на Фейсбуке,
он не выкладывает снимки в Инстаграме,
не постит в Твиттере,
но вы ему пишите, если и впрямь
подопрёт: он ответит на все письма.

Культурная хроника

Как всегда, в мае в столице прошла Варшавская книжная ярмарка, уже седьмая по счету. С 19 по 22 мая на Национальном стадионе свои издательские предложения представили 815 экспонентов из 25 стран (в том числе из Австрии, Бельгии, Китая, Франции, Греции, Канады, Германии, Румынии, Словакии, США, Тайваня и, разумеется, из Польши). Состоялось около 1500 встреч, дискуссий, конкурсов, выставок. Ярмарку посетила 1000 авторов. Почетным гостем была Венгрия, а специальным гостем — Барселона и каталонская литература. В рамках ярмарки был организован также Литературный салон Украины, участие в котором приняли представители 20 издательств этой страны. Встречи с читателями провели, в частности, Ежи Бральчик, Яцек Денель, Юзеф Хен, Яцек Хуго-Бадер, Ханна Кралль, Зигмунт Милошевский, Казимеж Орлось, Ежи Пильх, Мариуш Щигел, Ольга Токарчук, Евстахий Рыльский, Адам Вайрак, Кшиштоф Варга, Адам Загаевский.

Варшавская книжная ярмарка нынешнего года привлекла 70 128 посетителей.

— Это результат, который, вопреки неудовлетворительному уровню интереса к чтению в Польше, подтверждает, что мы все же обращаемся к книгам и читаем их. Доказательство тому, что большие события вроде ярмарки, сопровождающиеся фестивальной формулой авторских встреч, прекрасно служат продвижению и пропаганде книги, литературы и чтения, — заявил Рафал Скомпский, председатель объединения «Книжная ярмарка».

В прошлом году посетителей на ярмарке было немного больше — свыше 72 тысяч. А лучшим результатом может похвастаться автомобильная ярмарка в Познани — 99 тыс. посетителей.

20 мая во время торжественной церемонии в столичном театре «Драматичный» был назван лауреат премии им. Рышарда Капустинского. Лауреатом премии, присуждаемой за литературный репортаж, стал в нынешнем году журналист люблинского отделения «Газеты выборчей» Павел Петр Решка

(р. 1977), выпускник Люблинского университета им. Марии Склодовской-Кюри и Варшавского университета, где он окончил журналистские курсы. Он отмечен премией за сборник репортажей «Дьявол и плитка шоколада». Председатель жюри Мацей Заремба-Белявский сказал о лауреате: «Действие его репортажей происходит в Люблине и окрестностях, поэтому некоторые темы возникают сами собой: дома без ванной, клирики без совести, деревни без памяти. Но эти истории могли произойти в Нарвике, Неаполе, Нью-Йорке, прошлой осенью или сто лет назад. В этом, собственно, и своеобразие репортажей Павла Решки». Петр Мицнер, член жюри, заявил: «Решка рассказывает как о необычных событиях, так и о серой повседневности. Это репортер, который не стремится шокировать или удивить читателя. Любовь, секс, героизм, вера, чудачества и предубеждения — все это о нашем мире, которому автор посвятил книгу, состоящую из моментальных набросков, но, тем не менее, цельную. Он докапывается до того, что мы из стыда или скромности скрываем, но, что, несмотря на это, влияет на действительность. Откуда берется эта мудрость Решки? Он, пожалуй, просто любит и уважает людей, о которых пишет».

Во время ярмарки оглашены номинации на несколько важных литературных премий, в том числе на премию «Нике». Среди 20 книг, включенных в список, жюри отдало явное предпочтение репортажу (7). И только четыре романа. Некоторые литературные критики в связи с этим проявляют беспокойство, указывая, что основа любого зрелого издательского рынка — это именно роман. Задается также вопрос, не должна ли существующая формула «Нике» измениться. Понятие «лучшая книга года» часто критиковали, ибо как сравнивать несравнимое? Эссе с репортажем, стихи с романом? «Когда премия „Нике“ появилась в Польше, то была словно в пустыне, — пишет бывший секретарь „Нике“ Юлиуш Куркевич. — А за прошедшие два десятка лет литературные премии расплодились. Престижные (и часто значительные в финансовом отношении) премии присуждаются сборникам поэзии, книгам, написанным женщинами, даже книгам, написанным дебютантами. Нет только премии для широко понимаемой прозы, а прежде всего — для романа, который является солью любой литературы. Быть может, уже пора по-иному позиционировать „Нике“?» Быть может? Самое время!

В девятый раз во Вроцлаве вручались поэтические премии «Силезиус». Лауреаты нынешнего года: Юлиан Корнхаузер — за совокупность творчества, Барбара Клицкая — в категории «Книга года» за сборник «Nice», Альдона Копкевич — в категории «Дебют года» за сборник «Август». Победители получили статуэтки «Силезиус» и денежную премию: 100 тыс. злотых за совокупность творчества, 50 тыс. за «Книгу года» и 20 тыс. за дебют. Премии вручал президент Вроцлава Рафал Дуткевич.

10 мая еженедельник «Политика» присудил свои Исторические премии-2016 за книги о новейшей истории Польши, изданные в минувшем году. Жюри заседало под председательством редактора Мариана Турского. В категории научных трудов и научно-популярных книг премия присуждена Яну Оляшеку за книгу «Революция гектографов. Независимое издательское движение в Польше 1976–1989». В категории «Дневники и воспоминания» лауреатом стала Анна Махцевич за работу над книгой «Жизнь так глупо нас разлучает... Тюремные письма 1946–1956 Зофьи и Казимежа Мочарских» (это письма, которыми обменивались Мочарские во время своего заключения в годы сталинизма). В категории «Публикация источников» жюри присудило премию Каролине Шиманяк за перевод и подготовку к печати «Писем из Варшавского гетто» Рахели Ауэрбах. Лучшим дебютом признана книга Адама Ситарека «Государство за колючей проволокой. Структура и функционирование еврейской администрации Лодзинского гетто». Исторические премии «Политики» присуждаются с 1959 года. Это старейшая премия в стране. Присуждается за публикации по темам новейшей истории Польши.

9 мая отцу Адаму Бонецкому вручена на Вавеле премия имени Эразма и Анны Ежмановских Польской Академии знаний, присуждаемая тем, кто «литературным, научным или гуманитарным трудом, исполненным с пользой для родной страны, смог добиться выдающегося положения в польском обществе». «Лауреат нынешнего года, — сказал в приветственной речи президент Академии проф. Анджей Бялас, — это католический интеллектуал, многие годы безраздельно преданный делу поддержки и развития идей Второго Ватиканского собора, понимаемых им как открытость католической Церкви к диалогу не только внутреннему, но и с обществом, в том числе с ищущими, сомневающимися и неверующими. Отец Адам Бонецкий — это также

харизматический пастырь студентов, воспитатель нескольких поколений, для которых остается образцом, неизменно указывающим им путь к ценностям, которые следует беречь. Наконец, это редактор газеты «Тыгодник повшехный», который после кончины вдохновителя и основателя издания, легендарного редактора Ежи Туровича смог ввести в новую реальность этот важный символ сопротивления тоталитарной власти». Проф. Бялас подчеркнул также, что, как человек диалога, отец Бонецкий стал лицом независимой католической мысли.

Знаменитый роман Ольги Токарчук «Якубовы книги» (премия «Нике» 2015 года) перенесен на театральную сцену. Спектакль о секте Якуба Франка — группе польских евреев, принявших крещение в XVIII веке, — подготовил варшавский театр «Повшехный» (премьера 13 мая). Напомним, что после присуждения «Якубовым книгам» премии «Нике» на Ольгу Токарчук хлынул вал ненавистнической травли в интернете. Особую злобу вызвало ее высказывание: «Мы выдумали историю Польши как страны толерантной, открытой, как страны, которая не запятнала себя ничем дурным по отношению к своим меньшинствам. А мы ведь делали страшные вещи как колонизаторы, как национальное большинство, которое подавляло меньшинства, как рабовладельцы или убийцы евреев».

— Мне думается, что та Речь Посполитая Обоих Народов, которую показывает в своей книге Ольга Токарчук и которую я хочу представить на сцене, — это вовсе не тихая гавань. Это не то место, где другие народы и другие религии могут чувствовать себя свободно, а прежде всего, с достоинством, — подчеркнула перед премьерой режиссер спектакля Эвелина Марциняк.

По мнению Катажины Яновской, до недавнего времени главы канала «Культура» Польского телевидения, «режиссеру удалось передать атмосферу тысячестраничной книги — философского диспута». А вот рецензент «Газеты выборчей» Витольд Мрозек настроен скептически: «О сюжетном богатстве романа Ольги Токарчук напоминает разве что длительность спектакля — четыре часа. Эвелина Марциняк словно бы не сумела решить, инсценировать ли действие книги по порядку: воссоздавать сцены, ситуации, диалоги — или же переработать эти 1,2 тыс. страниц в дайджест, картину, какой-то небанальный концепт. В результате театральная версия превратилась в пересказ краткого содержания с гламурными вставками».

В варшавском Еврейском театре знаменитый творческий дуэт Павла Демирского и Моники Стшемпки подготовил спектакль «Март-68. Хорошая жизнь — это лучшая мечь». На премьеру (14 мая) явился *tout le monde*, но вот оказался ли спектакль удачным, — вопрос спорный.

— Это не историческое и не документальное представление, — утверждали авторы. — Это спектакль о простоте, с которой люди подчиняют себе события таким образом, чтобы они соответствовали их взглядам. Стоит ли извлекать так называемый исторический урок, если история трактуется как молот для борьбы с политическими противниками. Вероятно, поэтому невозможно учиться на ошибках.

Витольд Мрозек из «Газеты wyborчей» написал, что спектакль был задуман как провоцирующий, а получился, скорее, поэтическим и меланхоличным. Ничего этого не увидел в представлении Витольд Садовый (р. 1920). «С помпой разрекламированная пьеса Павла Демирского в постановке Моники Стшемпки, — написал заслуженный актер и театральный публицист, — оказалась обычной неудачей, пустышкой, свидетельствующей о заурядности авторов. На премьеру снова собрались толпы. Особенно много было людей из мира культуры. Актеры, режиссеры, педагоги, директора различных институций, музыканты, журналисты и разного рода знаменитости. В последнее время показываться на премьерах Еврейского театра — это хороший тон. Пьеса Павла Демирского о марте 1968 года, дискриминации евреев и их отъезде в Израиль, часто против их воли, в результате возникшего израильско-арабского конфликта и разразившейся войны могла быть интересной. Но не стала. Вместо ожидаемого успеха получился полный провал. Спектакль скучный, невнятный, затянутый». И чтобы не оставалось никаких сомнений, Садовый завершает: «Пора бы уже проткнуть этот мыльный пузырь и громко сказать правду, что король-то голый».

В ходе 35-го Международного фестиваля церковной музыки «Хайнувка-2016» в Белостоке подлинными триумфаторами стали россияне. В наиболее престижной категории профессиональных хоров победу одержал Российский государственный академический камерный хор из Москвы. Среди епархиальных хоров лучшим оказался хор австралийско-новозеландского прихода из Сиднея. Среди любительских

светских хоров победили поляки (хор Гданьского политехнического института), а в группе детских и молодежных хоров — российский хор «Радость» из Москвы. В категории хоров музыкальных учебных заведений лучшим оказался московский хор Российской академии музыки им. Гнесиных.

В варшавском дворце «Круликарня» в сотрудничестве с Краковским национальным музеем, а также Музеем Родена в Париже подготовлена выставка «Роден/Дуниковский. Женщина в поле зрения». Это первая попытка сопоставления творчества двух выдающихся художников: француза Огюста Родена (1840–1917) и на поколение младшего поляка Ксаверия Дуниковского (1875–1964). Главная тема экспозиции — изображение женщины, основного предмета вдохновения обоих творцов. «Работы распределяются по нескольким сюжетно-тематическим группам: экзистенциальной, эротической, а также официальной скульптуры, — написал Петр Сажинский в «Политике», — Добавлены маленькие изюминки, как, например, изображения обоих творцов, выполненные их учениками и возлюбленными — Камиллой Клодель и Сарой Липской». В Варшаве выставку можно увидеть до 18 сентября, а с 18 сентября до 15 января 2017 года она будет представлена в филиале Краковского национального музея — в Доме Шолайских им. Феликса Ясенского.

На 36-й конкурс важнейших музейных событий года «Сивилла-2015» поступило 264 заявки. Grand Prix был удостоен Силезский музей в Катовице за возведение нового здания на территории бывшей шахты «Катовице».

— Мы пришли к выводу, что это наиболее значительная новация как в архитектурно-декоративном отношении, так и по масштабу воздействия. Благодаря новому зданию музея ожил один из районов Катовице, что важно для города и нужно ему — сказал председатель жюри Петр Кордуба из познанского Университета им. Адама Мицкевича.

«Сивиллу» присуждали в 11 различных категориях. Среди прочих награжден Музей современного искусства в Варшаве за экспозицию «Андрей Врублевский: Recto /Verso. 1948–49 1956–57» и краковский Этнографический музей за выставку «Приемный покой бедных вещей. RE_KOLEKCJE из Кантора». В категории «Реставрация и охрана культурного наследия»

победил Музей «Королевские Лазенки» в Варшаве за консервацию и ремонт Дворца на Острове и окружающей территории.

Юлиуш Махульский будет этим летом снимать детективно-историческую комедию под названием «Вольта». Действие фильма разворачивается в Люблине, поэтому город финансово поддержит производство. В 2017 году, когда фильм должен быть готов, будет отмечаться 700-летие получения Люблином городских прав.

— Люблин будет одним из героев этой истории, — сказал Махульский, выступающий в качестве режиссера, сценариста и продюсера фильма. — Канвой станут приключения некоего исторического лица, перемещающегося из одной эпохи в другую. Мы познакомимся с ним в XIV столетии. Затем увидим его через 200 лет, потом еще через 200. Нам придется показать несколько важных для истории Польши сцен: смерть Казимира Великого, побег Генриха Валуа из Польши, наша конница в день победы под Сомосьеррой и, наконец, гражданская война в Испании с участием нашей бригады им. Ярослава Домбровского». Звучит заманчиво.

Прощания

10 мая в Варшаве в возрасте 90 лет умер Гене Гутовский (псевдоним Витольда Бардаха), польский кинопродюсер, живший в США. Он родился во Львове и пережил Холокост. Известен был, в частности, сотрудничеством с Романом Поланским, принимал участие в создании таких фильмов 60-х годов, как «Отвращение», «Западня», а также «Бал вампиров». Поланский назвал Гутовского одним из важнейших людей в своей жизни. Они возобновили свое сотрудничество в удостоенном «Оскара» фильме «Пианист» (2002) с Эдрианом Броуди в роли пианиста Владислава Шпильмана. Свою бурную жизнь он описал в изданной в 2004 году автобиографии «Гене Гутовский. От Холокоста до Голливуда».

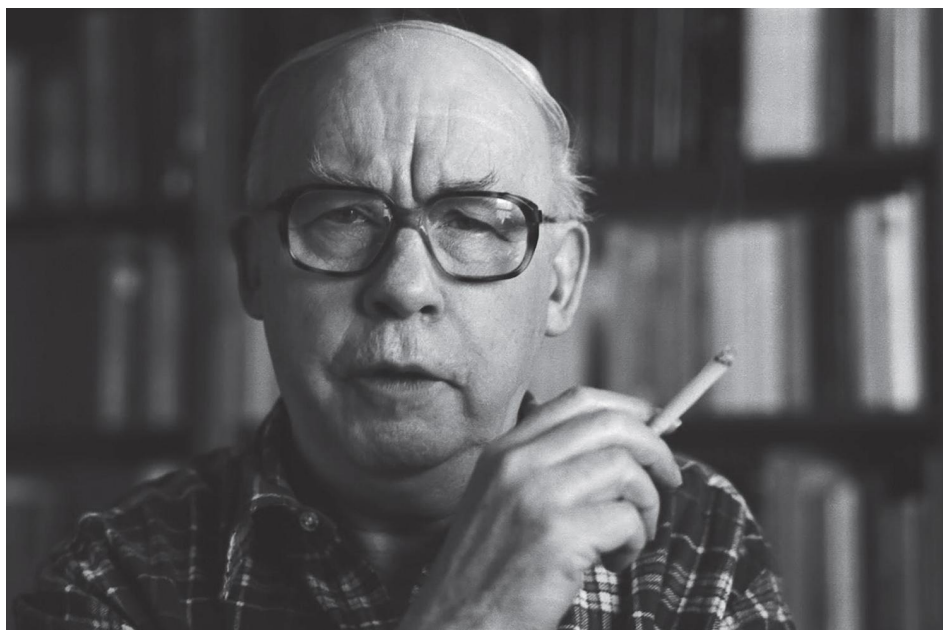
12 мая в Варшаве в возрасте 76 лет умерла Мария Чубашек, писательница, сатирик, автор песенных текстов, сценарист, фельетонист, журналист. На протяжении многих лет она была связана с Третьей программой Польского радио. Написала

множество сатирических текстов, прозвучавших в программах «Иллюстрированный развлекательный еженедельник», «Иллюстрированное хранилище авторов», а также «Повторное развлечение». В последние годы была комментатором в популярной телевизионной программе студии TVN24 «Контактная линза». В 2009 году министр культуры и национального наследия вручил Марии Чубашек золотую медаль за заслуги в области культуры «Gloria Artis».

Павел Гозлинский

Умер Рышард Пшибыльский

Выдающийся эссеист, великий переводчик, историк литературы

Рышард Пшибыльский (Фото: Э. Лемпп)

Рышард Пшибыльский умер во вторник 10 мая в Варшаве в возрасте 88 лет. «Он был виртуозом раскрепощенной мысли», — сказала о нем Мария Янион. Он принадлежал к узкому кругу лидеров нескольких поколений польских интеллектуалов. Оставил нам эссе, которые навсегда вошли в канон польской культуры.

Литература была для него лекарством от отчаяния, знаком надежды и инструментом бунта против банальности и лжи. Его интересы и эрудиция простирались от Нового Завета, учения христианских отцов-пустынников, творчества Шопена, польских классицистов и романтиков — до прозы Ярослава Ивашкевича и поэзии Осипа Мандельштама, которую он гениально переводил.

Однако перечислять его многочисленные книги, даже те, которые принесли ему пять номинаций на литературную премию «Нике» («Зимняя сказка: эссе о старости», «Невзнузданный конь. Эссе о мышлении Юлиуша Словацкого»),

«Кременец», «Громада зла и кроха добра», «Смеющийся Демокрит. Un presque rien»), — значит говорить лишь о малой толике воздействия Пшибыльского на польскую культуру.

Литература была его демоном

Он родился 1 июня 1928 года в Ровно на Подолье. В течение многих лет был профессором в Институте литературных исследований Польской Академии наук. Однако прежде всего он был пустынником. Про него рассказывали, что он специально притворяется больным, чтобы никто даже не попытался втянуть его в более широкий круг общения и текущую литературную жизнь. Он отказывался давать интервью. Тем не менее, как он сам написал в книге «Пустынники и демоны», «никакая пустынь не в состоянии оградить человека от агрессии демонов и драмы искушения, поскольку самый страшный демон заключен в его самости. Его трудно узреть — он распознается во всей своей чудовищности в редкие моменты экстатического озарения».

Местом искушения и экстаза в жизни Пшибыльского была литература. Впрочем, его всегда влекли места, где в творчестве его героев возникали искушения, и ответы его героев на искушения. Так было в случае Мандельштама, демоном которого был Сталин, или в случае Словацкого, который раскрепостил свою мысль, раздвинул границы поэзии, а затем сам спеленал собственное творчество генезийскими догматами.

Запрещенный автор

Сам он никогда не уступал догмам и догматикам. Когда в размышлении о польской литературе и ее влиянии на нашу историю доминировали приверженцы романтизма, Пшибыльский обратился к классицизму, понимаемому им не как эпоха литературного эпигонства, но как способ мышления о мире, поиск упорядоченности и гармонии вопреки хаосу истории.

Иногда за свои взгляды ему приходилось горько платить. В 1970 году он опубликовал эссе «Смерть Ставрогина», где писал, в частности, о «девиации европейской идеи в России» и о том, что национализм и революция, неприемлемые в Европе, для России стали системной патологией мировоззрения. Советское

посольство выступило с протестом, и Пшибыльскому надолго было запрещено печататься.

Он опубликовал также одну из серьезнейших книг о творчестве автора «Бесов» — «Достоевский и „проклятые проблемы”», а эссе о Ставрогине включил в книгу «Дело Ставрогина», которая стала стенограммой его интеллектуального спора (или, скорее, споров, поскольку диалог длился целые десятилетия) с Марией Янион.

Бегство в оазис великолепных текстов

Пшибыльский писал: «Я убегаю, как привыкли бежать люди, измученные вульгарностью современной общественной жизни, в оазис великолепных текстов, оставленных необычайными анахоретами». Однако многие из мыслей, которые он нам оставил, когда писал о проклятых проблемах великих классиков и минувших эпох, по-прежнему болезненно актуальны.

Достаточно раскрыть любую из его книг — и сразу найдется замечательное высказывание, такое, например, как: «Когда христианство становится государственной религией, Церковь превращается в театр. В этом отношении история Польши более чем показательна. Начиная приблизительно с XVII века у нас вместо духовной жизни бесконечное зрелище».

Рышард Пшибыльского вспоминают

Проф. Мария Янион

Рышард Пшибыльский — для меня Рысенько, один из самых давних моих друзей. Мы вместе работали почти 30 лет. В молодости он играл на скрипке, всю жизнь слушал музыку и феноменально в ней разбирался. Он устраивал домашние концерты грамзаписи, переплетаемые с бурными спорами о романтизме, длившиеся часов по 10 и более. Эрудиция и работоспособность в нем сопрягались с прекрасным чувством юмора: придумывал смешные сценки, анекдоты и истории, всегда в несравненном стиле. Оригинальный мыслитель, мастер эссе, виртуоз раскрытой мысли. И еще раз — друг.

Проф. Михал Павел Марковский

Без его великого «Классицизма», монографии «Благодарный гость Бога» о Мандельштаме и перевода его эссе я бы, пожалуй, и не узнал, что такое читать и писать. Он открывал глаза на неожиданное. Благодаря ему, почти 35 лет назад, я понял, что литературная традиция — это не мертвое понятие, а материал, из которого строится собственный дом.

Меня отчасти сердило его непримиримое моральное противостояние современности, но влияние Пшибыльского на меня было несомненным. Давным-давно он написал мне, пригласил к себе. Я направился в Урсынов, один из спальных варшавских районов. И конечно, с дрожью в коленках и в сердце, оттого что вот сейчас встречу с великим анахоретом, одним из святых старцев литературы, как его называл Тадеуш Комендант, и это чувство было подобно тому, которое я испытал, когда ехал на встречу с Ежи Гротовским в 1981 году. В маленькую гостиную вышел показавшийся мне весьма пожилым мужчина в поношенном тренировочном костюмчике, сразу предложил, чтобы мы выпили (вопреки рекомендациям врача) и перешли на «ты», где-то на фоне перемещался его компаньон; мы говорили несколько часов. Нуль интеллектуальной нарочитости, позерства, дистанции, свежих сплетен, много смеха. Именно это я и запомнил — теплоту и отзывчивость.

Я как-то странно себя чувствовал, возвращаясь потом к автобусу. Мир на мгновение изменился в Урсинове. И потом, стоило только открыть одну из книг Рыся, память всегда благодарно возвращала звон рюмок и мягкие интонации его голоса.

Эльжбета Червинская, издательство «Sic!»

В 1981 году я училась на отделении польского языка и литературы Варшавского университета, когда ввели военное положение, я обратилась к известному мне тогда только по его книгам профессору Пшибыльскому с просьбой вести для студентов независимые семинары самообразования. Он как раз издал свой «Классицизм, или Истинный конец Королевства Польского», и наши занятия на Акерманской улице в его легендарной квартире (описанной позже Тадеушем Ружевишем) были посвящены культуре XVIII века. Самая подходящая тема для тех лет, когда гуманистические ценности особенно нуждались в защите.

Я получила от него нечто большее, чем только лишь знания. Как поляк с Волыни, он в молодости оказался свидетелем страшной истории военных времен, но никогда не высказывался на эту тему в духе реванша или мести. Уже из этого понятно, что он был глубоко милосердным человеком. Благодаря его отношениям и личным встречам с Надеждой Мандельштам в Москве и рассказам о дружбе с Анной Ахматовой, я получила представление о реалиях жизни тогдашней России и антисоветском сопротивлении русских людей искусства.

Позже, уже как издатель, я старалась содействовать творчеству Пшибыльского. Все его книги, написанные с конца 90-х годов, вышли в издательстве «Sic!». Недавно я говорила с ним об организации фонда его имени; он отнесся к этому предложению благосклонно, хотя и со свойственной ему самоиронией.

Польский театр как образ ЖИЗНИ

Натэлла Башинджагян — один из самых известных и заслуженных исследователей польского театра, ведущий сотрудник Государственного института искусствознания в Москве, один из главных в мире специалистов по творчеству великого польского театрального реформатора Ежи Гротовского, автор книг «Беседы о театре социалистических стран» (1980), «Гротовский. От Бедного театра к Искусству-проводнику» (2003), «Театр Леона Шиллера. Режиссер и его время» (2005). Именно она открывала российской публике важнейшие имена польской театральной режиссуры. В 2015 году Н.З. Башинджагян завершила монографию «Романтический мир польского театра», в настоящее время работает над книгой о Циприане Норвиде. Специально для «Новой Польши» Натэлла Захаровна рассказывает о том, как она пришла к польскому театру, о том, как работала переводчиком с польскими режиссерами, вспоминает встречи с Ежи Гротовским и делится размышлениями о современном театре Польши.

Филологический факультет, Выспянский и Синявский

Интерес к Польше возник у меня еще в юности. Я училась на филфаке МГУ, во французской группе, но у нас была возможность факультативных занятий литературой также и какой-либо из стран народной демократии (так их тогда называли). Некоторое время я колебалась между Чехией и Польшей, начала даже собирать небольшую библиотечку по Чехии, классиков XIX века, стала учить чешский язык, но параллельно учила и польский. Научившись немного читать по-польски, я открыла книгу Выспянского, попала на «Свадьбу», начала читать, и меня заворожило это произведение, его совершенно волшебный, нигде больше — насколько я знаю зарубежную литературу — не встречающийся, уникальный ритм. Именно ритм, не только поэтическая рифма, а внутренняя пульсация текста. Как говорится, на этом я и погибла. Я забыла о чешской литературе и стала заниматься польской, Выспянским прежде всего.

Кстати, мой интерес к Выспяньскому отчасти подогревала мама. Будучи в 20-е годы студенткой Краснодарского педагогического института, она слушала лекции некоего «профессора Егорова»: он рассказывал о Выспяньском. Это было что-то поразительное. Очень тяжелые, голодные годы, вся страна в разрухе. Егоров спал в институте, поскольку у него не было дома. Ходил он в длинном поношенном пальто, надетом чуть ли не на белье: ему нечего было носить. Полунищий человек. И среди этой ужасающей жизни он сохранял воспоминания о каком-то неведомом студентам польском поэте, которого он прекрасно знал и читал в оригинале! Позднее я спрашивала своих польских знакомых, не встречался ли им такой «профессор Егоров», но ни разу не услышала положительного ответа — следы его затерялись...

На четвертом курсе надо было определяться с темой курсовой и будущей дипломной работы. Хотя я готовилась как филолог, выбрала драму: театр привлекал меня давно. (Моя мама в молодости занималась в драматической студии Завадского, но потом оставила это увлечение.) На четвертом курсе я писала работу по малоизвестной драматургии Тургенева. Для диплома решила продолжить тему русской драмы и взялась за драматические произведения Блока, но то были малоблагоприятные годы — середина 50-х, идеологическое давление еще было сильно, и наш декан сказал, что тема Блока невозможна и вообще «перечеркнута». Я запомнила, он произнес именно это слово, как будто можно перечеркнуть великую поэзию. Я осталась в недоумении и без темы... Тогда меня «подхватил» большой знаток русской литературы, поэзии и драмы перелома веков, да и всего Серебряного века, Андрей Донатович Синявский, и стал руководителем моего диплома. Я до сих пор храню характеристику на полстраницы, которую он написал мне, как это полагалось, от руки.

Синявский много и интересно рассказывал о литературе. Он жил в районе Молчановки, очень стесненно, в маленькой комнатке, но с чердаком (или антресолями?), где держал все свои книги. Тогда у него была совсем другая жизнь — не та, которая сложилась позднее, когда он включился в протестное движение и писал книги под псевдонимом Абрам Терц... Когда я приходила, он забирался на чердак и доставал оттуда массу интереснейших книг, еще дореволюционных. И я уже тогда знала от него о Серебряном веке многое, а ведь эта эпоха стала широко открываться лишь в последние годы. Я очень полюбила

Серебряный век. Именно Синявский посоветовал мне взять темой диплома «Литературные портреты» Горького, которые тот еще до революции написал о Толстом, Чехове, Бунине. И так я сравнительно благополучно окончила университет.

Первая диссертация и первая поездка в Польшу

По окончании университета я получила так называемую свободную рекомендацию в аспирантуру. С одной стороны, это была удача, меня рекомендовал Синявский, меня оставляли в Москве. Но одновременно со мной рекомендации в аспирантуру получили Владимир Лакшин (единственный юноша в моей «девичьей» группе, мы дружили, впоследствии он стал выдающимся знатоком русской литературы) и еще два талантливых филолога. Место было одно, и фактически оно было оставлено за Лакшиным, двое других пошли в Институт мировой литературы, куда взяли их и моего будущего мужа, специалиста по поэзии 20-х гг., в частности по Маяковскому. А я самоустранилась. Правда, сначала сделала неудачную (вернее, совершенно ненужную) попытку поступить в аспирантуру Литературного института. Там, в невзрачных коридорах здания на Тверском бульваре, где у закрытых дверей в томительном ожидании сидели немногочисленные конкуренты, я встретила моего сокурсника Сашу Аскольдова — впоследствии кинорежиссера, автора прекрасного фильма «Комиссар». Помню, что он уже тогда очень хотел учиться — учиться писать любую литературу: прозу, пьесы, сценарии, — глаза у него буквально горели. Мне поставили какую-то хилую четверку, я поняла, что не пройду, и на следующие два экзамена просто не пошла.

В течение года я работала внештатным корреспондентом газеты «Советская культура». Уже не помню точно, что я там делала — какие-то рецензушки, интервью, но единственное, что мне врезалось в память и что впервые сблизило меня с живым театром: интервью с актером Театра Советской Армии Андреем Поповым, который к тому времени уже стал большим артистом. Через несколько лет он прославился в роли Ивана Грозного. Мы с ним долго беседовали, он очень терпеливо, серьезно и подробно отвечал на мои вопросы, хотя я была совсем молоденькая, вчерашняя студенточка. По-моему,

интервью получилось толковым, и его напечатали в «Советской культуре».

При этом я все время помнила о польской драматургии, о поэтической драме Выспянского «Свадьба», загадка которой, тайна, в ней содержащаяся, меня по-прежнему притягивала... Но жизнь отвлекала. Руководителем моей курсовой работы по драматургии Тургенева был профессор Б.В. Михайловский — представитель «старой плеяды» преподавателей Московского университета, автор учебника, настоящий педагог, носивший к тому же очки в золотой оправе... Я на полтора года исчезла из поля зрения МГУ, но ближе к 1959 году Михайловский через кого-то велел мне у него появиться. Я пришла, и он сказал, что на филфаке открывается новое направление по изучению литератур «стран народной демократии», и что он обо мне вспомнил. Такими зигзагами я приближалась от русской филологии к польскому искусству.

Мне предстояли экзамены, и я волновалась: Михайловский предупредил — конкурс огромный, семнадцать человек на место. Но у меня все-таки была хорошая филологическая подготовка, благодаря Синявскому и тому же Михайловскому. Он возглавлял комиссию. И он же спросил меня, какую из литератур я бы хотела выбрать, ведь было из чего выбирать: чешская, болгарская, венгерская, румынская литературы... Я сразу ответила, что меня интересует польская. Он спросил, что или кто именно интересует, и тогда я сказала про Выспянского, что читала «Свадьбу» на польском, и меня поразили ритм этого произведения. Профессору понравился ответ, но когда он попросил уточнить, кто был первым русским переводчиком «Свадьбы», я ошиблась. Тем не менее, мне поставили пятерку, и я прошла.

Так я стала аспиранткой кафедры славянских литератур профессора Е.З. Цыбенко. Елена Захаровна была знатоком истории польской литературы, она учила не ошибаться в фактах, но мировоззренчески была как бы человеком предыдущего поколения. Впоследствии, уже став самостоятельным полонистом, я во многом с ней не соглашалась, думаю, с ней даже нужно было не соглашаться, но основы знаний она заложила. У нее я наконец взяла для диссертации польскую драму, но мне опять не удалось заняться Выспянским, ведь он был в то время все еще не совсем ясен: то ли символист, то ли экспрессионист... Так что мне всучили (или, скажем деликатнее, поручили) реалистов: Габриелю Запольскую, Тадеуша Риттнера, Яна Киселевского. Это было

направление скорее позитивистской, даже натуралистической пьесы, но у нас они проходили как «реалисты».

Аспирантура у меня была четырехгодичная, до 1962 года (предполагалась стажировка в Польше в течение девяти месяцев). На месяц меня отправили от Министерства высшего образования на курсы польской культуры, литературы и языка «Polonicum» при Варшавском университете. Потом я осталась в Варшаве, слушала в университете лекции вместе с польскими студентами и аспирантами, три месяца проучилась в Кракове, в Ягеллонском университете. Прекрасно помню профессора Генрика Маркевича, очень строгого знатока своего предмета. Потом — месяц во Вроцлаве, и мне повезло, потому что как раз в то время во Вроцлавском университете в качестве приглашенного преподавателя читал лекции знаменитый профессор Казимеж Выка. Мне удалось познакомиться тогда и с некоторыми своими ровесниками-театроведами: с Ежи Тимошевичем (с ним и его женой мы дружили почти 55 лет), Ежи Кёнигом. Мое знакомство с польскими режиссерами и актерами началось позже, в следующие приезды.

В Кракове я уже тогда весь центр обошла пешком и прекрасно его знала. Жила я недалеко от Флорианских ворот, напротив монастыря пиаров, в старом отельчике «Французский», который весь был в малиновом плюше (кстати, в нем, согласно легенде, останавливался Ленин). Я посмотрела тогда некоторые витражи Выспянского, немного вдохнула той атмосферы, которой он дышал, ведь он был насквозь краковским художником, несмотря на то, что несколько лет жил во Франции, даже в мастерской Гогена, но все равно вернулся в Краков — и там умер. Это был его город.

Что еще примечательного было в этой первой поездке в Польшу? Она действительно оказалась невероятно важной в моей биографии: я впервые знакомилась с литературой и театром не только по текстам и учебникам, а, что называется, вживую. Мне очень запомнились курсы «Polonicum»: они объединяли и переводчиков, и преподавателей, и издателей, там была разношерстная публика из самых разных стран — не только нашего «лагеря», но также из Франции, Италии, Швейцарии, ФРГ. Короче говоря, это было мое первое знакомство с весьма разнообразной Европой, а не только с Польшей. Если стажировку я проходила одна, то на «Polonicum» меня включили в советскую группу преподавателей польского

языка и литературы: нас было пять-шесть человек, но нам дали — хотя мы и не просили — руководителя. Он был какой-то непонятный, старше нас, за спиной все называли его «лейтенантом»; а я была самая младшая, и меня прозвали «девочка с косичками».

Днем мы ходили на лекции, посещали семинары, а вечерами нам иногда устраивали ужины или мы ходили в театр. Тогда же я в первый и, к сожалению, единственный раз была в Закопане, видела озеро Морске Око — красота невероятная! К тому же, был сентябрь, в Польше стояла золотая осень...

Тяжелое впечатление оставило посещение Аушвица, куда нас повезли всей группой. Тогда это был концлагерь в натуральном виде, он еще не был музеем. Конечно, надпись «Arbeit macht frei» над входом висела, но не было никакого дополнительного «оформления». Не знаю, как это сейчас выглядит, и даже не хотела бы видеть. Меня поразило, что длинные одноэтажные бараки тянутся по плоской равнине до самого горизонта, казалось, до самого неба... Но самое страшное впечатление произвели даже не груды волос и горы детских ботиночек, а барак приговоренных к казни, и там — простой умывальник в коридоре, где они умывались перед смертью. Самая обычная раковина с краником, чуть облупленная, на гвозде полотенце, а потом сразу — дверь во двор и стена, где расстреливали. Это было ужасно. Нам показали и печи, в которых сжигали трупы. Помню, среди нас была очень красивая, эффектная пара молодых итальянцев. Мы вошли в зал, увидели цементный пол и открытые печи с тяжелыми дверцами. Мы молча стояли перед ними, как вдруг в тишине раздался стук — это первым, потеряв сознание, грохнулся на землю итальянец. Следом за ним потеряла сознание итальянка: они не выдержали. Да, тяжелейшее впечатление... И когда сегодня появляются какие-то люди, размахивающие фашистскими флагами, это омерзительно, ведь это было очень страшное — вселенское — преступление, о котором нельзя забывать.

Я вернулась из Польши, дописала диссертацию под названием «Польская реалистическая (натуралистическая) драма конца XIX — начала XX в.», сделала необходимые публикации в

университетском издании, и уже буквально на пороге защиты... мне как-то расхотелось. Я отработала эту тему, покинула ее, она стала мне неинтересной. Зато я узнала, что в Москве есть Институт истории искусств (так он тогда назывался). И пошла туда. В конце коридора была приоткрыта дверь, за которой сидел ученый секретарь института Г.А. Хайченко и, как всегда, улыбался. «Вы к кому?» — спросил он. Я ответила: «К вам». Он поинтересовался моей научной подготовкой, сказал, что институту нужны полонисты, и предложил прийти к ним.

В Институте искусствознания

Организатором сектора искусства стран народной демократии был музыковед И.Ф. Бэлза, отец известного телеведущего Святослава Бэлзы. Игорь Федорович относился к нам по-отечески, знакомил нас с миром искусствоведения. Ядро сектора составляли люди, которые были старше нас, с другой биографией — послевоенной и даже военной. Постепенно стали присоединяться молодые: Лариса Тананаева (по польскому изобразительному искусству), Инесса Свирида (в 1963 она ушла вместе с Бэлзой в Институт славяноведения), через пару лет пришли Ирина Рубанова, Игорь Светлов, Ирина Никольская (все — мои друзья-полонисты). Нас было немного. Бэлза водил нас в польское посольство, прежде всего на музыкальные вечера, ведь он был родственником пианиста Генриха Нейгауза, а через него имел дальние родственные связи с Шопеном! Я даже помню тогдашнего польского посла Тадеуша Гедэ, принадлежавшего к старшему поколению — из тех, кто умел особенно изящно носить трость, перекинув ее через руку.

В общем, бросив законченную диссертацию и совершенно возмущив этим Е.З. Цыбенко, я была принята в Институт истории искусств Академии наук на пороге 1962 года и начала писать про современное польское искусство. Елена Захаровна еще несколько лет пыталась меня вернуть, но это едва ли было возможно. Между тем, заниматься современным искусством оказалось весьма сложно, хотя, имея возможность непосредственно сблизиться с польским театром начала 60-х, я не могла не заметить, что он становился все более и более интересным.

Первые два года в нашем секторе (им тогда уже руководил профессор Б.И. Ростоцкий) были посвящены работе над коллективным трудом «Генезис и развитие социалистического искусства» (именно искусства, а не соцреализма, как иногда

пишут), что, впрочем, было полезно, поскольку, начиная с 1870-х гг., буквально все литераторы какое-то время были социалистами, даже Пшибышевский. Идеи социализма очень привлекательны, и в них нет ничего плохого, кроме того, что они, к сожалению, недостижимы. Мы насочиняли два или три тома, это была серьезная работа.

По завершении этого коллективного труда я уже могла хотя бы частично заявить свою тему. Как раз в 1963-1964 годах начались лучшие времена польского театра, его расцвет, продолжавшийся целое пятнадцатилетие, а может быть, и больше, примерно до конца 1980-х гг. Я ездила в Польшу, смотрела много спектаклей, делала по ним записи, бывала на репетициях у замечательных режиссеров, например, у Кристины Скушанки, Казимежа Деймека.

Еще в начале 60-х Деймек привез на гастроли в Москву очаровательный спектакль «История о славном Воскресении Господнем» по Миколаю Вильковецкому; некоторые сочли его театральным святотатством. Нет, это была постановка пьесы XVII века, сделанная с позиций человека XX века, то есть с легким ироническим прищуром, но без сатирического осмеяния. Там появлялся Христос с проволочным нимбом вокруг головы и ангелы с матерчатыми крылышками, и это было так трогательно. Христа играл Войцех Семён, очень любопытный актер (казалось, он попал на польскую сцену прямо из деревни, при этом он был человек образованный, коллекционер картин и старинного серебра). Внешне он очень подходил к деймековской идее «мужицкого Христа» — коренастого, мускулистого, с растрепанной бороденкой. Спектакль имел оглушительный успех, зрители ломились в театр, о нем восторженно написал театровед Г.Н. Бояджиев в книге «От Софокла до Брехта за 40 театральных вечеров».

С Войцехом Семёном я познакомилась чуть ли не в первый свой приезд в Польшу, во всяком случае, он нашел меня, приехав в Москву, и я приходила в театр до начала спектаклей смотреть подготовку декораций, выполненных превосходным сценографом Анджеем Стопкой в народном стиле, но без «развесистой клюквы», с использованием натурального дерева, соломы, полотна и холстины. А еще Семён устроил мне неожиданный перформанс. После одного из спектаклей он попросил меня не уходить. Зная, что актеры не выходят сразу, я терпеливо ждала на улице, около служебного входа Малого

театра. Публика уже расходилась, но вечер был летний, народу у Большого и Малого театров всегда много. Вдруг открылась служебная дверь, Семён выскочил в костюме и гриме Христа, кажется, даже с нимбом — и бросился к моим ногам. Прохожие обомлели... Это было мое первое знакомство с непредсказуемостью польских актеров. Потом он пришел к нам в гости. У меня была четырехлетняя дочка; я предупредила ее, что придет иностранный актер и будет говорить на непонятном языке, но смущаться не надо. Он пришел с огромным шестом, унизанным невероятным количеством бумажных цветов: в квартиру сначала вошла эта конструкция, следом он сам. Дочка забилась в угол. На мой вопрос, что случилось, она, плача, ответила: «Я не умею по-французски». Войцех очень ее полюбил и всегда присылал смешные подарки.

В институте мне долго не давали писать монографию по современному польскому театру. Вероятно, в этом была какая-то объективная правда: готовить научное исследование о процессах, которые еще не установились, еще бурлят, — вряд ли возможно. Но надо было все-таки начинать! В начале 70-х гг. я, еще не будучи кандидатом наук, написала статью о театре Ежи Гротовского, Конрада Свинарского, Юзефа Шайны и Ежи Гжегожевского. Главный редактор журнала «Театр» (тогда это был Ю.Г. Шуб) сразу сказал, что текст не пройдет, разве что его подпишет и профессор Б.И. Ростоцкий. Я попросила его, он согласился, но все же дописал от себя два абзаца. В итоге статья вышла и в журнале, и позже, в расширенном виде, уже только под моей фамилией в сборнике «Актуальные проблемы социалистического искусства».

Мне важно было ввести эти новые имена польской театральной режиссуры в отечественную науку, что вызывало большое сопротивление со стороны дирекции института. Как-то после командировки в Польшу в начале 70-х гг. мне был поручен доклад о современном польском театре на институтском симпозиуме. Я перечисляла в докладе именно эти имена. Боже, что началось! Заместитель директора, не дослушав меня, буквально побежал в дирекцию и возмущался (как мне потом рассказывал Ростоцкий, которого вызвали «на ковер»): «Что она говорит! Она называет имена художников, которых мы не можем причислить к социалистическому реализму». Естественно, «не можем», это была правда. Но правду долго

скрывать невозможно. Поскольку ко мне тогда относились как ко все еще юной девочке, как-то пронесло.

«Дзяды» Деймека, 1968 год

Когда мы стали институтом Министерства культуры, нас стали посылать в командировки максимум на 12 дней (Министерство высшего образования могло отправить на дольше), но при этом селили в роскошные современные отели — в Варшаве это были «Форум» (сейчас «Новотель»), «Бристоль» или «Европейский». А я всегда просила что-нибудь попроще, потому что готова была жить в аспирантском общежитии, лишь бы поехать на месяц, но к этим просьбам никогда не прислушивались. Когда я приехала в январе 1968 года в Варшаву, то благодаря помощи друзей-театроведов или даже самого Деймека (сегодня уже не помню), прошла на «Дзяды» (а ведь попасть на этот спектакль было практически невозможно). Скандал вокруг него имел свои скрытые пружины, партийная верхушка была раздражена и очень нервно реагировала на спектакль. Я этого не знала, но хорошо помню зал театра... Когда я вошла, то увидела, что первые пять или шесть рядов были насквозь черные — это сидели ксендзы в своих темных облачениях. Зал был полон и, безусловно, сильно наэлектризован. Деймек пишет, что он не ожидал и не хотел такой реакции. Он решил поставить на новой для себя сцене что-то безусловно национальное (заметим, он был рационалист, и ему не нравилось обилие ангелов и дьяволов в «Дзядях», — он пишет об этом сам, я недавно перечитывала его заметки).

Густава-Конрада, главного героя, выйдя на просцениум, читал — именно больше читал, чем играл — Густав Холубек. Он был прекрасным актером, но не могу сказать, что он потряс меня именно в «Дзядях». Произносить свой ударный монолог о погибших в сибирской ссылке он вышел, звеня кандалами, — таково было мое зрительское впечатление. А несколько лет спустя профессор Эдвард Красинский, главный редактор журнала «Паментник театральный», поймал меня на этом: «Вы тоже говорите “звеня”. А ведь кандалы были пластмассовые!». Но режиссеру удалось создать у всех зрителей ощущение звона, брэнчания. («Дзяды», кстати, не были поставлены целиком, поскольку это почти невозможно.) Это был, в моем восприятии, мемориальный спектакль. Но какая же была буча!

Спектакль посчитали антисоветским. Он, наверное, и был антисоветский, ведь там звучала фраза «Вечно к нам насылают

из Москвы то подлецов, то дурней». Но антироссийским он, на мой взгляд, не был. Предлог для протестного выплеска в этом спектакле был, хотя в нем помимо романтических польских повстанцев присутствовали и русские декабристы, а над сценой витал дух лозунга «За вашу и нашу свободу». На тему «Дзядов» написано огромное количество литературы (постановка Деймека была восемнадцатой по счету в истории польского театра), вышел солидный специальный выпуск журнала «Паментник театральный» со всеми документами... Из него можно узнать подробности того, как Деймека в то время исключили из партии, сняли с поста главного режиссера театра «Народовы».

Я вернулась в Москву и пошла сдавать служебный загранпаспорт в Министерство культуры — такой был порядок. Там на меня налетела сотрудница иностранного отдела и раскричалась: «Вы нам прозевали “Дзяды”!» — имея в виду, что я ничего не предвидела заранее и не предупредила их (хотя все «прозевали» они сами). Мы ведь должны были готовить после заграничных поездок отчеты, а я всегда писала там то, что считала нужным: привезти на гастроли таких-то и таких-то. В министерстве мои отчеты принимали, а делали все по-своему. Но тут я возмутилась и сказала, глядя ей в глаза: «Знаете, я не затем изучала польское искусство в Московском государственном университете, чтобы писать доносы на польских режиссеров». Та остолбенела. Я встала и вышла. После этого у меня впервые случился приступ стенокардии, а мне было всего 30 лет с хвостиком! Правда, потом начальник отдела позвонил и извинился.

К истории с «Дзядами» подверсталась еще и общая ситуация в Европе — ведь это был 1968 год: «новые левые», революция с неясными целями... То, что творилось в то время в Европе, в частности в Париже, мы склонны идеализировать. Бунтовщики захватили театр «Одеон», и я читала тогда во французской прессе, что над зданием этого театра, который они сделали своей крепостью, три дня развевались два флага: красный — флаг революции, и черный — флаг анархии. Это было очень сложное время.

«Дзяды» 1968 года были первым явным актом протеста против присутствия коммунистического давления в жизни Польши. Однако то было, по сути своей, движение преимущественно интеллигенции. Интеллигенты, студенты хотели сбросить с себя иго, и «Дзяды» были для этого хорошим поводом, ведь это политическая драма: как ее ни ставь, она оказывается политической. И только постановка Конрада Свинарского спустя пять лет была иной: она была направлена не против «белого царя», а против любых форм угнетения человека властью. Театр даже больше, чем кино, связан со временем: слово, произносимое со сцены, имеет силу проповеди священника с амвона или речи оратора на площади, так что зрители иногда способны спутать театр с реальностью.

Если мы вспомним, рабочие не очень поддержали протесты интеллигенции и студенчества в 1968 году в Варшаве. На обратном пути я ехала в поезде с какой-то польской крестьянкой, которая везла в корзине живого гуся. Она и не слышала, что Варшава бурлит. Ее интересовало, какие там цены, какая погода. Уже тогда я заметила, что в Польше, в принципе, существует достаточно большая дистанция между интеллигенцией и так называемым простонародьем, в отличие от России, с ее традициями «хождения в народ». И вообще, у нас отделяться от народа как-то негоже. В Польше, напротив, сохраняется, к примеру, дистанция между профессором и студентом: это уходит корнями в отношения «образованного» и «необразованного», или «еще не образованного». Сейчас эта дистанция, возможно, размывается, но я застала в Кракове в 60-е годы еще довоенных профессоров, которые прогуливались по Плантам со своими таксами... Это были люди из совершенно особого теста, всеобщая нивелировка началась позднее.

Вторая диссертация

Свою вторую диссертацию по театроведению я писала в 70-е гг., но мне снова не удалось писать о тех режиссерах, о которых я пыталась как-то оповестить нашу публику, — тогда это было все еще невозможно. Пришлось выбрать тему историческую. Сначала я мыслила ее как «Польский авангардный театр 1920-30-х годов», но слово «авангардный» вызывало у нашей дирекции непреодолимые приступы аллергии, и я взяла революционный театр, хотя и не любила его. Но творчество

Бруно Ясенского и Витольда Вандурского было довольно ярким явлением (они работали недолго, оба были репрессированы). Чтобы удержаться на плаву, этот польский театр 1920-х — начала 1930-х гг. называл себя еще и «рабочим». Кстати, когда я занялась им, то поняла: рабочие не любят смотреть в театре ничего о своей рабочей жизни. Рабочий хочет видеть красивую сказку, а всякие «сталевары» — это для интеллигенции.

Вандурский организовал в Харькове в конце 1920-х гг. свою студию, которую назвал Польским рабочим революционным театром. На Украине было много поляков, особенно до 1918 года (но и после многие остались). Вандурский поставил собственную драму «Смерть на груше», ставил и другие пьесы (например, «Галицийскую жакерию» Ясенского). У него были свои зрители — в основном, конечно, поляки. Была и своя эстетика. Больше всего меня интересовало то, что они пытались вынести действие за пределы театральной коробки на природу, мечтали ставить спектакли в Татрах, чтобы склоны гор были естественным амфитеатром, причем планировали привлекать обычных людей, прежде отторгнутых от искусства. Идея, может быть, и не совсем новая — они были близки к русским философам-жизнестроителям и по-своему, с пролетарской точки зрения, трактовали идеи искусства как образа жизни и жизни как формы искусства. Я до сих пор считаю, что театр иногда должен выходить — в природу, к ее живым, плавным, текучим формам — как и архитектура (хотя это и очень трудно). Добавлю, что «революционный» и «рабочий», социально ориентированный театр Вандурского просуществовал недолго: вскоре его самого обвинили в национализме и так же, как и Ясенского, ликвидировали.

Ежи Гротовский — режиссер, философ и друг

Экспериментом я интересовалась не столько как инструментом достижения какой-то цели в искусстве, сколько самой той целью, какую ставит себе режиссер. Поэтому меня так интересовали четыре главные фигуры польского театра 1960-80-х гг.: Юзеф Шайна, Конрад Свинарский, Ежи Гротовский и Ежи Гжегожевский. Гротовский, между прочим, не любил слово «эксперимент» и никогда его не употреблял. Он говорил: «Я ищу, я работаю, я надеюсь найти».

Гротовский считал, что эволюция человека не завершена, и те ужасы и страдания, через которые мы все сейчас идем, — некие звенья этой эволюции. В искусстве глубоко заложена надежда на преобразование человека к лучшему, к свету. Гротовский

верил, что человек — через актера — может преобразиться путем исповедальности, самораскрытия, сбрасывания с себя панциря вооруженности. Тем самым он продолжил мысль о том, что в нас есть ветхий человек, который должен постепенно отмирать, уступая место другому человеку — лучшему, просветленному, обращенному к свету. Но как это сделать? У религии свои пути, у изобразительного искусства — свои, у музыки — тоже свои, она особенно возвышает. Гротовский хотел добиться того же эффекта от театра, при помощи актерского искусства, ведь человек все время «в доспехах», это ему мешает, надо его разоружить. Гротовский понимал, что разоружиться полностью нельзя, ведь человек внутри «мягкий», его тут же затопчут, он легко уничтожим. Поэтому нужно делать это постепенно. Один идет навстречу Другому (об этом писали и Мартин Бубер, и польский философ Юзеф Тишнер, и экзистенциалисты). Увидь, услышь, почувствуй Другого — ведь ты же видишь только самого себя! Гротовский считал, что все это осуществимо через актера, потому что нет другой такой профессии, как актерская, где человек готов добровольно отдать себя в многолетний творческий эксперимент.

Почему Гротовскому не удался так называемый паратеатр, когда он решил опыт своих спектаклей расширить и перенести на сотни «людей со стороны»? Тогда он перестал ставить спектакли и начал просто звать к себе людей. К нему шла в основном молодежь, толпами, со всего мира — в начале 1970-х гг. Вроцлав стал театральной Меккой. В театре Гротовского каждый находил стакан молока, яблоко и кусок хлеба. Потом участники паратеатра уходили в поля, переходили ручьи и овраги, зарывались в стога сена... Наверное, эти дни они проживали действительно другими, но потом все возвращались к своей жизни и — опять «вооружались». Кто-то из них написал: «Мы становились лучше». Дай Бог. Но, в целом, Гротовский понял, что с сотнями людей недостижимо то, что он делал в спектаклях с несколькими своими актерами, добиваясь от них совершенно необъяснимого «лучеизлучения» и свечения. Тогда он вернулся к лабораторной работе с актерами, на этот раз в итальянском городке Понтедера.

Мы познакомились с Гротовским благодаря его соратнику, критику Людвигу Фляшену. Его я уже знала по театральному сообществу, он как-то рассказал, что во Вроцлаве есть интересный театр. Правда, я уже слышала о нем: немного

раньше я видела Гротовского на каком-то симпозиуме, где он делал доклад (в молодости он часто участвовал в конференциях, хотя и не любил этого). Я как заграничный гость сидела в первом ряду и обратила внимание, что он смотрел на меня очень внимательно. (Кстати, тогда, до своей поездки в Индию, он выглядел совсем иначе: полный, круглолицый, в темных очках.) Позднее я поняла: он искал единомышленников. Возможно, он узнал у кого-то, что я из Москвы, и это его заинтересовало, ведь он год учился в Москве у Ю.А. Завадского. А может быть, ему нужен был переводчик? Он был весьма практичный человек, несмотря на то, что его (как и Конрада Свинарского) можно назвать последним польским романтиком.

Людвик Фляшен привел меня на спектакль «Акрополь» по Выспяньскому. Весь театр состоял из одной комнаты, окрашенной в черный цвет (сейчас там одна стена кирпичная); ровный пол, никакой сцены, скамейки вдоль стен. (Кстати, ведь именно Гротовский доказал, что театр возможен в подвальных помещениях, на чердачках, что все может быть театром.) Зрителей было пять-шесть человек, и столько же актеров. В те годы на спектаклях Гротовского зрителей бывало меньше, чем актеров. Это потом к Гротовскому стали «ломиться», а ведь он считал, что театр возникает и воздействует на расстоянии вытянутой руки, не далее.

«Акрополь» поразил меня. Когда Гротовский привез спектакль об узниках Аушвица на фестиваль Театра Наций в Париж, европейская публика была потрясена: люди или не знали, или уже забыли о страшных событиях, происходивших неполных 20 лет назад. Гротовский показал заключенных концлагеря, которые стараются не погибнуть (хотя один из них бросается на колючую проволоку и погибает), стараются сохранить свою человечность. Ведь чем страшны войны? Они поражают нашу сущность, самый «корень», приводят к нравственному вырождению.

В том спектакле все было необычно. Посередине сцены — груда земли. Актеры ходили в бутах на толстых свинцовых подошвах (настоящих!), причем ходили «на носках». В какой-то момент узники переставали понимать, где они — они пытались быть счастливыми, они думали, что тряпичная кукла, сшитая ими, — это Христос, они несли ее, вздымая высоко над собой, и что-то пели. Они уже потеряли

человеческий облик, но в то же время у них были просветленные лица — в этом весь Гротовский. Каждый персонаж у него амбивалентен: они просветленные или искаженные? Они уже недолюди или уже сверхлюди? Может быть — и так, и так. Они превращены в недолюдей, но концлагерю не удалось убить в них веру в Спасителя. Они сохранили свое человеческое... Но сохранили ли? Каждый персонаж и спектакль в целом порождают массу вопросов, заставляя зрителя напряженно думать. В финале все проваливаются в некий ящик (в «печь»?), и он захлопывается. Эти люди ушли в небытие навсегда или остались в нашей памяти? Мы ищем ответы на вопросы, но вопросы остаются...

Мы познакомились с Гротовским после «Акрополя». Не могу сказать, что мы были закадычными друзьями, но я очень ценила его редкие письма и его интерес к нашей общей работе. Среди критиков он достаточно близко дружил с Яном Коттом, с Юзефом Келерой из Вроцлава, со Збигневом Осинским. Гротовскому, как любому художнику, не нравилось, когда критики делили его творчество на этапы. «Мне кажется, — говорил он, — я всю жизнь занимался одним и тем же делом». Были некоторые забавные детали: например, они с Фляшеном, еще до безумной мировой славы Театра-Лаборатории во Вроцлаве, садились на спектаклях у выходных дверей так, что выйти было нельзя. «Ты пришел? — Сиди до конца». Впрочем, может быть, это апокриф. К тому же, спектакли в Театре-Лаборатории длились не больше часа.

Гротовский никогда не приглашал меня на репетиции, но всегда спрашивал мое мнение об увиденном спектакле. Он вообще не пускал на репетиции ни критиков, ни тем более театроведов — только актеров или режиссеров, т.е. тех, кому это действительно было практически нужно.

Гротовский был очень требователен в работе над текстами. Особенно его заботил перевод статьи «Искусство как проводник», он даже звал меня в Понтедери приехать на несколько дней, чтобы поработать вместе, но я — увы! — не успела. Это действительно трудный текст. Искусство поднимает человека, но может и опустить, причем очень низко, вплоть до адской бездны, до Inferno. Гротовский проводил здесь параллель с системой архаичных подъемников, вроде колодезного журавля, он вообще любил архаичные

формы человеческой деятельности, а не — как многие думают — авангардные.

Для конференций и бесед у него всегда существовали «фирменные» четыре часа. Люди приходили, окружали его, садились на пол, на подоконники и слушали. Если ему задавали вопрос, на который он не очень хотел отвечать (не практического, а полуфилософского свойства, о жизни, например), он говорил: «Простите, я не философ, я практик». А если вопрос был по практике, на который он тоже почему-либо не хотел отвечать, то он говорил: «Вы знаете, я, скорее, теоретик». Бывали случаи, что он вообще не отвечал на какой-то вопрос, делая вид, что не слышит. Но были вещи, о которых он любил размышлять, над которыми глубоко задумывался, например, о том, что он сам называл «ложно понятым счастьем». И действительно, разве это не существенная проблема?

В 1971 году я повезла во Вроцлав, к Гротовскому, группу из нашего института (человек 15–18). Мне хотелось, чтобы люди своими глазами увидели чудо его спектаклей. Господи, чего стоило организовать эту поездку! К счастью, мне помогала Е.М. Ходунова из Союза театральных деятелей. Сколько мы обменивались телеграммами, чтобы попасть на «Apocalypsis cum figuris», ведь надо было встроиться в расписание Театра-Лаборатории! Но когда мы договорились, Гротовский выполнил все обещания. Он прислал за нами автобус с двумя водителями, и они, сменяясь, всю ночь везли нас во Вроцлав. Гротовский был очень заинтересован в нашем приезде, очень хотел показать спектакль в Москве, но это, к сожалению, оказалось невозможно: инертность культурной политики была велика.

Сначала «методом Гротовского» интересовались все поголовно, но потом поняли, что это не набор внешних приемов, а тем более — не рецепт. Если ты внутренне этим путем не идешь, все бесполезно, — хоть ты кричи, пиши или шепчи. Вершин Гротовского и его актеров без постоянной, длительной, жертвенной личной работы не достичь. Систему Гротовского (если признать, что таковая существует) нет смысла перенимать или «развивать»: она уникальна. К тому же,

современный театр выбрал, как мне кажется, другой путь — путь «богатого театра», театра-шоу, а работать над внутренним миром актера-человека мало кому хочется. Легче перенимать внешние «примочки».

Конрад Свинарский и другие режиссеры. Работа переводчиком

Приезжая в Польшу, я смотрела спектакли Тадеуша Кантора, Анджея Вайды, Юзефа Шайны. Шайна был, в первую очередь, художником, поэтому у него была особенно интересна визуальная сторона. Его как раз можно назвать экспериментатором. Он любил расчленять «плоть» спектакля, как ребенок игрушку, и, преобразуя, «вертеть» ею. Кантор был поражен идеей смерти, он в живом актере и человеке как бы прозревал мертвеца... Это был, конечно, в высшей степени суггестивный художник.

Довольно близко я подружилась со своеобразной режиссерской парой — Кристиной Скушанкой и Ежи Красовским. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. они были на виду: создали действительно новый театр «Нова-Гута» в Кракове. Скушанка, пожалуй, была эстеткой, а Красовский придерживался социальной направленности, сурового, аскетичного стиля.

Театр Конрада Свинарского — совершенно особенное явление. Традиционный, как театр Стрелера или Товстоногова, он открывал такие истины о жизни, которые, по мнению многих, были недоступны экспериментальному театру. У Свинарского не было никакой лаборатории, он просто делал поразительные спектакли, причем всегда брал к постановке только великую драматургию, никогда ничего к ней не «достраивая», а только вычитывая из нее неожиданные выводы.

Я работала как переводчик с Красовским в Москве. Он ставил в Театре им. Ермоловой «Месть» Фредро. Спектакль получался хороший, но я ушла с половины, когда из Америки прилетел Конрад Свинарский: мне были интереснее его репетиции. Красовский устроил скандал, что Свинарский переманил у него переводчицу, но это была неправда, я ушла сама. Кстати, сначала нашла очень хорошую замену — дочь драматурга

К. Тренева, тоже закончившую филфак МГУ с польским языком.

Свинарский ставил в Театре на Малой Бронной «Морехода» Ежи Шанявского. Это был странный спектакль. Дело в том, что польский режиссер хотел поставить написанную в 1833 году «Небожественную комедию» Зигмунта Красинского — третьего, после Мицкевича и Словацкого, великого драматурга-романтика, у нас, к сожалению, почти неизвестного.

Красинский был потомственным титулованным аристократом и революционеров не выносил. Тут, кстати, мы с Е.З. Цыбенко спорили: она считала, что польская версия «Бесов» Достоевского — это «Дети сатаны» Станислава Пшибышевского, а я думаю, что именно Красинский в «Небожественной комедии» почти на 40 лет предвосхитил роман Достоевского, показав революционеров, пляшущих вокруг виселицы наподобие бесов. Наблюдая революционные бурления в Европе и будучи верующим католиком, он убедился, что революция — дело антибожеское, ведь революции нет без крови. Польское искусство, в частности романтизм, глубоко задумывалось об этом. Впоследствии не раз такие режиссеры, как, например, Вайда или Кантор, задавались вопросом: «Кто несет смерть? Война? А кто несет войну? Разве не здравомыслящие отцы и их осатаневшие дети?» Был у Кантора класс живой — стал класс мертвый...

Разумеется, Свинарскому не дали ставить в Москве «Небожественную комедию», и он снова улетел в Америку (в Санта-Фе — он тогда много работал за границей). В Министерстве культуры переполошились, ведь уже были запланированы приезды Окопинского, Красовского... Предложение Свинарского ставить «Фантазия» Словацкого в Ленинграде тоже повисло в воздухе. Наконец, сошлись на «Мореходе» — пьесе Шанявского, по которой режиссер когда-то делал дипломный спектакль. Свинарский вернулся в Москву, и Анатолий Эфрос отдал ему своих лучших актеров. Мы отработали 56 репетиций.

Ежи Шанявский — более современный драматург, чем романтики, но это какая-то трудноуловимая материя, в нем есть что-то чеховское... На нашей сцене он никогда раньше не ставился. Эрвин Аксер, с которым я дружила, хотя он был много старше, в это же время поставил «Два театра» Шанявского в Ленинграде, и, на мой взгляд, получилось неплохо.

Но актеры Театра на Малой Бронной не могли понять, чего Свинарский от них хотел: казалось, пьеса почти бытовая, но все

как бы в полуфантастическом состоянии, немного в духе «Визита старой дамы» Дюрренматта. В ней тоже все происходит в несуществующем городе «несуществующего» государства: какой-то человек почему-то уплыл и стал «мореходом», потом приплыл, горожане делают из него кумира, хотят поставить ему памятник... Почему? За что?

Свинарский вел репетиции живо, энергично; Анатолий Эфрос приходил на генеральную репетицию и даже прослезился. Но я видела, что Свинарский мучился, а под конец он мне прямо признался: «У меня в жизни не было такой неудачи». Главную роль играл замечательный актер Николай Волков. Он тоже не понимал режиссера, пока тот не подошел и не сказал ему что-то на ухо; не знаю, что это было, какое-то короткое слово, но после этого Волков сыграл, как нужно. Не все режиссеры показывают, как надо играть, это понятно: они доверяют таланту и интуиции актера. Но польские актеры рассказывали мне, что Свинарский иногда показывал им, как надо играть сцену, но делал это дважды — сначала так, как надо, а потом еще раз, то же самое, но в карикатурном виде, как гримасу. И тогда им все становилось понятно.

На премьере «Морехода» зал был набит битком. Свинарский улетел на следующий же день и исчез, хотя и обещал писать. Зрители поначалу ходили на спектакль активно, но потом их становилось все меньше. А актеры постепенно стали играть то, что было привычнее: отчасти мелодраму, отчасти фарс с музыкой (на сцене был живой оркестр), а это совершенно чуждо как природе Шанявского, так и режиссуре Свинарского. Видимо, актеры Эфроса, выдающегося режиссера, были безупречны только в его собственных руках...

Интересен был финал спектакля, когда на сцену входила сила — персонаж, фактически загримированный под Сталина: низкий лоб, седая щетка волос, усы. В самом конце он с размаху давал в челюсть герою, — и тот буквально валился на землю — еще бы, сила пришла! Посреди сцены оставался пустой пьедестал памятника, предназначенного непонятно кому... Финал был жестким. Свинарского пригласили в дирекцию, прося изменить его — безрезультатно. Вызывали и меня с просьбами воздействовать на режиссера, а я пыталась объяснить, что есть вещи невозможные. Конечно, Свинарский и не подумал ничего менять, он просто как можно скорее улетел после премьеры.

В 1961 году я познакомилась с Тадеушем Ломницким на спектакле «Карьера Артуро Уи» по Брехту — он играл «гастрольно» на сцене БДТ в Ленинграде. Впоследствии мы много лет дружили, и я старалась не пропускать фильмы и спектакли с его участием. Это был великий польский актер.

1975 год сблизил меня с Ломницким общей болью: 19 августа в авиакатастрофе трагически погиб Конрад Свинарский. Я хорошо помню лето 1975 года — это был варшавский сезон Театра Наций, и мне удалось посмотреть тогда в польской столице великие спектакли: «Il Campiello» Стрелера, «Двенадцатую ночь» Бергмана, «Принца Гомбургского» Петера Штайна, театр Арианы Мнушкиной и многое другое.

Конрад Свинарский в это время вел репетиции «Клопа» Маяковского в театре «Народовы» с Тадеушем Ломницким в главной роли. И я помню, как Конрад просил Ломницкого отпустить его на три дня в Иран, в Шираз, для будущего показа «Дзядов», и как Тадеуш фактически накануне премьеры горячо этому противился. Но в те дни режиссер все же настоял на своем — к несчастью, настоял.

О новом польском театре

Польский театр 1960–1970-х гг. был великим театром. Таланты режиссеров соперничали с уникальностью актеров. Разве можно забыть актера Рышарда Чесляка в «Стойком принце» Гротовского, или Ежи Трелю в краковских «Дзядях» Свинарского, или Яна Новицкого и Войцеха Пшоняка — тоже в краковских «Бесах» Вайды? Следующее поколение — сегодняшних 50-летних (и старше!) — попало под пресс диктата «кассы» и диктата «моды» — трудно сказать, какой диктат губительнее для искусства. А более молодые?.. Что сказать о них?

С 1999 года я езжу в Торунь на Международный театральный фестиваль «Контакт» и во Вроцлав — на «Диалог». Там мне удастся посмотреть много зарубежных спектаклей и немало польских. Может быть, наиболее интересный из современных режиссеров — Ян Клята: я видела несколько его спектаклей, в том числе мою любимую пьесу «Дело Дантона» Станиславы Пшибышевской (которую я перевела на русский язык еще в 1969 году, но опубликовать смогла только в 2015 году). Безусловно, профессиональны Кшиштоф Варликовский и Гжегож Яжина, однако они, что называется, «на любителя». Последняя постановка Варликовского по Прусту «Французы»

режиссерски, можно сказать, безупречна, хотя мне лично немного претят демонстративность некоторых визуальных приемов, их педалирование и навязывание зрителю.

В старшем поколении, конечно, наиболее интересен Кристиан Люпа. Правда, например, спектакль о Мэрилин Монро, который он привозил пару лет назад в Москву, был сделан чисто, но актриса — увы! — не Мэрилин. Зато мне повезло: я видела «Зал ожидания», сделанный во Франции, о случайно собравшемся в подземном переходе малом сообществе, где отражается все — и любовь, и ненависть, и дружба, и предательство. Очень интересная постановка! А последняя из виденных мною его работ «Выцинанка» (не знаю, как лучше перевести) — это прекрасный спектакль. Кстати, Люпа ставил в Петербурге «Чайку», которая получилась достаточно мрачной. Его новый спектакль тоже мрачный. В нем есть потрясающие сцены, разыгранные во тьме, но дело не только во внешнем эффекте, для меня это — Inferno, Судный день; это атмосфера Страшного суда над героиней и героем: оба грешны, каждый виноват в чем-то своем, но их внезапно, вспышкой, озаряет осознание вины... И все это в глубоком мраке. Люпа — крупный, умелый, мастерский режиссер, и я очень высоко ценю его со времен «Канта» и «Заратустры». Иногда его спектакли кажутся медленными, тягучими, но глаз при этом, как говорится, не отвести!

Есть режиссеры «модные». Такова, к примеру, Майя Клечевская. Она психолог по образованию, и почему-то считается, что это дает ей какие-то преимущества. Один из ее последних спектаклей (мы, гости фестиваля «Контакт», специально поехали смотреть его в Быдгощ) разыгран в психиатрической больнице и к концу стал просто невыносим: на сцену были вылиты, смешиваясь, ведра красной и синей краски, символизирующей кровь, — в этой синюшной жиже ползают все актеры... Вопрос — зачем? На кого это может воздействовать? Прием не только примитивный, но и неуважительный по отношению к зрителю. Ничего, кроме чувства неловкости за режиссера и «оскомины», такие спектакли не вызывают.

Но бывают и радостные события. Совсем недавно, в ноябре прошлого года, я видела в варшавском театре «Повшехный» хороший спектакль — «Рычи, Китай!» Сергея Третьякова в постановке Павла Лысака. Шла на него в сомнениях, но оказалось, что старая пьеса конца 1920-х гг. смотрится очень актуально, и угнетенные китайские кули как-то вполне на месте... Мы ведь все немного «угнетенные», только, вероятно,

не чувствуем этого. Кто бы мог подумать, что Сергей Третьяков так свежо прозвучит в 2015 году на польской сцене!..

Записал Денис Вирен

Свобода-song

Антология современной русской поэзии «Радио Свобода» — это сборник великолепной лирики, авторы которой не замыкаются на проблемах собственного внутреннего мира, но чутко реагируют на общественно-политические реалии, будучи неразрывно связанными при этом с отечественной литературной традицией.

Переводчик антологии Збигнев Дмитроца, снабдивший книгу вступлением и послесловием, пишет: «Уже само название сборника подсказывает, что это не совсем типичная антология. Как известно, «Радио Свобода» — это радиостанция, уже много лет защищающая демократические ценности. И сегодня ее деятельность не менее актуальна, чем во времена Советского Союза. Вот почему в этой книге так много гражданской лирики».

Демократический подход отразился и на распределении символических «построчных гонораров» — подборки десяти поэтов, представителей разных поколений (хотя с явным перевесом авторов, родившихся в 70-е годы прошлого века), примерно одинаковы по объему. А выбор конкретных текстов стал своего рода компромиссом между российским Институтом книги, самими авторами и переводчиком с его личными предпочтениями. Получилось замечательно.

Роль этой книги представляется тем более важной, что в Польше очень мало изданий, популяризирующих современную русскую поэзию. К примеру, прекрасная авторская антология Ежи Чеха «Взобрался я на пьедестал» («Чарне», 2013) состоит исключительно из произведений авторов самиздата. А вот современная, новейшая поэзия, «разнообразно и смело откликающаяся на происходящее сегодня в путинской России», как пишет во вступлении Дмитроца, до сих пор не звучала в Польше настолько мощно и убедительно.

В основу структуры антологии положен поколенческий принцип — книгу открывают стихи Вячеслава Куприянова (р. 1939), а завершают стихи Льва Обороина (р. 1987). Однако, если бы не биографические справки об авторах, читатель напрасно искал бы характерные приметы того или иного поколения в самих текстах. Иногда просвечивающая сквозь лирические наблюдения и грамматические обороты

современность на поверку оказывается парафразой (и контаминацией) известных текстов начала XX века — как, например, в «Поэтических видеоклипах» Вячеслава Куприянова:

Ветер ветер белый снег
блок слушает музыку революции
в желтой кофте красный как марсельеза
из сугроба появляется красивый
стодвадцатидвухлетний маяковский
(...)
На ногах не стоит человек
барков поет
дело в шляпе

Иногда история с большой буквы (всеобщая) и история с маленькой (частная, семейная) переплетаются между собой, требуя, однако, отдельного толкования, как в стихотворении «Первая бабка» Елены Фанайловой:

Первая — потому что мамина.
(...)
Она была моей богиней. Я не могу её критиковать.
Хотя есть за что. Сейчас она была бы за Крым.
Как в своё время за Сталина.
Её можно понять.
Дочка украинского батрака.

Есть в книге и тексты публицистического характера, непосредственно связанные с текущими политическими событиями. Стоит назвать здесь, к примеру, стихотворение Андрея Родионова «Девочки пели в масках», вдохновленное знаменитым выступлением «Pussy Riot» в московском храме Христа Спасителя в 2012 году, или замечательный текст Игоря Белова «На независимость Украины», написанный сразу после российской оккупации Крыма и вызвавший довольно бурную реакцию в соцсетях.

Что же из себя представляет современная русская поэзия? Выбор Дмитроцы обращает на себя особое внимание разнообразием форм, поэтик, тем и стилистик, без какого-либо

доминирования верлибра или рифмованного стиха, который по-прежнему ассоциируется у западного читателя с русской поэзией. Общим знаменателем текстов, представленных в антологии «Радио Свобода», можно назвать европейский универсализм, способность к критическому осмыслению традиций и современности, не отменяющему умения грамотно пользоваться их наследием. Немногочисленные стихотворения, проходящие по ведомству любовной лирики (к примеру, «Прости, Максим» Игоря Померанцева или «В шесть часов вечера после войны» Игоря Белова), можно без натяжки назвать поэтическими шедеврами, абсолютно при этом самодостаточными.

Насколько подбор этих текстов репрезентативен, отражает ли он господствующие в современной русской литературе тенденции? Я бы ответила на этот вопрос утвердительно. Не только потому, что данная антология демонстрирует разнообразие современной русской поэзии, но и потому, что под ее обложкой собраны стихи поэтов, пишущих как в России, так и за ее пределами. Можно, конечно, спорить относительно обложки книги или комментариев, в которых отражены не все культурные контексты (как в случае со стихотворением Фанайловой, где появляется фраза «Полковнику никто не пишет», отсылающая не только к названию повести Маркеса, но и к песне из культового кинофильма «Брат-2»), однако при таком высоком уровне интертекстуальности уважения заслуживает уже сам факт работы переводчика с огромным количеством аллюзий, указывающих пути возможных интерпретаций. Вдумчивый, восприимчивый читатель плюс хорошие стихи в хорошем переводе — вот так и становится понятна русская песня протеста, протеста против стереотипов и диктатуры любого толка. Песня Свободы.

*Zbigniew Dmitroca, «Radio Swoboda. Współczesna poezja rosyjska».
Biuro Literackie. Wrocław 2015.*

«Нове ксєнжки», 2016, №3.

Владимир Маяковский. «Быть своим» и «быть чужим»

В своем, сегодня уже классическом, эссе «Ахматова и Маяковский» («Дом искусств», № 1, 1921) Корней Чуковский провел параллель между двумя выдающимися и в тот момент еще молодыми поэтами как между противоположными друг другу и взаимодополняющими моделями функционирования современной русской лирики.

Поэзию Ахматовой исследователь характеризовал как спокойный, сдержанный, но при этом выразительный голос культурного, уютного, традиционно устроенного русского дома, творчество же Маяковского — как дерзкий, насмешливый, зычный голос или, скорее, крик взбунтовавшейся улицы.

Не оспаривая такого представления, а признавая, прежде всего, значительным и полезным для приближения к поэтической реальности тех лет само противопоставление друг другу авторов «Четок» и «Флейты-позвочника», сегодня можно предложить несколько иной вариант прочтения принятой дихотомии — и не только потому, что ход событий поставил под сомнение особенно второй ее член: Маяковского как голос улицы, которым он, конечно, хотел быть, но в роли которого не был «улицей» утвержден.

Общее противопоставление, к которому стремится Чуковский, складывается из целого ряда отдельных конфронтаций; одна из них касается привязанности Ахматовой к родной земле и отсутствия «чувства родины» у Маяковского, что поэт демонстрирует, обращаясь к России на второй год мировой войны с брутальной декларацией: «я не твой, снеговая уродина», а три года спустя конкретизируя сознание не только собственное, но и якобы «всех пролетариев» в словах: «Мы никаких не наций. Труд наша родина!».

Стихотворение, из которого взята первая цитата, в расширенной версии приводит в своей мемуарной прозе Валентин Катаев («Трава забвения», «Новый мир» №3, 1967). И сегодня стоит обратиться к этому произведению 1916 года, озаглавленному «России». Вот его начало:

Вот иду я,
заморский страус,
в перьях строф, размеров и рифм.
Спрятать голову, глупый, стараюсь,
в оперенье звенящее врыв.

Я не твой, снеговая уродина.
Глубже в перья, душа, уложись!
И иная окажется родина,
вижу —
выжжена южная жизнь.

Поэт-страус путешествует от оазиса к оазису, окруженный
человеческим непониманием и страхом, пока не добирается до
дышащего отчаянием финала:

Ржут этажия.
Улицы пьются.
Обдают водой холода́.
Весь истыканный в дымы и в пальцы,
переваливаю годá.
Что ж, бери меня хваткой мёрзкой!
Бритвой ветра перья обрей.
Пусть исчезну,
чужой и заморский,
под неистовства всех декаблей.

Катаев почти дословно трактует географически-
климатический сюжет приведенного стихотворения:
Маяковский, как известно, родился в Грузии, он южанин,
тоскует по южному солнцу, не в состоянии
акклиматизироваться на просторах русских снегов и холодов.

Не отвергая возможности также и этого частного мотива для
поэта воспользоваться образом заморского страуса в чуждых и
причиняющих ему боль декорациях северного города, стоит все
же отметить, что эта экзотическая птица, пряча душу «в
перьях строф», «в звенящем оперении» и т.д., наверное,
лицетворяет нечто большее, чем неприятности переезда из
Кутаиси в Москву, и что прорывающийся в последних строчках
стихотворения отчаянный вызов («пусть исчезну, чужой и

заморский») относится, скорее, к общему «чужой», нежели к частному «заморский». Слово «чужой», видимо, представляет собой главный ключ к этому — и не только к этому — стихотворению.

Страус Маяковского — это гипостасис личности, которая без всякого облачения проходит сквозь строй недоброжелательных зевак в произведении другой поэтессы, связанной с футуризмом, Елены Гуро — «Город»:

Так встречайте каждого поэта глумлением!
Ударьте его бичом!
Чтобы он принял песнь свою как жертвоприношение,
В царстве вашей власти шел с окровавленным лицом!

Мука быть чужим, отвергнутым, обреченным на осмеяние и в конечном счете на уничтожение становится здесь атрибутом «каждого поэта», а согласие с подобной судьбой — причиной для особенной гордости.

Вспомним еще одну участницу драматической борьбы русской поэзии XX века с неотвратимой участью человека и творца — Марину Цветаеву. В 1924 году, в эмиграции в Праге, в 12 главе «Поэмы конца» она заявит:

Жизнь — это место, где жить нельзя:
Ев-рейский квартал...

И поэтому положение поэта:

Гетто избранничеств! Вал и ров.
По-щады не жди!
В сём христианнейшем из миров
Поэты — жидаы!

И еще одно имя для этого самоощущения в прозе поэтессы («Мой Пушкин», 1937): «Первое, что я узнала о Пушкине, это — что его убили... Пушкин был негр... русский поэт — негр, поэт —

негр, и поэта — убили. (Боже, как сбылось! Какой поэт из бывших и сущих не негр, и какого поэта — не убили?)».

То есть, всё это воплощения одного и того же состояния: заморский страус, еврей, негр, «каждый поэт» с окровавленным лицом.

Насколько же отлично от Цветаевой смотрит на Пушкина (а нужно помнить, что для русских именно он олицетворяет «каждого поэта») Анна Ахматова, утверждая в своем «Слове о Пушкине», что пора «громко сказать не о том, что они сделали с ним, а о том, что он сделал с ними». Это звучит, как прямая полемика с Цветаевой, а возможно, действительно ею является (текст «Слова», опубликованный в ежемесячнике «Звезда», № 2 за 1962 год, вероятно, появился намного раньше). Поэтесса приводит слова умирающего Пушкина: «Il faut que j'arrange ma maison (Мне надо привести в порядок мой дом)» и продолжает:

«Через два дня его дом стал святыней для всей его Родины, и более полной, более лучезарной победы свет не видел. Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской. (...) Он победил и время и пространство».

Для Ахматовой более существенным, чем стигмат отчуждения, который она, даже вопреки собственному опыту, не хочет принимать к сведению, является то, что, пусть и посмертно, поэт смыл его с себя и навязал соотечественникам свое имя в качестве обозначения их истории, культуры, порядка, управляющего их жизнью. В ее глазах драма отчужденности не облагораживает героя, а слово «чужой», «чуждый» имеет совершенно иную коннотацию, нежели у молодого Маяковского: ему сопутствует упрек и, конечно, сочувствие, но не без оттенка презрения, чувство морального превосходства того, кто не поддался искушению исключения из сообщества, над тем, кто согласился быть вытолкнутым за его пределы.

Одно из стихотворений 1917 года, адресованное тому, кого нет рядом, начинается с резкого обвинения:

Ты — отступник: за остров зеленый
Отдал, отдал родную страну,
Наши песни, и наши иконы,
И над озером тихим сосну.

В том же году, в более известном произведении, говорится о голосе, призывавшем:

Оставь свой край глухой и грешный.
Оставь Россию навсегда —

на что звучит ответ:

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Пять лет спустя, когда эмиграция стала уже реально осуществившейся судьбой множества русских интеллигентов, включая многочисленных писателей, а среди них и хороших знакомых Ахматовой, поэтесса напишет еще одно программное стихотворение на подобную тему, в котором, гордясь, не только от собственного имени, но и от имени некой общности, которую она называет «мы», тем, что, оставшись «здесь», приняла на себя все удары, связанные с таким решением, скажет о скитальцах и изгнанниках:

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

И, по прошествии не лет уже, а десятилетий, поэтесса на склоне жизни с тем же упорством и гордостью допишет к циклу «Реквием» эпиграф из одной строфы:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Итак, возвращаясь к предложению Чуковского поместить Ахматову и Маяковского на двух полюсах русской лирики двадцатого века, можно рассмотреть их противоположность в следующих категориях: Ахматова — это, и в молодости, и позже, «бытие здесь» (вместе с сочувственным, но все же отдалением от тех, кто не здесь), укоренение в общей с другими ситуации, согласие с собой как здешней, коренной, своей, необратимо определяемой через принадлежность к нации, к этому моменту национальной экзистенции; молодой Маяковский — это духовное неприсутствие «здесь», отвращение к «здесь», отрицание «здесь», видение самого себя нездешним, чужим, беглецом от невыносимой реальности в область бунтарской утопии.

По-видимому, и в более общем плане, среди различных биполярных систематизаций лирического творчества (например, поэты природы и поэты культуры), не лишена смысла и эта: поэты, укорененные среди своих, и поэты, терзаемые чувством неукорененности, чуждости.

Конечно, нередко автор бывает носителем обоих этих элементов, но по разным причинам преобладает один либо другой, приводя к тому, что, скажем, Ахматовой **чуждо быть чужим**, для нее неприемлемо допустить какую-либо свою чуждость по отношению к соотечественникам, современникам, согражданам, товарищам по несчастью, а Маяковский, напротив — **по-свойски, как дома, чувствует себя лишь в ситуации отчужденности**, взаимного отторжения его неприязненной толпой и отвращения к толпе у него самого.

Для объекта его ранней лирики типична роль то ли митингового крикуна, то ли проповедника, разоблачающего и хлещущего словом с трибуны, с амвона тех, что его окружают и ему враждебны, и которых он, со своей стороны, презирает, которые «ничего не понимают» (название стихотворения, 1913), толпу, охарактеризованную им как «стоглавая вошь» («Нате!», 1913).

Во многих произведениях появляется, с одной стороны, сильно акцентированное местоимение «я», например:

Я одинок, как последний глаз

у идущего к слепым человека!
«Несколько слов обо мне самом», 1913

— с другой же, целые серии гневных «вы», «вам», «вас»,
«ваше»:

Все вы на бабочку поэтиного сердца
взгромоздитесь грязные, в калошах и без калош.
«Name!»

Вам ли понять,
 почему я,
 спокойный,
 насмешек грозою
 душу на блюде несу
 к обеду идущих лет.
«Владимир Маяковский. Трагедия», 1913

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
«Вам!», 1915

Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут.
«Облако в штанах», 1915

В стилистике всех этих диатриб^[1] кажется очевидной доля футуристической позы, но приписывать всю силу извергаемых поэтом инвектив исключительно позерству было бы столь же опрометчивым, как усматривать в них отвращение лишь к филистеру, мещанину, буржую (хотя, как позднейшая критика, так и сам автор охотно ухватится именно за такую «классовую» интерпретацию). Ей, однако, противоречит хотя бы стихотворение «Никчемное самоутешение» (1916), в котором объектом поэтической агрессии неожиданно становятся... извозчики:

С улиц,
с бесконечных козел
тупое
лицо их,
открытое лишь мордобою и ругани.

Заставляет задуматься предсказание, адресованное
подростающим пока будущим наследникам этой профессии:

Скоро
в жиденьком кулачонке зажмете кнутовище,
матерной руганью потрясая город.

в мире, где господствует торжествующее хамство
«извозчиков»:

День еще —
и один останусь
я —
медлительный и вдумчивый пешеход.

А вот поразительное наблюдение в стихотворении того же
периода под названием «Надоело»:

Когда все расселятся в раю и в аду,
земля итогами подведена будет —
помните:
в 1916 году
из Петрограда исчезли красивые люди.

Одиночество поэта в толпе, таким образом, явление не только,
назовем это так, социологическое, но прямо-таки
антропологическое, это крайне негативная этически-
эстетическая реакция на всевозможные безобразия

человеческого рода. Неудивительно, что окруженный этими уродливыми во многих отношениях людьми поэт превращается в страуса, собаку («Вот так я сделался собакой», 1915), через несколько лет в белого медведя и быка («Про это», 1915)...

Но одновременно с влезанием в шкуру первобытной, животной невинности поэт испытывает и иначе, более духовно, мотивированное отчуждение по отношению к толпе: оно — знак и следствие жертвенности пророка и более чем пророка: самого Иисуса Христа. Образ креста, распятия, Голгофы появляется, начиная с самых ранних стихов:

Это душа моя
ключьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни!
«Несколько слов обо мне самом»

Я вижу — в тебе на кресте из смеха
распят замученный крик.
«Владимир Маяковский. Трагедия»

Это взвело на Голгофы аудиторий
Петрограда, Москвы, Одессы, Киева,
и не было ни одного,
который
не кричал бы:
«Распни,
распни его!»
«Облако в штанах»

Видишь — опять
Голгофнику оплёванному
предпочитают Варавву?
«Облако в штанах»

Симптомом резкой метаморфозы лирического героя поэзии Маяковского после революций 1917 года — февральской и октябрьской — станет не столько исключение религиозных отсылок, так как оно, собственно, никогда не будет окончательным, сколько вытеснение местоимений «вы», «ваш» триумфальными «мы», «наш»:

Мы разливом второго потопа
перемоем миров города.
(«Наш марш», 1918)

Улицы — наши кисти.
Площади — наши палитры.
(«Приказ по армии искусства», 1918)

Мы смерть зовем рожденья во имя.
(«Той стороне», 1918)

Мы равные.
Товарищи в рабочей массе
(«Поэт рабочий», 1918)

Мы,
разносчики новой веры,
красоте задающей железный тон.
(«Мы идем», 1919)

Мы идем!
Штурмуем двери рая.
Мы идем.
Пробили дверь другим.
Выше, наше знамя!
(«III Интернационал», 1920)

В этой смене местоимений можно усмотреть попросту трезвую оценку ситуации, в которой демонстративная чуждость становится более чем неудобной, будучи весьма подозрительной и опасной: ведь она в любую минуту может быть разоблачена как заслуживающая наказания чуждость идеологическая, чуждость классовая. Но в случае Маяковского это, в крайнем случае, глубоко скрытый и не до конца осознанный подтекст искреннейшего стремления увидеть, наконец, вокруг себя изменившийся мир и пережить его внутренне. Выстраиваемые при помощи этих многочисленных местоимений формулировки, к сожалению, не блестящи в поэтическом смысле, зато они настойчивы, акцентированы, как будто поэт хотел убедить самого себя, что теперь он действительно принадлежит к какому-то «мы» и вместе с ним владеет чем-то «нашим», а значит, с его болезненным одиночеством и отчужденностью покончено. Жаждающий этой перемены и благодарный за нее, поэт подавляет свойственный ему до сих пор импульс к бунту и бегству и декларирует

подчинение, служение революционному «мы» или же тому, что он стремится считать этим «мы».

До конца жизни он будет стараться исполнить это обязательство, но искреннее желание не спасет его от рецидивов безнадежного ощущения, что он чужой, непризнанный, не на своем месте. В сущности, всему его творчеству с этого времени будет сопутствовать, будет его определять напряжение между навязанным себе «мы», «наше», «вместе» и возвращающимся «я сам», отдельно, пришелец, изгой. С максимумом доброй воли поэт будет раз за разом объяснять себе всё то, что его оскорбляет и разочаровывает, непреодоленным до конца «мещанством», его заразностью, затрагивающей пролетария, у которого нет прививки против бацилл «старого». В неоконченной поэме «Четвертый Интернационал» (1922) у него, однако, внезапно вырвется такое видение собственной судьбы:

Бегу.
Растет
За мной

эмигрантом
людей и мест изгонявших черта —

А вслед за этим достаточно абстрактная, впрочем, попытка утешиться обещанием «революции другой, третьей революции духа».

В поэме «Про это» (1923) рефлекс бегства реализуется в сюжете, но героя, определяющего себя как «всей нынчесть изгой», настигает организованная облава, и вопреки просьбам:

Я вам не мешаю.
К чему оскорбленья!
Я только стих,
я только душа —
расстреливает его:
со всех винтовок,
со всех батарей,
с каждого маузера и браунинга
с сотни шагов,

с десяти,
с двух,
в упор —
за зарядом заряд.

В результате этой жестокой расправы

Лишь на Кремле
поэтовы клочья
сияли по ветру красным флажком...

И все же — несмотря на этот красноречивый сигнал об утраченных иллюзиях — Маяковский и в последующие годы не отказывается от проявления своей верности коммунистическому, советскому «мы» и от надежды, что найдет в нем убежище от пронзительного ощущения одиночества, безвыходности, отчуждения. Во имя этого он будет вновь и вновь проделывать поэтическую самоампутацию, которую в предсмертной поэме «Во весь голос» (1930) подтвердит словами знаменитого признания:

Но я
себя
смирят,
становясь
на горло
собственной песне.

В поэме «Хорошо» (1927), в которой заглавному слову-лозунгу придается значение, столь далекое от давнего «хорошо, когда в желтую кофту душа от осмотров укутана», некоторые признания, говорящие о внутреннем единстве с реальностью советской России, звучат аутентично, и в них неожиданно просматривается своеобразное родство с патриотическими стихами Анны Ахматовой. Речь идет о фрагментах, которые как бы подводили итог реалистически-лирическим главам поэмы, представляя собой вывод из рассказанных не без темперамента и юмора переживаний в голодавшей и замерзавшей Москве первых лет после революции, например:

Лишь лежа
в такую вот гололедь,
зубами
 вместе
проляскав —
поймешь:
 нельзя
на людей жалеть
ни одеяло,
ни ласку.
Землю,
где воздух,
 как сладкий морс,
бросишь
и мчишь, колеса, —
но землю,
с которою
 вместе мёрз,
вовек
 разлюбить нельзя.

Легко заметить, что мотивация ощущения общности, солидарности с другими, привязанности к своей стране не имеет здесь ничего общего с какой-либо идеологической ортодоксией и с идеологией вообще. Автор, который пошел на службу к последней, сам должен был чувствовать сомнительную с точки зрения доктринальных норм достоверность подтверждающего это жеста. Восьмая глава поэмы, мощно чеканящая «коллективистические» местоимения (пятикратно повторенное «мы» и восьмикратно «наше»), несмотря на то, что и в ней встречается упоминание о реально замерзающей стране, уже является лишь нарисованным резкими штрихами плакатом, хотя ее скандирующему ритму нельзя отказать в выразительности:

Мы будем работать,
 все стерпя,
чтоб жизнь,
 колёса дней торопя,
бежала
в железном марше
в наших вагонах,
 по нашим степям,
в города

промёрзшие
наши.

Наконец, в последней главе «Хорошо!», явно задуманной как восторженный апогей единения поэта с созданным в советской России укладом жизни, для разнообразия «мой», «моя», «мое», приписываемые предполагаемому участнику всевозможных элементов радостной действительности, повторяются пятнадцать раз. Некоторые строфы этой главы производят впечатление стишков для детей, либо просто сознательной самопародии:

Розовые лица.
Револьвер
 жёлт.
Моя
 милиция
меня
бережёт.
Жезлом
 правит,
чтоб вправо
 шёл.
Пойду
 направо.
Очень
хорошо.

Пошлостью этих куплетов, кажется, окончательно разряжается и уничтожается направляющее многие годы лирику Маяковского напряжение между драматическим ощущением чуждости «тринадцатого апостола» среди толпы, стремящейся побить его камнями, и порывом к братскому содружеству трудящихся, которым предстоит построить новый прекрасный мир.

Двумя годами раньше, возвращаясь из Америки, Маяковский написал ностальгическое стихотворение «Домой!» (1925) с необычным развитием лирического сюжета: после изображения ситуации, в которой пароксизм ненового, впрочем, ощущения чуждости в мире, обусловленный на этот

раз одиночеством пассажира — русского поэта — на иностранном судне и, вообще, в реальности чужих нравов и принципов существования, происходит объяснение иной, нежели у пролетариев, мотивировки для присоединения к коммунистической утопии:

...Я ж
с небес поэзии
бросаюсь в коммунизм,
потому что
нет мне
без него любви.

То есть, коммунизм для поэта — вид бегства из мира черствых сердец, платной любви и социального распада. Однако же, как следует из фантазий автора в последующих строфах на тему места, которое ему хотелось бы занять в новой цивилизации, создаваемой по плану в России мудрой, требовательной, справедливой Партией, он уже осознает, что ему довольно трудно рассчитывать на достойную оценку и принятие во внимание его ожиданий со стороны законодателей системы, так что весь ход мыслей и мечтаний заканчивается очередным (сколько их уже было, начиная с «пусть исчезну, чужой и заморский») жестом примирения со своей отверженностью или даже физическим уничтожением:

Я хочу быть понят моей страной,
А не буду понят —
что ж?
По родной стране
пройду стороной,
как проходит
косой дождь.

С такой концовкой «Домой!» было двукратно опубликовано при жизни Маяковского; в третий раз последняя строфа, то ли вследствие авторитарного нажима, то ли по собственной инициативе автора, была убрана. Позже он еще высмеял ее за «романсовую чувствительность» и похвалился: «я эти

красивые, подмоченные дождем перышки вырвал» («Новый ЛЕФ», № 6, 1928).

Такая унификация отношения поэта к свойственным ему «неправильным» колебаниям и страданиям, увы, явно звучала вынужденной и фальшивой нотой.

Был ли это как раз момент, когда он решительно «наступил на горло собственной песне» во имя иллюзорного согласия с не спешившим разделить его тоску и внутренние метания «атакующим классом»? Если да, то дальнейший путь должен был привести туда, куда он привел: к расправе над самим собой, более жестокой, нежели учиненная толпой, придуманной им в «Про это».

В последовательности и упорстве, с которым он подрезал и заглушал свой талант, свою сущность ради принятой догмы, можно усмотреть какой-то необыкновенный героизм, вызывающий не только восхищение, но и сожаление, и ужас, и ощущение бесплодности формировавшейся так биографии художника. Однако трудно судить, не было ли это единственно возможной реализацией драмы прищельца, отщепенца, «заморского страуса» среди северных ветров и морозов.

Трагическая судьба Анны Ахматовой, несмотря ни на что, представляла собой более удачный вариант экзистенции русского поэта в XX веке.

Текст из сборника «Włodzimierz Majakowski i jego czasy», под ред. Веславы Ольбрых и Ежи Шокальского, ПАН, Институт славянской филологии, Варшава 1995.

-
1. Диатриба — жанр античной литературы, для которого характерны моральная тема, обличительный пафос, сочетание серьёзности и насмешки, личные обращения к читателю-адресату, возражения самому себе и ответы на эти возражения — Прим. пер.

Нет догмата о непогрешимости президента

С президентом Польши Анджеем Дудой беседовали Анджей Гайцы и Михал Шулджинский

Фото: East News

«Конфликт вокруг Конституционного суда начался в Сейме с действий прежней правящей коалиции. Это политическая проблема, чтобы с ней справиться, необходимо политическое решение. Важно, чтобы другие институты не углубляли этот конфликт», — говорит президент Республики Польша.

— Если бы на стол президенту лег закон, полностью запрещающий аборт, вы бы его подписали?

— Начнем с того, что в данный момент Сейм не работает над каким-либо законопроектом по этому вопросу. Так что разгоревшаяся эмоциональная дискуссия преждевременна. Если бы, однако, такая работа началась по инициативе депутатов или если бы в Сейм был направлен гражданский проект, то, я надеюсь, будет найдено решение, которое получит широкую общественную поддержку. Это вопрос ответственности парламентариев. Как Анджей Дуда, я всегда

говорил, что выступаю в защиту жизни. А здесь вопрос касается жизней двух человек: матери и ее не родившегося ребенка. Однако при этом я должен помнить, что я — президент Республики, я должен прислушиваться к разным мнениям, учитывать разные взгляды. Поэтому необходим разумный и взвешенный подход. Если в Сейм поступит законопроект, я надеюсь, что вопрос будет решен с учетом мнений специалистов, после глубоких раздумий и широкого общественного обсуждения.

— *Однако гражданский проект кажется радикальным.*

— Сейм, возможно, будет рассматривать гражданский проект, но депутаты имеют право вносить в него поправки. Безусловно, об этом будут дискутировать в Сейме.

— *А если бы вам предложили подписать закон в нынешней форме, то есть ввести в стране полный запрет аборт, такой закон вы бы подписали?*

— Законы поступают на подпись президенту в окончательном виде, после завершения парламентской работы.

— *Надо ли нарушать сложившийся компромисс по вопросу абортов?*

— Иногда случаются драматические ситуации. Вот недавно в одной из варшавских больниц ребенок после аборта был еще жив, но ему позволили умереть. Это показывает, что законодательство несовершенно. Каждый, наверное, понимает, что такие случаи никогда не должны иметь места.

— *Рейтинговое агентство Moody's выступило с предупреждением, что если Польша не преодолеет конституционный кризис, то наш рейтинг будет понижен. Это сигнал для «Права и справедливости»?*

— Я думаю, что мы на верном пути к решению этой проблемы. В Сейме, то есть там, где проблема возникла, прошла встреча, которая показывает добрую волю как со стороны парламентского большинства, так и со стороны оппозиции — во всяком случае, ее части. Это хороший знак. Я верю, что будет достигнут какой-то компромисс. А компромисс означает, что каждый немного уступает. Виден серьезный подход к вопросу, есть документ в виде мнения Венецианской комиссии, которую пригласило польское правительство. Комиссия представила оценку ситуации. Группа экспертов проанализирует оценку Венецианской комиссии с точки зрения польской правовой системы.

— *А какой возможный компромисс вы видите?*

— Если вопрос сложный (а здесь вопрос очень сложный), то редко бывает, чтобы компромисс достигался сразу. Всё в руках Сейма.

— *Турбьёрн Ягланд и Франс Тимерманс, которые побывали в Польше, предупреждают об опасности двоевластия.*

Правительство не будет признавать решения Конституционного суда, а Суд будет продолжать работу. Пострадают граждане.

— Я ожидаю, что оппоненты одумаются. И вижу, что, по крайней мере в политической области, этот процесс начался, потому что стороны все-таки приступили к переговорам. Но должна быть рефлексия и со стороны Кон-ституционного суда — по крайней мере, со стороны его председателя.

— То есть вы говорите как «Право и справедливость»: во всем виноват пред-седатель Анджей Жеплинский?

— Я не считаю, что во всем был виноват председатель Жеплинский. Напомню только, что весь конфликт вокруг Конституционного суда начался в сейме с действий прежней правящей коалиции. Прежде всего, с действий «Гражданской платформы», депутаты от которой в последний момент внесли знаменитую уже, противоречащую конституции поправку к закону. Многие ее расценили как попытку «захватить» Конституционный суд. Так что проблема началась с политики, а значит, чтобы с нею справиться, необходимы политические решения. Важно также, чтобы другие институты не мешали, не осуществляли действий, углубляющих этот конфликт.

— Но ведь такие действия осуществлялись также со стороны правящего лагеря. Венецианская комиссия и многие авторитетные юристы полагают, что так называемый исправляющий закон, который вы подписали, привел к параличу Конституционного суда.

— Я так не считаю. Суд не только мог, но должен был применить этот закон. Сейм предпринял определенные действия. Он создал процедуру для Конституционного суда, что, кстати, предусматривается конституцией, где говорится о Конституционном суде, действующем «на основании закона». Суд мог действовать на основании этого закона, но не захотел.

— Многие юристы утверждают, что не мог, в силу отсутствия *vacatio legis*. Например, Первый председатель Верховного суда [2-жа Герсдорф] считает, что Конституционный суд имел право этот закон к себе не применять.

— Парламентское большинство приняло решение, что закон вступает в силу со дня его публикации. В прошлом такие случаи часто имели место. Конституционный суд тогда по-разному подходил к отсутствию *vacatio legis*. Очень часто судьи КС, принимая во внимание ситуацию, говорили, что такого типа действие не находится в противоречии с конституцией. В свою очередь, нарушением конституции, несомненно, является утверждение, что на кого-то этот закон не распространяется.

— Вам не кажется, что «исправляющий» закон еще более заострил и осложнил конфликт?

— По этому вопросу могут быть разные оценки. Этот шаг, по моему убеждению, давал надежду на улучшение работы Конституционного суда. Я не вижу никакой проблемы в том,

чтобы Суд рассматривал дела в соответствии с очередностью их поступления. Многие дела — это обычные жалобы граждан, и такие дела, бывает, ждут рассмотрения по три года. А если вопрос касается непосредственно Конституционного суда, то у нас дело рассматривается в три недели. Надо на это взглянуть глазами рядового гражданина.

— Суд рассматривает свои дела в первоочередном порядке, поскольку они касаются государственного строя. Без рассмотрения вначале этих вопросов Суд не мог бы далее принимать решения.

— Думаю, что мог бы.

— Тиммерманс, Ягланд и другие зарубежные политики, а также оппозиция полагают, что непременно условием компромисса является обнародование решения Конституционного суда от 9 марта.

— Все, о ком мы сейчас говорим, — это политики. Давайте вспомним, что юристы в Польше, в том числе специалисты в области конституционного права, имеют по этому вопросу разные мнения. Есть те, кто утверждает, что все в порядке, и те, кто считает иначе. Конституционный суд также подчиняется конституции, а в ней мы найдем указание, что в его состав входит 15 судей.

— Венецианская комиссия считает, однако, что г-жа премьер-министр должна решение от 9 марта обнародовать.

— Я разделяю сомнения, которые в этой ситуации испытывают юристы и эксперты г-жи премьер-министра. Решение в ее руках. Мне трудно не согласиться с замечаниями, которые она высказала.

— Какой именно закон дает право г-же премьер-министру отказать в обнародовании постановления Конституционного суда?

— Постановление выносится Судом, но, чтобы оно было «постановлением», решение должен принимать установленный кворум. Если кворума нет, то это просто группа юристов или судей. А в данном случае КС заседал в составе 12 судей, что не соответствует конституции.

— Но в заключении Венецианской комиссии сказано, что легитимно избранными судьями являются избранные «Гражданской платформой» те трое судей, чьей присяги вы не приняли, и Комиссия предлагает вам принять у них присягу.

— У Сейма было другое мнение. Он избрал пять судей Конституционного суда, указав, что ранее принятые решения не влекут правовых последствий. Новые судьи были приведены к присяге, и теперь у нас 15 судей Конституционного суда. Как и предписывает конституция. И если сегодня, без решения Сейма, привести к присяге еще трех судей, то мы бы имели дело с очевидным нарушением основного закона. Так что все те, кто

обращается ко мне с такого рода предложениями, попросту призывают меня: «Господин Президент, нарушьте конституцию, пусть в Конституционном суде будет 18 судей». Господа, надо же думать...

— Решения, отменяющие прежний выбор, — это прецедент. Сейм имел на это право?

— Сейм по вопросу избрания судей Конституционного суда принимает решение автономно. Прошу помнить, что положение, на основе которого были избраны прежние судьи, отклонил сам Конституционный суд.

— Многие бывшие судьи КС стоят на стороне Суда. Из решений юридических факультетов, даже факультета, который вы окончили, следует, что у них такое же мнение, как у КС.

— Есть много вопросов, по которым юристы имеют разные мнения.

— А для вас не сигнал, что даже ваша Alma Mater критикует вашу позицию по вопросу Конституционного суда?

— Мне очень жаль, что юридический факультет и администрация Ягеллонского университета, который должен соблюдать политический нейтралитет, позволяют себе открыто критиковать главу государства. С другой стороны, хочу напомнить, что упомянутое решение не было единогласным. Некоторые представители совета факультета протестовали против принятия такого решения.

— Вы полагаете, что это политизированная критика, без рациональных аргументов?

— Многие выступающие в СМИ юристы не хотят вспоминать, с чего все это началось. Они не видели проблемы, когда «Платформа», имеющая девять из 15 судей, проводит еще пять, чтобы у них стало 14.

— Они не критиковали действий «Гражданской платформы», и это, по-вашему, лишает их морального и объективного права направлять критику в ваш адрес?

— В каком-то смысле это показывает их политическую ангажированность. Если кто-то сначала закрывает глаза на нарушение конституции одной партией, а затем неожиданно взрывается, когда другая партия пытается исправить положение, это о чем-то свидетельствует.

— А вас не встревожило, что даже Барак Обама расспрашивал вас о конфликте вокруг Конституционного суда?

— Президент Обама, прежде всего, поблагодарил меня за участие в саммите по ядерной безопасности. Поблагодарил также за то, что Польша выполняет свои обязательства в данной области. Я, в свою очередь, приветствовал эту его инициативу. Результатом ее было, в частности, соглашение с Ираном. Президент Обама, конечно же, интересовался положением дел вокруг Конституционного суда. Я его

проинформировал, что состоялась встреча по вопросу поиска компромисса и что, похоже, есть надежда на разрешение конфликта.

— *Сколько продолжался ваш разговор?*

— Эти спекуляции вокруг времени беседы просто смехотворны. Президент Обама разговаривал со мной несколько минут, с глазу на глаз.

— *А что вы слышали по вопросу безопасности восточного фланга НАТО и саммита в Варшаве?*

— Я сказал, что рассчитываю на конструктивный характер будущего саммита. Президент Обама ответил, что тоже в этом заинтересован.

— *Почему американцы так интересуются нашим конфликтом вокруг Конституционного суда?*

— Значительная часть информации, которая поступает за границу, в том числе от некоторых польских политиков, представляет ситуацию в Польше не вполне достоверно.

— *А вам не показалось, что президент США черпает сведения о Польше из со-общений масс-медиа?*

— Он получает информацию, разумеется, из разных источников, в том числе и из высказываний польских политиков. Следует помнить, что за океаном сейчас разворачивается очень спорное дело, касающееся замещения одного из постов в Верховном суде США, то есть аналоге, до некоторой степени, нашего Конституционного суда.

— *То есть американцы интересуются нашим конфликтом, потому что у них свой — вокруг Верховного суда? Вы видите здесь симметрию?*

— Это значит, что такого рода спорные дела для демократий не являются чем-то из ряда вон выходящим. Разве кто-то говорит, что в США нарушаются демократические стандарты?

— *Но Верховный суд США не оказался заблокированным.*

— По моему убеждению, Конституционный суд в Польше тоже не заблокирован. Хотя, конечно, есть конфликт вокруг КС — и было бы хорошо, чтобы спор разрешился.

— *А каковы шансы, что американцы разместят танковую бригаду в Польше? Решение об укреплении восточного фланга они огласили во время вашего визита в США.*

— Это была очень хорошая новость. Я воспринял ее с большим удовлетворением, потому что с начала моего президентства, еще только как избранный президент, вел очень интенсивную деятельность, направленную на усиление безопасности Польши. Я считаю, что это решение укрепляет нашу безопасность. И это очень меня радует. Среди стран, где могла бы разместиться танковая бригада, в расчет принимается также Польша. Конечно, решения, касающиеся деталей размещения, еще предстоит принять. Хочу напомнить, что это

решение Соединенных Штатов и что это их бригада. Безусловно, будут проводиться консультации с другими странами — членами НАТО, но решение остается за Вашингтоном. Обратите внимание на большой прогресс, которого мы достигли: в первый раз после падения железного занавеса происходит значительная передислокация крупных частей армии Соединенных Штатов в направлении восточной границы НАТО. Это большой шаг вперед.

— *Во время предвыборной кампании вы говорили о «постоянных базах», сегодня о них вы уже не упоминаете.*

— Потому что я прагматик. Я хочу достичь цели, которой является укрепление безопасности Польши как члена НАТО. Альянс должен показать, что это живой союз, что он реагирует на актуальные угрозы. Меня интересует фактическое присутствие, а будут ли это постоянные части или перманентная ротация частей, которые будут здесь присутствовать non stop, — это уже не так важно. Может быть, ротация даже и лучше, потому что большее число солдат альянса будет тренироваться и совершенствовать свои оборонные навыки.

— *4 марта, во время аварии президентского лимузина на автострате А4, были ли у вас пристегнуты ремни?*

— Это происшествие уже обросло разными легендами. Приемы работы, оснащение Бюро правительственной охраны, поездки президента — это вопросы безопасности страны. Я знаю, что сейчас идет расследование этого дела. Подключилась также прокуратура. В СМИ циркулируют всякие далекие от правды истории на эту тему. Вот все, что я могу по этому поводу сказать.

— *Согласно «Newsweek», вы уже 23 раза летали в Краков самолетом. А ПуС так высмеивало Дональда Туска за то, что тот летал в Сопот...*

— Некоторые хотели бы, чтобы президент Анджей Дуда вообще с места не двигался, заперся у себя во дворце, пять лет ничего не делал, а лишь сидел под люстрой. Президент Анджей Дуда не будет сидеть под люстрой. У меня разные обязанности, в том числе представительские. Я стараюсь их выполнять как можно лучше. Моя роль, в моем понимании, состоит также в том, чтобы участвовать в некоторых событиях лично. С этим, к сожалению, связаны расходы. Но я не могу отказаться от правительственной охраны, не могу путешествовать, будучи президентом Республики Польша, иначе, нежели это обеспечивается государством. Но, кроме того, я еще и человек. Иногда я летаю в родной Краков по каким-то семейным делам. Закон не предусматривает, что я могу отправиться в такую поездку как частное лицо. У меня в Кракове дочь, родители, родители жены. Да, я — президент, но я еще и человек,

который время от времени должен заняться каким-то личным делом. К сожалению, я не могу пользоваться частным транспортом. Это очевидные требования, связанные с безопасностью главы государства.

— **Что вы будете делать 10 апреля?**

(Молчание.)

— То, что всегда делал, начиная с первой годовщины катастрофы. Утром буду в Вавеле на могиле президента Качинского и его супруги. Затем в Варшаве возложу цветы на могилы погибших. Среди них есть мои друзья. Открою мемориальную доску в память президента Леха Качинского на Президентской площади. Скажу несколько слов тем, кто будет участвовать в событиях в связи с годовщиной, пойду также на святую мессу.

— **В ходе избирательной кампании вы дали несколько обещаний. Первое — программа «Семья 500+», т.е. ежемесячная доплата 500 злотых на второго и следующего ребенка. Этот проект правительство уже реализовало.**

— Никто не может меня и нынешнее парламентское большинство упрекнуть, что мы не выполнили обязательство.

— **У оппозиции другое мнение. Говорят, что это должно было быть на каждого ребенка.**

— Обещание было выполнено именно так, как оно было сформулировано. Об этой программе было объявлено в 2014 году, я сам ее представлял, так что прекрасно помню. Я говорил о пособии на детей в размере 500 злотых, точно на тех принципах, на которых был принят закон. Это выполнение моего обещания, обещания Пис и г-жи премьер-министра. Очень важно добиться увеличения рождаемости, а также повысить уровень жизни польских семей, в которых больше детей. Впервые за много лет политики выполняют свои обещания, что-то дают полякам, а не забирают у них из кармана.

— **Вы также приняли обязательство представить «франковый закон».**

— Я принял на себя и другие обязательства: что подготовлю закон о снижении пенсионного возраста, повышу необлагаемый минимум дохода. Я обещал также помощь лицам, которые взяли кредит в швейцарских франках и сегодня испытывают проблемы. Я хочу напомнить, что многие семьи брали эти кредиты, потому что им не давали иной возможности. Это особенно касается молодых семей. Я решил подготовить закон; его разработали в Президентском дворце с участием общественности, преимущественно лиц, которых эти кредиты обременяют. Сейчас этот проект отвергнут Комиссией финансового контроля.

— **Комиссия попросту предупреждает, что «цена» закона**

составит несколько десятков миллиардов злотых.

— Поэтому закон должен быть так доработан, чтобы он помог людям и был безопасен для финансовой системы. Как президент я должен заботиться об экономической стабильности государства.

— *Это комфортная ситуация. Вы представляете проект закона и говорите: теперь дело за Сеймом, пусть найдет безопасное решение, а я свое обещание выполнил.*

— Вы не обратили внимания на последние публичные высказывания г-жи премьер-министра Беаты Шидло? Она четко и определенно сказала, что я выполнил свое обещание, направив закон в Сейм. И напомнила, что президентский срок полномочий — пять лет, а срок полномочий Сейма — четыре года. Это срок на выполнение обязательств избирательной кампании. Я попросил бы рассматривать мои действия с этой временной перспективы, поскольку некоторые хотели, чтобы я и г-жа премьер-министр Беата Шидло выполнили все свои предвыборные обещания в момент нашего вступления в должности. Г-жа премьер-министр сказала, что в этом году будет принят закон, снижающий пенсионный возраст, что в Сейме продолжают над этим работать. Президентская канцелярия за этой работой следит. Также, в соответствии с финансовыми возможностями государства, будет принят закон о повышении необлагаемого налогами минимума. Эти обещания реализуются и будут выполнены. Я неоднократно обсуждал это с г-жой главой правительства.

— *Как вы оцениваете реализацию программы «перемены к лучшему»? У вас не складывается впечатление, что слишком много ошибок, топтания на месте? Вот скандал вокруг конного завода, Беловежской пуцы, у нас конституционный кризис, отношения с Брюсселем довольно напряженные. Вы так себе это представляли?*

— Конституционный кризис вызван действиями «Платформы» перед выборами. Принятие закона «500+» показывает, что перемены к лучшему — это реальность. Меня беспокоит ситуация с конным заводом. Любого бы насторожило, что несколько лошадей погибают одним и тем же образом. Что касается Беловежской пуцы, то этим вопросом занимается министр Шишко, который, как я понимаю, хочет пуцу сохранить.

— *Но проблем множество. Вот уже неделю нет шефа у полиции, ситуацию в Бюро правительственной охраны вы сами хорошо знаете...*

— В государстве очень многое требует наладки. Процесс исправления идет, но он непрост. Никто ведь не говорил, что мы исправим государство за три или шесть месяцев. Перемены должны быть осуществлены осмотнительно, параллельно с

персональными назначениями.

— *И во всем виновата «Платформа»?*

— А кто так сказал?

— *Если вы говорите, что не все удастся исправить сразу, это значит, что виновата «Платформа». Нынешняя команда не совершает ошибок?*

— Каждый совершает ошибки. Нет догмата о непогрешимости премьера, президента, парламентского большинства или оппозиции. Любой может ошибиться. Важно, если кто-то ошибся, эти ошибки быстро исправить и сделать соответствующие выводы. А утверждение, что очень многое требует наладки, пожалуй, не вызывает сомнений. Спросите у поляков. Высокие рейтинги Пис показывают, что поляки видят и положительно оценивают «перемены к лучшему».

— *Но также говорят, что накал политического конфликта с момента выборов слишком высок.*

— Если кто-то хочет скандала, то это нынешняя оппозиция. Это она начала нынешний конфликт вокруг Конституционного суда.

— *То есть все-таки виновата «Платформа».*

— А вы не хотите вспомнить, кто действовал не в соответствии с конституцией, кто нарушал закон?

— *«Гражданская платформа» извинилась за поправки к закону о Конституционном суде и признала свою ошибку.*

— Но фактом остается то, что она сделала это лишь после решения Суда, который признал поправку не соответствующей конституции. Сегодня политики «Платформы» говорят, что не видят поля для компромисса. Разве так должен выглядеть поиск согласия?

— *А когда в Отвоцке вы цитировали, имея в виду оппозицию: «Отчизну дойную благоволи вернуть нам, Господи»^[1], — вы искали согласия? Такие слова должны звучать со стороны главы государства?*

— Повторю: нет догмата о непогрешимости президента Республики Польша.

— *Сегодня от таких слов вы бы отказались?*

— Я не должен был прибегать к такой цитате. Сегодня я сформулировал бы это иначе. Признаю — эти слова были неуместны.

1. Намек на национально-религиозный гимн «Боже, что Польшу...» с окказиональной строкой «Отчизну вольную благоволи вернуть нам, Господи», которая включалась в

текст во время гитлеровской оккупации и в годы ПНР —
Прим. пер.